

**СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

ОТРАЖЕНИЯ

Первые опыты художественного перевода

Альманах

Выпуск 12

Редакторы и составители:
К. С. Корконосенко, О. В. Матвиенко

Санкт-Петербург — Донецк
2022

УДК 82-822=03
ББК 84(0)
О-862

Ответственная за выпуск А. В. Кузьмина

С предложениями и пожеланиями обращаться по адресу:

Донецк, 283001, ул. Университетская, 24. ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», кафедра зарубежной литературы. Матвиенко О. В.

Тексты для публикации можно также направлять по электронной почте kmlkf@list.ru или на адрес редактора сборника matvizar@gmail.com. Присланные материалы не возвращаются и не рецензируются.

Издание носит некоммерческий характер и не поступает в продажу.

Проект реализован при поддержке Ассоциации преподавателей
русского языка и литературы «РОПРЯЛ»

Рецензенты:

В. Е. Багно, член-корреспондент РАН, научный руководитель ИРЛИ РАН

Е. В. Филатова, д. филол. н., заведующая кафедрой английского языка для естественных и гуманитарных специальностей ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Печатается по решению ученого совета факультета иностранных языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», протокол № 7 от 21.09.2022 г.

О-862 **Отражения. Первые опыты художественного перевода:** Альманах.
Вып. 12. Ред. и сост. К. С. Корконосенко, О. В. Матвиенко; [отв. за выпуск
А. В. Кузьмина]. СПб.; Донецк, 2022. 144 с.

В двенадцатый выпуск сборника «Отражения» включены лучшие переводы золотого фонда классической и современной словесности, сделанные лауреатами Международного конкурса начинающих переводчиков им. Э. Л. Линецкой (2021 г.), который традиционно проводится Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) в Петербурге. В альманахе напечатаны лучшие работы, поданные на республиканский конкурс для школьников «Мои первые переводы» (Донецк, 2019–2022), переводы студентов и преподавателей Донецкого национального университета. Рубрика «В переводческой мастерской» представляет авторскую подборку К. Белого и работы участников семинара С. А. Степанова.

УДК 82-822=03
ББК 84(0)

ISBN 978-5-6043747-6-4

© Союз писателей Санкт-Петербурга, 2022
© Донецкий национальный университет, 2022
© Корконосенко К. С., Матвиенко О. В.,
составление, 2022

От составителя

Дорогой читатель!

Вы держите в руках двенадцатый по счету выпуск переводческого альманаха «Отражения».

Мы продолжаем наш проект и публикуем материалы прошлого Международного конкурса начинающих переводчиков им. Э. Л. Линецкой, состоявшегося в 2021 г. Конкурс, который ежегодно проводится под эгидой Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге и популяризирует классические традиции Петербургской (Ленинградской) школы перевода, объединил в виртуальном русскоязычном пространстве людей, увлеченных художественным переводом. Приятно отметить, что география участников конкурса и соответственно альманаха «Отражения» ширится с каждым новым выпуском; авторы присылают свои работы отовсюду, от Западной Европы до Средней Азии, от Санкт-Петербурга до Донецка. Благодаря конкурсу «Отражения» регулярно пополняются, по выражению классика, «хорошими и разными» переводами с английского, немецкого, французского, испанского, итальянского, венгерского, китайского. Публикуя лучшие переводы иностранной поэзии и прозы, надеемся, что читатели смогут обогатить свое представление о классической и современной словесности, порадоваться удачным переводческим решениям.

Рубрика «В переводческой мастерской» предлагает ознакомиться с талантливыми переводами с немецкого петербургского автора, участника семинара В. А. Дымшица Константина Белого. В этой же рубрике представлены тексты участников семинара, действующего под руководством известного российского переводчика С. А. Степанова.

В разделе «Опыт художественного перевода в Донбассе» мы публикуем тексты региональных переводчиков. Конечно, о полноценной переводческой школе речь пока не идет, но донбассовцам есть на кого равняться: Петербургская школа художественного перевода задает нам высочайший исполнительский уровень.

Кроме того, в этом выпуске можно ознакомиться с лучшими переводами начинающих — это тексты победителей и лауреатов республиканского конкурса «Мои первые переводы» (2019–2021 гг.), который ежегодно проводится Донецким национальным университетом для старшеклассников Донбасса.

Пользуясь случаем, напоминаю, что редколлегия ждет Ваши переводческие подборки. То, что Вы переводите «для себя», чему посвящаете свободное время и отдаете душевные силы. Тексты, которые Вы шлифуете и совершенствуете, добиваясь идеального звучания, безупречного стиля.

Надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Приятного Вам чтения!

Ольга Матвиенко

Слово о конкурсе

Каждый год, начиная с 2009-го, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) совместно с Союзом писателей Санкт-Петербурга проводит Конкурс начинающих переводчиков имени Э. Л. Линецкой. С идеей организации такого конкурса выступили ученики Эльги Львовны, бывшие участники ее семинара — Т. Н. Чернышева, М. Д. Яснов, В. Е. Багно и В. Н. Андреев.

Конкурс проводится при финансовой поддержке Института перевода в Москве; цель его — сохранение традиций отечественной школы художественного перевода, а задача — на конкурсной основе отметить лучшие переводы поэзии и прозы, выполненные начинающими переводчиками на материале предложенных заданий.

Для участников Конкурса не устанавливается ограничений по возрасту, гражданству и месту жительства. Начинаящим может считать себя всякий переводчик, делающий первые шаги в художественном переводе, не состоящий ни в каком профессиональном союзе и имеющий не более трех переводных публикаций.

Диапазон заданий год от года меняется: на конкурс предлагаются тексты на разных языках, в номинациях Проза и Поэзия. В 2022 году к уже традиционным английскому, венгерскому, испанскому, итальянскому, китайскому, немецкому и французскому мы добавили идиш. Информация о конкурсе помещается на сайт Пушкинского Дома, а потом, уже без усилий оргкомитета, передается по социальным сетям.

Награждения в Большом зале Пушкинского Дома проходят и торжественно, и весело. Это праздник для всех любителей перевода. Отрадно, что на этом празднике завязывается общение лауреатов и с профессиональными переводчиками, и между собой, и этот заинтересованный диалог продолжается и потом, выходя за рамки конкурсных заданий.

Один из результатов такого общения — издание лучших переводов 2021 года в нынешнем выпуске «Отражений» под двойным грифом — Союза писателей Санкт-Петербурга и Донецкого национального университета. Я живу в Петербурге, а мой соредaktor и многократная победительница Конкурса начинающих переводчиков Ольга Матвиенко — в Донецке. Ее ежегодную работу над альманахом я считаю подвижничеством.

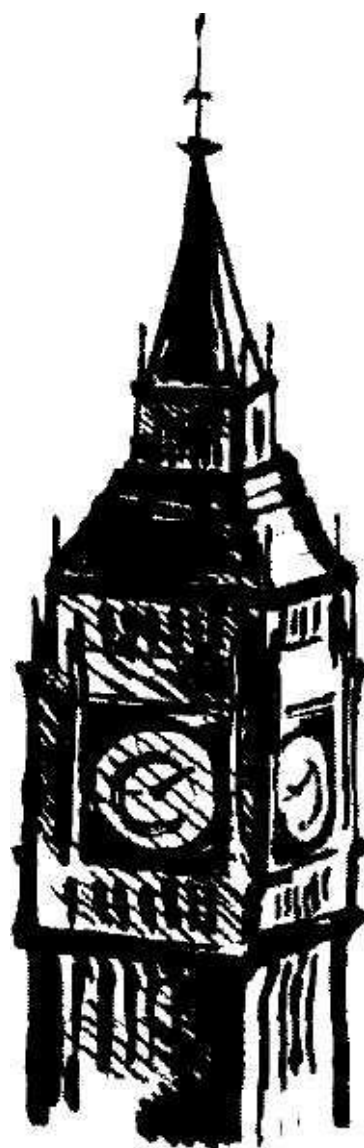
Этот совместный проект интересен читателям, поэтому работа над ним продолжится и в будущем.

*Кирилл Корконосенко,
эксперт и организатор конкурса*

**МАТЕРИАЛЫ КОНКУРСА
НАЧИНАЮЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ
ИМ. Э. Л. ЛИНЕЦКОЙ
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2021)**

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО

АНГЛИЙСКАЯ ПРОЗА

Eudora Welty (1909–2001). A Visit of Charity (1941)

It was mid-morning — a very cold, bright day. Holding a potted plant before her, a girl of fourteen jumped off the bus in front of the Old Ladies' Home, on the outskirts of town. She wore a red coat, and her straight yellow hair was hanging down loose from the pointed white cap all the little girls were wearing that year. She stopped for a moment beside one of the prickly dark shrubs with which the city had beautified the Home, and then proceeded slowly toward the building, which was of whitewashed brick and reflected the winter sunlight like a block of ice. As she walked vaguely up the steps she shifted the small pot from hand to hand; then she had to set it down and remove her mittens before she could open the heavy door.

"I'm a Campfire Girl... I have to pay a visit to some old lady," she told the nurse at the desk. This was a woman in a white uniform who looked as if she were cold; she had close-cut hair which stood up on the very top of her head exactly like a sea wave. Marian, the little girl, did not tell her that this visit would give her a minimum of only three points in her score.

"Acquainted with any of our residents?" asked the nurse. She lifted one eyebrow and spoke like a man.

"With any old ladies? No — but — that is, any of them will do," Marian stammered. With her free hand she pushed her hair behind her ears, as she did when it was time to study Science.

The nurse shrugged and rose. "You have a nice *multiflora cineraria* there," she remarked as she walked ahead down the hall of closed doors to pick out an old lady.

There was loose, bulging linoleum on the floor. Marian felt as if she were walking on the waves, but the nurse paid no attention to it. There was a smell in the hall like the interior of a clock. Everything was silent until, behind one of the doors, an old lady of some kind cleared her throat like a sheep bleating. This decided the nurse. Stopping in her tracks, she first extended her arm, bent her elbow, and leaned forward from the hips, all to examine the watched strapped to her wrist; then she gave a loud double-rap on the door.

"There are two in each room," the nurse remarked over her shoulder.

"Two what?" asked Marian without thinking. The sound like a sheep's bleating almost made her turn around and run back.

One old woman was pulling the door open in short, gradual jerks, and when she saw the nurse a strange smile forced her old face dangerously awry. Marian, suddenly propelled by the strong, impatient arm of the nurse, saw next the side-face of another woman, even older, who was lying flat in bed with a cap on and a counterpane drawn up to her chin.

"Visitor," said the nurse, and after one more shove she was off up the hall.

Marian stood tongue-tied; both hands held the potted plant. The old woman, still with that terrible, square smile (which was a smile of welcome) stamped on her bony face, was waiting...Perhaps she said something. The old woman in bed said nothing at all, and she did not look around.

Suddenly Marian saw a hand, quick as a bird claw, reach up in the air and pluck the white cap off her head. At the same time, another claw to match drew her all the way into the room, and the next moment the door closed behind her.

"My, my, my," said the old lady at her side.

Marian stood enclosed by a bed, a washstand and a chair; the tiny room had altogether too much furniture. Everything smelled wet — even the bare floor. She held on to the back of the chair, which was wicker and felt soft and damp. Her heart beat more and more slowly, her hands got colder and colder, and she could not hear whether the old women were saying anything or not. She could not see them very clearly. How dark it was! The window shade was down, and the only door was shut. Marian looked at the ceiling...It was like being caught in a robbers' cave, just before one was murdered.

"Did you come to be our little girl for a while?" the first robber asked.

Then something was snatched from Marian's hand — the little potted plant.

"Flowers!" screamed the old woman. She stood holding the pot in an undecided way. "Pretty flowers," she added.

Then the old woman in bed cleared her throat and spoke. "They are not pretty," she said, still without looking around, but very distinctly.

Marian suddenly pitched against the chair and sat down in it.

"Pretty flowers," the first woman insisted. "pretty—pretty..."

Marian wished she had the little pot back for just a moment—she had forgotten to look at the plant herself before giving it away. What did it look like?

"Stinkweeds," said the other old woman sharply. She had a bunched white forehead and red eyes like a sheep. Now she turned them toward Marian. The foggiest seemed to rise in her throat again, and she bleated, "Who—are—you?"

To her surprise, Marian could not remember her name. "I'm a Campfire Girl," she said finally.

"Watch out for the germs," said the old woman like a sheep, not addressing anyone.

"One came out last month to see us," said the first old woman.

A sheep or a germ? wondered Marian dreamily, holding on to the chair.

"Did not!" cried the other old woman.

"Did so! Read to us out of the Bible and we enjoyed it!" screamed the first.

"Who enjoyed it?" said the woman in bed. Her mouth was unexpectedly small and sorrowful, like a pet's.

"We enjoyed it," insisted the other. "You enjoyed it — I enjoyed it."

"We all enjoyed it," said Marian, without realizing that she had said a word.

The first old woman had just finished putting the potted plant high, high up on top of the wardrobe, where it could hardly be seen from below. Marian

wondered how she had ever succeeded in placing it there, how she could ever have reached so high.

“You mustn’t pay any attention to old Addie,” she now said to the little girl. “She’s ailing today.”

“Will you shut your mouth?” said the woman in bed. “I am not.”

“You’re a story.”

“I can’t stay but a minute — really I can’t,” said Marian suddenly. She looked down at the wet floor and thought that if she were sick in here they would have to let her go.

With much to-do the first old woman sat down in a rocking chair—still another piece of furniture! — and began to rock. With the fingers of one hand she touched a very dirty cameo pin on her chest. “What do you do at school?” she asked.

“I don’t know...” said Marian. She tried to think but she could not.

“Oh, but the flowers are beautiful,” the old woman whispered. She seemed to rock faster and faster; Marian did not see how anyone could rock so fast.

“Ugly,” said the woman in bed.

“If we bring flowers — “ Marian began, then fell silent. She had almost said that if Campfire Girls brought flowers to the Old Ladies’ Home, the visit would count one extra point, and if they took a Bible with them on the bus and read it to the old ladies, it counted double. But the old woman had not listened, anyway; she was rocking and watching the other one, who watched back from the bed.

“Poor Addie is ailing. She has to take medicine — see?” she said, pointing a horny finger at a row of bottles on the table, and rocking so high that her black comfort shoes lifted off the floor like a little child’s.

“I am no more sick than you are,” said the woman in bed.

“Oh, yes you are!”

“I just got more sense than you have, that’s all,” said the other old woman, nodding her head.

“That’s only the contrary way she talks when you all come,” said the first old lady with sudden intimacy. She stopped the rocker with a neat pat of her feet and leaned toward Marian. Her hand reached over — it felt like a petunia leaf, clinging and just a little sticky.

“Will you hush! Will you hush!” cried the other one.

Marian leaned back rigidly in her chair.

“When I was a little girl like you, I went to school and all,” said the old woman in the same intimate, menacing voice. “Not here — another town...”

“Hush!” said the sick woman. “You never went to school. You never came and you never went. You never were anything — only here. You never were born! You don’t know anything. Your head is empty, your heart and hands and your old black purse are all empty — you showed it to me. And yet you talk, talk, talk, talk, talk all the time until I think I’m losing my mind! Who are you? You’re a stranger—a perfect stranger! Don’t you know you’re a stranger? Is it possible that they have actually done a thing like this to anyone — sent them in a stranger to

talk, and rock, and tell away her whole long rigmarole? Do they seriously suppose that I'll be able to keep it up, day in, day out, night in, night out, living in the same room with a terrible old woman forever?"

Marian saw the old woman's eyes grow bright and turn toward her. This old woman was looking at her with despair and calculation in her face. Her small lips suddenly dropped apart, and exposed a half circle of false teeth with tan gums.

"Come here, I want to tell you something," she whispered. "Come here!"

Marian was trembling, and her heart nearly stopped beating altogether for a moment.

"Now, now, Addie," said the first old woman. "That's not polite. Do you know what's really the matter with old Addie today?" She, too, looked at Marian; one of her eyelids dropped low.

"The matter?" the child repeated stupidly. "What's the matter with her?"

"Why, she's mad because it's her birthday!" said the first old woman, beginning to rock again and giving a little crow as though she had answered her own riddle.

"It is not, it is not!" screamed the old woman in bed. "It is not my birthday, no one knows when that is but myself, and will you please be quiet and say nothing more, or I'll go straight out of my mind!" She turned her eyes toward Marian again, and presently she said in the soft, foggy voice, "When the worst comes to the worst, I ring this bell, and the nurse comes." One of her hands was drawn out from under the patched counterpane — a thin little hand with enormous black freckles. With a finger which would not hold still she pointed to a little bell on the table among the bottles.

"How old are you?" Marian breathed. Now she could see the old woman in bed very closely and plainly, and very abruptly, from all sides, as in dreams. She wondered about her — she wondered for a moment as though there was nothing else in the world to wonder about. It was the first time such a thing had happened to Marian.

"I won't tell!"

The old face on the pillow, where Marian was bending over it, slowly gathered and collapsed. Soft whimpers came out of the small open mouth. It was a sheep that she sounded like — a little lamb. Marian's face drew very close, the yellow hair hung forward.

"She's crying!" She turned a bright, burning face up to the first old woman.

"That's Addie for you," the old woman said spitefully.

Marian jumped up and moved toward the door. For the second time, the claw almost touched her hair, but it was not quick enough. The little girl put her cap on.

"Well, it was real visit," said the old woman, following Marian through the doorway and all the way out into the hall. Then from behind she suddenly clutched the child with her sharp little fingers. "Oh, little girl, have you a penny to spare for an old woman that's not got anything of her own? We don't have thing in the world—not a penny for candy — not a thing! Little girl, just a nickel— a penny—"

Marian pulled violently against the old hands for a moment before she was free. Then she ran down the hall, without looking behind her and without looking at the nurse, who was reading *Field & Stream* at her desk. The nurse, after another triple motion to consult her wrist watch, asked automatically the question put to visitors in all institutions: “Won’t you stay and have dinner with us?”

Marian never replied. She pushed the heavy door open into the cold air and ran down the steps.

Under the prickly shrub she stooped and quickly, without being seen, retrieved a red apple she had hidden there.

Her yellow hair under the white cap, her scarlet coat, her bare knees flashed in the sunlight as she ran to meet the big bus rocketing through the street.

“Wait for me!” she shouted. As though at an imperial command, the bus ground to a stop.

She jumped on and took a big bite out of the apple.

Юдора Уэлти (1909–2001). Благотворительный визит

День еще только начинался, солнечный и очень холодный. На окраине города, перед домом престарелых для пожилых леди остановился автобус, из которого выскочила девочка лет четырнадцати с цветочным горшком в руках. На девочке было красное пальто и модная белая шапка с заостренной макушкой — все ее сверстницы носили такие в том году; из-под шапки выбились пряди прямых светлых волос. Девочка ненадолго задержалась у колючих темных кустов, высаженных городом для украшения территории, а затем медленно направилась к зданию из беленого кирпича, стены которого отражали лучи зимнего солнца, словно брикет льда. Девочка рассеянно поднималась по ступеням крыльца, перекладывая небольшой горшок из одной руки в другую; у входа ей пришлось поставить цветок, чтобы снять рукавицы и открыть массивную дверь.

— Я из “Костра”... Мне нужно посетить какую-нибудь леди, — сказала девочка сидевшей за столом медсестре. Медсестра, казалось, немного замерзла в своей белой униформе; ее коротко стриженные волосы торчали на макушке, как завиток морской волны. Мэриан — так звали девочку — не стала говорить, что за этот визит она получит всего-навсего три очка.

— Знакома с кум-нибудь из наших? — спросила медсестра. Она приподняла бровь и говорила низким, как у мужчины, голосом.

— Кого-то из ваших леди? Нет, но... вообще-то, мне любая подойдет, — слегка запнувшись, сказала Мэриан. Свободной рукой девочка заправила волосы за уши; она всегда так делала, когда нужно было сосредоточиться — например, на уроках физики.

Медсестра пожала плечами и поднялась со стула, чтобы отправиться на поиски подходящей пожилой леди.

— Красивая у тебя цинерария, — заметила она, шагая впереди Мэриан по коридору вдоль закрытых дверей.

Линолеум отошел от пола и вздулся. Мэриан казалось, что она идет по волнам, но медсестра ничего не замечала. Пахло, как в старых напольных часах. Всё было тихо, пока за одной из дверей вдруг не раздалось BLEЮЩЕЕ покашливание какой-то леди. Это и определило выбор медсестры. Она остановилась, вскинула руку, согнула в локте и, подавшись вперед всем корпусом, посмотрела на часы у нее на запястье. Затем дважды решительно постучала в дверь.

— Их по две в каждой комнате, — бросила она через плечо.

— По две чего? — машинально спросила Мэриан. Странные BLEЮЩИЕ звуки едва не заставили ее кинуться прочь.

Старая женщина по ту сторону двери принялась короткими рывками дергать ее на себя. При виде медсестры ее морщинистое лицо растянулось в странной улыбке и от этого как-то пугающе перекосилось. Сильной нетерпеливой рукой медсестра подтолкнула Мэриан в спину и девочка неожиданно влетела в комнату, где заметила на кровати ещё более дряхлую старуху, в чепце; Мэриан видела только половину лица второй старухи, которая лежала на спине, натянув стеганое одеяло до самого подбородка.

— Посетитель, — сказала медсестра и, еще раз подтолкнув Мэриан, удалилась.

Мэриан словно язык проглотила; она стояла на входе, сжимая в руках цветочный горшок. Костлявое лицо первой старухи по-прежнему сковывала жутковатая гримаса (заменяющая, по-видимому, приветственную улыбку). Старуха ждала... Возможно, она даже что-то сказала. Ее соседка по комнате молча лежала в кровати, безучастно уставившись в потолок.

Вдруг сухонькая рука, похожая на птичью лапку, проворно взлетела и сдернула с головы Мэриан белую шапочку. Вторая такая же лапка затащила девочку вглубь комнаты. Дверь тут же захлопнулась.

— Кто это к нам пожаловал? — проворковала первая старуха.

Мэриан стояла, втиснувшись между кроватью, умывальником и стулом: крошечная комнатка была под завязку забита мебелью. Все пропахло сыростью, даже ничем не покрытый пол. Девочка вцепилась в спинку плетеного стула, которая оказалась мягкой и влажной. Сердце ее замирало, руки стали совсем ледяными; возможно, старухи ей что-то говорили, но она ничего не слышала. Да и видела она их смутно. Как же там было темно! Занавеска на окне опущена, единственная дверь плотно закрыта. Мэриан подняла глаза к потолку... Вот так, наверное, чувствует себя жертва головорезов в их логове перед лицом неминуемой смерти.

— Пришла побыть нашей деточкой? — спросил первый головорез.

Тут из рук Мэриан что-то выхватили — маленький цветочный горшок.

— Цветы! — взвизгнула старуха, неуверенно вертя в руках горшок. — Красивые цветочки, — добавила она.

Лежавшая на кровати старуха прокашлялась и отчеканила, по-прежнему не поворачивая головы:

— Ничего особенного.

Неожиданно пошатнувшись, Мэриан опустилась на стул.

— Нет, красивые! — упрямо повторила первая старуха. — И даже очень.

Вот бы забрать у них цветок — хоть на секундочку! — и взглянуть на него. Мэриан пожалела, что не догадалась рассмотреть его раньше. Как же он выглядел?

— Вонючки, — буркнула вторая старуха. У нее был выпуклый белый лоб и красные, как у овцы, глаза. Она посмотрела ими на девочку. Наверное, горло у нее опять заложило, и старуха проблеяла: — Ты кто такая?

К своему удивлению, Мэриан не смогла вспомнить, как ее зовут.

— Я из «Костра»... — выговорила она наконец.

— Берегись заразы, — дребезжащим овечьим голосом сказала старуха, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Месяц назад у нас тут была одна, — сказала первая старуха.

«Овца или зараза?» — рассеянно подумала Мэриан, вцепившись в стул.

— Что-то не припомню! — сердито проворчала другая старуха.

— Ну как же? Приходила, читала нам Библию вслух. И нам понравилось! — громко возразила первая старуха.

— Кому понравилось? — сказала старуха на кровати. У нее был удивительно маленький, как у кошки, рот с горестно поджатыми губами.

— Как кому? Нам, — настаивала первая. — Тебе и мне.

— Нам всем это понравилось, — неожиданно для себя вставила Мэриан.

Первая старуха как раз пристроила горшок с цветком на самый-самый верх высоченного шкафа — снизу и не разглядишь. Мэриан удивилась, как она ухитрилась дотянуться и поставить цветок на такую высоту.

— Не обращай внимания на старую Эдди, — сказала девочке первая старуха. — Ей сегодня нездоровится.

— Будь любезна, закрой рот! — сказала старуха в кровати. — Я прекрасно себя чувствую.

— Не рассказывай сказки!

— Я только на минутку зашла, мне и правда уже пора, — вдруг сказала Мэриан. Она посмотрела на влажный пол и подумала, что если бы ее сейчас стошнило, им бы пришлось ее отпустить.

Первая старуха, засуетившись, уселась в кресло-качалку — как оно только здесь поместилось? — и принялась раскачиваться. Она поправила замызганную брошку на груди и спросила:

— А что вы сейчас проходите в школе,

— Я не знаю... — сказала Мэриан. Она попыталась вспомнить, но так и не смогла.

— А цветы всё-таки красивые, — прошептала старуха. Она раскачивалась всё сильнее и сильнее; Мэриан никогда не видела, чтобы кто-то раскачивался так сильно.

— Уродливые, — проворчала другая старуха.

— Если мы приносим цветы... — начала было Мэриан, но вовремя прикусила язык. Она чуть не проговорила, что если принести цветы, то начислят один дополнительный балл, а если привезти и почитать Библию — баллы удваиваются. Но старуха в кресле все равно не слушала; она все качалась, и качалась, и все глядела на свою соседку, которая так же не сводила с нее глаз.

— Бедняжка Эдди. Ей приходится принимать лекарства. Вон, видишь? — Она показала узловатым пальцем на ряд пузырьков на столе, продолжая качаться так сильно, что ее ноги в удобных черных тапках взлетали, отрываясь от пола — словно у маленькой девочки.

— Я так же здорова, как и ты, — сказала старуха в кровати.

— Еще как больна!

— У меня просто ума побольше, вот и всё, — сказала лежащая старуха, в подтверждение своих слов кивая головой.

— Стоит кому-то из вас прийти, как она начинает говорить мне наперекор, — пожаловалась первая старуха в порыве откровенности. Она ловко остановила кресло-качалку ногой, потянулась к Мэриан и слегка коснулась ее цепкими, немного липкими пальцами, напоминающими листочки петунии.

— Замолчи! Замолчи сейчас же! — закричала другая старуха.

Мэриан вжалась в спинку стула.

— Когда я была девочкой, как ты, я тоже ходила в школу. — Вкрадчивый голос старухи звучал немного угрожающе. — Но не здесь — в другом городе...

— Вранье! — прервала ее больная старуха. — Не ходила ты в школу. Ни дня не ходила. Ты вообще нигде не была, кроме этой комнаты. Ты и на свет-то не родилась. Не знаешь ничегошеньки. Пустая голова. И на сердце у тебя пусто, и в руках ничего не задерживается, и даже в твоём старом черном кошельке нет ни монетки — сама мне его показывала. А ты всё болтаешь и болтаешь без умолку — я скоро с ума сойду от твоей болтовни! Да кто ты такая? Никто! Знать тебя не знаю! Неужели сама не понимаешь: чужая ты мне совсем! Это же надо додуматься — подселать к людям чужого человека, чтобы он вечно зудел над ухом, качался в кресле и нес околесицу! Неужели они всерьёз полагают, что я смогу до скончания веков делить комнату с отвратительной незнакомой старушенцией — дни и ночи напролет?

Теперь глаза старухи сверкали, она смотрела на Мэриан с отчаянием и явно что-то обдумывала. Вдруг она приоткрыла свой крошечный рот, обнажив ряд вставных зубов и потемневшие десны:

— Подойди-ка поближе, я тебе что-то скажу, — прошептала старуха. — Подойди!

Мэриан затрясло, ее сердце чуть не остановилось.

— Ладно тебе, Эдди, — сказала первая старуха. — Не очень-то это вежливо... Знаешь, что с ней такое на самом деле? — Она тоже посмотрела на девочку; одно веко у нее было опущено.

— На самом деле? — машинально повторила Мэриан. — А что с ней такое?

— Да просто сегодня у нее день рождения, вот она и злится! — заявила первая старуха, вновь начиная раскачиваться в кресле. При этом она довольно хихикнула, будто радуясь своей догадливости.

— А вот и нет! А вот и нет! — завопила старуха в кровати. — Мой день рождения вовсе не сегодня. Никто, кроме меня, не знает, когда он! И замолчи уже, наконец, не то я за себя не ручаюсь!

Она снова посмотрела на Мэриан и сказала тихим, сипловатым голосом:

— Когда она меня совсем донимает, я звоню в этот колокольчик, и тогда приходит медсестра.

Из-под стеганого одеяла высунулась маленькая сухонькая рука с огромными черными веснушками. Трясущимся пальцем старуха указала на маленький колокольчик, который стоял на столе среди пузырьков.

— Сколько вам лет? — еле слышно выдохнула Мэриан. Она теперь видела эту старуху очень ясно и отчетливо, и как-то со всех сторон, как во сне. Старуха вдруг на минуту стала ей интересна — как будто не было на свете ничего интересней. Никогда еще такого с ней не случилось. — Я никому не скажу!

Вдруг лицо старухи в кровати сморщилось, а затем разгладилось, и склонившаяся над ней Мэриан услышала тихие всхлипы. Из старухиногo ротика доносились звуки, напоминавшие бляение ягненка. Девочка придвинулась так близко, что ее волосы почти касались подушки.

— Она плачет! — Мэриан с пылающим лицом посмотрела на первую старуху.

— В этом вся Эдди, — сказала та язвительно.

Вскочив, девочка ринулась к двери. Цепкая птичья лапа снова попыталась дотянуться до ее волос, но Мэриан оказалась проворнее и успела натянуть шапку.

— Что ж, хороший получился визит! — сказала старуха, выходя из комнаты и следуя за Мэриан по коридору. Вдруг она крепко схватила девочку за руку когтистыми пальцами.

— Деточка, может, у тебя найдется монетка для бедной старушки? У нас ведь совсем ничего нет — даже конфетку не на что купить! Девочка, ну дай хоть одну монеточку...

Мэриан рванулась из рук старухи и через минуту была свободна. Затем без оглядки побежала по коридору, даже не взглянув на сидевшую за столом медсестру, которая читала журнал «Охота и рыбалка».

Медсестра вновь проделала три последовательных телодвижения, чтобы посмотреть на часы, и задала дежурный вопрос, который задают всем посетителям подобных учреждений:

— Не хотите ли остаться и пообедать с нами?

Мэриан ничего не ответила. Она толкнула тяжелую дверь навстречу холодному воздуху и сбежала по ступенькам крыльца.

Остановившись возле колючего куста, девочка быстро, чтобы ее не увидели, достала спрятанное красное яблоко.

Соломенные волосы, красное пальто и голые коленки так и мелькали в ярких солнечных лучах, когда она бежала к несшемуся по улице автобусу.

— Подождите меня! — крикнула девочка. Словно повинуясь королевскому приказу, автобус остановился как вкопанный.

Она прыгнула внутрь и откусила большой кусок яблока.

Перевод Елены Савиной (elam2001@mail.ru). Родилась и живет во Владивостоке. По образованию преподаватель английского языка, но преподаванием давно не занимается, хотя все работы были так или иначе связаны с языками (второй иностранный язык — французский). Параллельно основной работе занимается переводами, в основном техническими. До участия в конкурсе переводить художественную литературу не доводилось, хотя это единственный вид перевода, который Елена искренне любит и в котором мечтает и дальше совершенствоваться. Перевод занял первое место в номинации «английская проза» (2021).

Юдора Уэлти (1909–2001). Благотворительный визит

Холодное утро в самом разгаре, ярко светит солнце. Напротив Приюта для пожилых дам, на самой окраине города, из автобуса выпрыгнула девочка лет четырнадцати, держа перед собой горшок с цветком. На ней была красная куртка, а ее прямые золотистые волосы, ничем не схваченные, свободно падали из-под белой остроконечной шапочки — такую в том году носили все ее сверстницы. Девочка на миг остановилась у одного из густых колючих кустов (которые, по замыслу городских властей, должны были украсить Приют), а затем не спеша побрела к зданию из побеленного кирпича, отражавшему свет зимнего солнца, словно глыба льда правильной формы. Задумчиво поднимаясь по ступеням, девочка брала горшочек то в одну, то в другую руку, а затем поставила его вниз и сняла варежки, чтобы открыть тяжелую дверь.

— Я из «Кэмпфайр-Гёрлз»¹, мне нужно навестить пожилую даму, — сказала она медсестре на вахте. Женщина в белом халате выглядела так, будто сильно мерзла, а ее коротко остриженные волосы поднимались волной на самой макушке. Мариан — девочка — не упомянула о том, что это посещение даст ей как минимум три очка в рейтинге.

— Знаешь ли ты кого-нибудь из наших дам? — спросила медсестра. Она приподняла одну бровь и разговаривала как мужчина.

— Кого-нибудь из дам? Нет, ну то есть любая подойдет, — с запинкой ответила Мариан. Свободной рукой она откинула волосы за уши, как обычно делала, когда садилась за учебу.

¹ Американская молодежная организация, в которую изначально принимали только девочек. — Прим. пер.

Пожав плечами, медсестра встала. «Красивый цветок», — заметила она, пока они с Мариан шли по холлу с закрытыми дверьми по периметру в поисках какой-нибудь пожилой дамы.

Под ногами у них вздувался плохо закрепленный линолеум. Мариан казалось, будто она ступает по гребням волн, медсестра же вообще не обращала на это внимания. В холле пахло как внутри старых часов. Ничто не нарушало стоявшей вокруг тишины, пока за одной из дверей какая-то старушка не решила откашляться — раздался звук, похожий на бляенье овцы. Для медсестры это будто стало сигналом. Резко остановившись, она вытянула руку, механически согнула локоть и наклонила корпус вперед — вся эта операция для того, чтобы свериться с часами, стянутыми ремешком на запястье. Затем она громко постучала два раза в дверь, из-за которой донеслось это бляенье.

— Их по двое в каждой комнате, — бросила она девочке через плечо.

— По двое кого? — переспросила Мариан, с трудом соображая. От звука, похожего на бляенье овцы, девочка чуть не развернулась и не убежала.

Дверь перед ними стала постепенно открываться — короткими, равномерными рывками ее тянула на себя старушка из комнаты. Когда она увидела медсестру, пугающая улыбка исказила ее старческое лицо. Мариан почувствовала, как сильная рука женщины с нетерпением проталкивает ее вперед, и увидела в глубине комнаты профиль другой старушки с чепцом на голове, еще старше первой, которая безвольно лежала на кровати, закрывшись покрывалом до подбородка.

— Посетительница, — объявила медсестра и через миг уже шла обратно по холлу.

Мариан словно лишилась дара речи и вцепилась обеими руками в горшок с цветком. Старуха с застывшей на худом лице страшной улыбкой (игравшей роль улыбки приветствия) по-прежнему стояла перед ней в ожидании... Возможно, она даже что-то произнесла. Старушка в постели не сказала вообще ничего и даже не посмотрела на девочку.

Внезапно перед лицом Мариан мелькнула рука, похожая на когтистую птичью лапу, которая взмыла вверх и сорвала белую шапочку с ее головы. В тот же момент другая такая же лапа крепко вцепилась в нее и потащила в глубь комнаты, а еще через миг дверь за девочкой захлопнулась.

— Моя, моя, моя, — услышала Мариан сбоку от себя.

Девочка оказалась в окружении кровати, столика для умывания и стула — в крошечной комнате было слишком много мебели. Все предметы вокруг источали запах сырости, даже голый пол. Девочка оперлась на спинку плетеного стула, на ощупь мягкую и влажную. Сердце в груди билось все медленнее и медленнее, руки холодели, и она не могла расслышать, говорят ли что-то старушки или нет. Она не могла даже ясно разглядеть обитательниц комнаты. Как здесь темно! Оконная штора задернута, а единственная дверь закрыта. Мариан подняла глаза к потолку... Так

чувствует себя человек, попавший в логово разбойников, перед тем как его убьют.

— Ты пришла скрасить наше одиночество? — услышала она слова первого разбойника.

У Мариан вырвали что-то из рук — горшок с цветком.

— Цветы! — завизжала старушка. Она в нерешительности держала горшок, — Красивые!

Вторая старушка, в постели, откашлялась и подала голос. «И совсем не красивые», — отчетливо произнесла она, по-прежнему глядя только перед собой.

Мариан внезапно натолкнулась на стул и в конце концов опустилась на сиденье.

— Цветы красивые, — настойчиво повторила первая, — красивые, красивые...

Мариан захотелось, чтобы у нее в руках снова оказался горшок с цветком, — она сама даже не посмотрела на него, перед тем как отдать. Как вообще выглядел этот цветок?

— И пахнут они противно, — резко возразила вторая старушка. У нее выпуклый белый лоб и покрасневшие глаза, как у овцы. Теперь она воззрилась на Мариан. К ее горлу будто снова подступил ком, и она проблеяла: «К-как... тебя... з-зовут?»

К собственному удивлению, Мариан не смогла вспомнить свое имя.

— Я из «Кэмпфайр Гёрлз», — наконец ответила она.

— Берегись бактерий, — снова проблеяла старушка, ни к кому в отдельности не обращаясь.

— Одна такая как раз заходила к нам в прошлом месяце, — сказала первая старушка.

— Бактерия или овца? — как в тумане спросила Мариан, по-прежнему крепко держась за спинку стула.

— Не заходила! — заверещала другая старушка.

— Заходила! Почитала что-то из Библии, нам понравилось! — в ответ закричала первая.

— Кому понравилось? — переспросила старушка в постели. У нее оказался маленький ротик, как у кошки.

— Понравилось нам с тобой! — настаивала другая. — Тебе понравилось! Мне понравилось!

— Нам всем понравилось, — произнесла Мариан, даже не осознав, что она что-то сказала.

Первой старушке наконец удалось поставить горшок на самый верх шкафа, откуда цветок едва ли было видно. Мариан задалась вопросом, как только старушка сумела поставить его туда, как ей вообще удалось дотянуться так высоко.

— Не обращай внимания на старую Эдди, — сказала она девочке. — Ей сегодня нездоровится.

— Ты помолчишь или нет? — донеслось из постели. — Со мной все в порядке.

— Ты придумываешь.

— Знаете, я не могу надолго оставаться, правда, не могу, — внезапно выпалила Мариан. Она посмотрела вниз на влажный пол и подумала, что если ей здесь станет плохо, то им просто придется ее отпустить.

Повозившись, первая старушка наконец устроилась в кресле-качалке — еще один предмет мебели! — и начала качаться. Одной рукой она стала поглаживать запачканную брошь с камеей на груди. «Как у тебя дела в школе?» — поинтересовалась она у девочки.

— Не знаю... — ответила Мариан. Она попыталась собраться с мыслями, но не получилось.

— А цветы все равно красивые, — прошептала старушка. Казалось, будто она качается все быстрее и быстрее; Мариан никогда не видела, чтобы кто-то так быстро качался.

— Противные, — отозвалась старушка в постели.

— Если мы приносим цветы... — начала Мариан, но осеклась. Она чуть не проговорила, что если девочка из «Кэмпфайр Гёрлз» приносит цветы в дом престарелых, то за такое посещение ей начисляют дополнительное очко, а если она привозит с собой Библию и читает пожилым дамам, то два очка. Впрочем, старушка не слушала, она качалась и смотрела на свою соседку, которая поглядывала на нее в ответ.

— Бедняжке Эдди нездоровится, ей надо принять лекарство, посмотри, — сказала она, показывая мозолистым пальцем на вереницу флаконов на столике, и качнулась так высоко, что ее удобные черные тапки взлетели от пола, как у ребенка.

— Мне не хуже, чем тебе, — ответила старушка в постели.

— Ну да, конечно!

— Я просто умнее тебя, вот и все, — ответила та, покачивая головой.

— Она всегда становится такой упрямой, когда вы все приходите, — с неожиданной доверительностью сообщила первая старушка. Одним ловким движением ноги она остановила кресло-качалку и наклонилась к Мариан. Девочка почувствовала прикосновение ее руки — на ощупь как лист петунии, немного липкий и пристающий к коже.

— Замолчи! Да замолчи ты! — закричала вторая старушка.

Мариан, не сгибаясь, откинулась к спинке стула.

— Когда я была такой же маленькой девочкой, как ты, я ходила в школу и занималась там всем этим, — продолжала первая старушка тем же доверительно-зловещим голосом, — но не здесь, а в другом городе...

— Замолчи! — прервала больная. — Ты никогда не ходила в школу. Ты никуда не уходила и никогда не приходила. Ты никогда нигде не была, только здесь. Ты никогда не рождалась! Ты ничего не знаешь. В твоей голове ничего нет, в твоём сердце, в руках и в той старой черной сумке тоже ничего — ты сама показывала мне! И все равно ты говоришь, говоришь и

говоришь, пока я не начинаю чувствовать себя поехавшей! Ты кто вообще? Ты незнакомка, я тебя знать не знаю! Ты, что ли, сама этого не понимаешь? Нет, возможно ли вообще, чтобы они поступали так с кем-то — заслали незнакомку, которая качается в кресле и, не унимаясь, несет всякий вздор? Они действительно думают, что я это выдержу — постоянно, изо дня в день, сидеть в комнате с противной старухой?

Девочка увидела, как больная перевела на нее внезапно заблестевшие глаза. В этом задумчивом взгляде читалось отчаяние. Маленькие губы внезапно раздвинулись, обнажив полукруг вставных зубов с коричневатыми деснами.

— Подойди сюда, я хочу тебе кое-что сказать, — шепотом позвала она. — Подойди!

Мариан дрожала, и на какое-то мгновение ее сердце перестало вообще биться.

— Подожди, подожди, Эдди, — вмешалась первая старушка. — Это же невежливо. Ты знаешь, что на самом деле сегодня со старой Эдди?

Теперь она тоже посмотрела на Мариан, одно ее веко низко опустилось.

— Сегодня... — бестолково повторила девочка, — и что с ней такое?

— Она не в себе, потому что сегодня ее день рождения! — сказала старуха и снова начала качаться, тихонько посмеиваясь, будто дала правильный ответ на собственную загадку.

— Вовсе нет! — закричала женщина из постели. — Мой день рождения не сегодня, и никто не знает, когда именно, кроме меня! А теперь не могла бы ты помолчать и больше ничего не говорить, иначе я совсем рехнусь!

Она снова посмотрела на Мариан и сказала, на этот раз мягким, затуманенным голосом:

— Когда мне становится совсем плохо, я звоню в этот колокольчик и приходит медсестра.

Ее рука показалась из-под лоскутного покрывала — крошечная, тонкая, с огромными темными пятнами. Дрожащим пальцем она указала на маленький колокольчик, стоявший на столе посреди разных флаконов.

— Сколько вам лет? — шепотом спросила Мариан. Она стояла вплотную к кровати и теперь отчетливо видела силуэт женщины в постели, со всех сторон, как видят людей во сне. На мгновение старушка заняла все мысли девочки — будто в целом мире не существовало ничего кроме нее. С Мариан такое случалось впервые.

— Не скажу!

Лежащее на подушке старое лицо, над которым склонилась Мариан, медленно сморщилось и перекосилось. Из маленького рта вырвался жалобный стон, как у овцы или, точнее, как у ягненка. Мариан низко наклонилась, ее золотистые волосы свешивались вперед.

— Она плачет! — и повернула блестящее, разгоряченное лицо к первой старухе.

— Это она для тебя, — злорадно ответила та.

Мариан выпрямилась и сделала движение по направлению к двери. Когтистая лапа снова взмыла вверх и чуть не задела ее волосы, но не успела. Девочка натянула шапочку.

— Что ж, вот мы и посидели, — сказала старуха, выходя за Мариан в холл. Затем ее острые пальчики вцепились девочке в спину. «Моя милая, не найдется ли у тебя цента для бедной старой женщины? У нас нет совершенно ничего — даже цента на конфетку — ничего... Ну, моя милая, хотя бы пятачок, хотя бы один цент...»

Мариан резко вырвалась из рук старухи. Затем побежала по холлу, не оглядываясь и даже не посмотрев на медсестру, которая читала за стойкой журнал *Филд & Стрим*¹. Женщина, после очередного трехчастного движения сверившись с часами, задала по привычке вопрос, который всегда задается посетителям в подобных учреждениях: «Не хотите ли остаться у нас на обед?»

Но Мариан так и не ответила. Она налегла на тяжелую дверь, выскочила на холодный воздух и быстро сбежала по ступенькам. У куста с колючками девочка наклонилась и, пока ее никто не видел, быстро достала спрятанное в укромном месте красное яблоко. В солнечном свете ярко блестели ее золотистые волосы, алая куртка и голые колени, пока она бежала навстречу большому автобусу, быстро катившему по улице.

— Подождите! — закричала Мариан. И, как по королевскому приказу, автобус притормозил у остановки.

Мариан вскочила внутрь и жадно откусила от яблока большой кусок.

Перевод Ивана Столярова (stolyarov.ivan.99@mail.ru). Родился и живет в Санкт-Петербурге. В настоящее время учится в магистратуре филологического факультета СПбГУ на кафедре русского языка как иностранного и методики его преподавания. Давно интересуется художественным переводом с других языков и хочет им заниматься параллельно с основной профессиональной деятельностью. Перевод занял второе место в номинации «английская проза» (2021).

Юдора Уэлти (1909–2001). Благотворительный визит

Утро близилось к полудню — ясное и очень холодное. На окраине города возле пансионата для пожилых леди остановился автобус, откуда выскочила девочка, лет четырнадцати, с цветочным горшком в руках. На ней было красное пальто, а из-под белой остроконечной шапки, какие носили все девочки в том году, свободно рассыпались прямые пшеничные волосы. Девочка ненадолго остановилась у одного из темных колючих кустов (которыми город озеленил пансионат), а затем неспешно направилась к белёному кирпичному зданию, отражавшему лучи зимнего солнца, точно брусок льда. Рассеянно поднимаясь по ступенькам, она перекладывала

¹ Американский журнал о рыбалке и охоте. — *Прим. пер.*

маленький горшок из руки в руку; наконец, ей пришлось поставить его у ног и снять варежки, прежде чем открыть тяжёлую дверь.

— Я из «Костра»*... Пришла к какой-нибудь вашей леди, — обратилась она к медсестре за стойкой. Это была женщина в белой униформе, а вид у неё был такой, будто ей холодно; её короткие волосы торчали на макушке подобно завитку морской волны. Мэриан, так звали девочку, умолчала, что её сегодняшний визит принесет ей в зачёт всего минимальные три балла.

— Знакома с кем-то? — низким голосом спросила медсестра и повела бровью.

— С кем-то из ваших леди? Нет, ну, то есть... мне неважно к кому, — пролепетала Мэриан. Свободной рукой она заправила волосы за уши, как всегда делала, когда бралась за физику.

Медсестра пожала плечами и поднялась.

— Красивая у тебя цинерария, — отметила она, шагая впереди по коридору с закрытыми дверями, чтобы выбрать кого-нибудь из постоялиц.

На полу лежал старый линолеум, который местами отошёл от пола и бугрился. Мэриан казалось, что она идёт по волнам, в то время как медсестра привычно шла, не обращая на это внимания. Пахло там, как будто внутри старых больших часов. Было тихо, пока за одной из дверей не послышался блеющий кашель какой-то одной из леди. Это определило выбор медсестры. Затормозив на полном ходу, она вытянула руку, согнула её в локте и наклонилась вперёд всем корпусом — и всё для того, чтобы свериться с часами на руке; затем она дважды громко постучала в дверь.

— Их в комнатах по две, — бросила медсестра через плечо.

— Кого по две? — не думая спросила Мэриан. Звук за дверью, похожий на блеяние, чуть не вынудил её развернуться и убежать обратно.

Пожилая женщина короткими рывками дёргала на себя дверь, а при виде медсестры странная улыбка опасно исказила её старое лицо. Когда медсестра сильной, нетерпеливой рукой вдруг втолкнула девочку в комнату, Мэриан увидела половину лица второй женщины, ещё древнее, которая лежала в постели в чепчике и под стёганным покрывалом, натянутым до самого подбородка.

— Посетитель, — сказала медсестра и, подтолкнув девочку ещё раз, пошла по коридору назад.

Мэриан стояла, потеряв дар речи; руки держали горшок с растением. Старуха, всё с той же ужасной растянутой улыбкой (означавшей улыбку гостеприимства), запечатлённой на иссохшем лице, ждала... Вероятно, она что-то сказала. Старуха в постели не произнесла ни слова и даже не повернула головы.

Вдруг Мэриан увидела, как чья-то рука, словно лапа птицы, метнулась к ней и сорвала белую шапку. Одновременно вторая лапа втянула девочку в комнату, и захлопнулась дверь.

— Ой-ой-ой, — сказала леди рядом с ней.

Мэриан оказалась втиснута между кроватью, умывальником и креслом; в крошечной комнатке было слишком много мебели. Всё пропахло сыростью — даже голый пол. Она взялась за спинку плетёного кресла, на ощупь мягкого и влажного. Сердце Мэриан стучало всё медленнее и медленнее, руки холодели всё больше и больше, и она не слышала, говорят ли о чём-то старухи или нет. И разглядеть их не могла. Как же там было темно! Оконная штора была спущена, а единственная дверь — закрыта. Мэриан посмотрела на потолок... Она будто попала в пещеру к разбойникам, где вот-вот кого-то убьют.

— Ты пришла побыть нашей девочкой? — спросила первая разбойница.

У Мэриан из рук что-то выхватили — растеньице в горшке.

— Цветок! — воскликнула старуха. Она встала в нерешительности с горшком в руках.

— Прелесть! — добавила она.

Тут старуха в постели откашлялась и заговорила.

— Никакая не прелесть, — произнесла она, всё так же, при этом очень подчеркнуто, не глядя вокруг.

Мэриан нечаянно наткнулась на кресло и села в него.

— Замечательный цветок, — настаивала первая старуха. — Просто прелесть...

Мэриан захотела вернуть себе горшок хотя бы на секунду — она ведь даже не подумала глянуть на растение, прежде чем его отдать. Как оно хоть выглядело?

— Вонючий сорняк, — отрезала вторая старуха. У неё были бледный выпуклый лоб и красные, словно овечьи, глаза. Тут она перевела их на Мэриан. Казалось, у неё снова запершило в горле, и она проблеяла:

— Как тебя-а-а зовут?

К своему удивлению, Мэриан не могла вспомнить собственное имя. — Я из «Костра»¹, — наконец произнесла она.

— Надо остерегаться бактерий, — сказала похожая на овцу старуха, ни к кому толком не обращаясь.

— Заглядывала к нам одна в прошлом месяце, — сообщила первая старуха.

«Овца или бактерия?» — скучающе гадала Мэриан, держась за кресло.

— Не было такого! — крикнула вторая старуха.

— А вот и было! Читала нам из Библии, и нам так понравилось! — орала первая.

— Кому это понравилось? — произнесла старуха в постели. Рот у неё был маленький и печальный, словно он — само воплощение дурного настроения.

¹ Campfire Girls — организация в США, воспитывавшая девочек в духе здорового образа жизни, патриотизма и хозяйственности. — *Прим. пер.*

— Нам понравилось, — не унималась первая. — Тебе понравилось, мне понравилось.

— Нам всем понравилось, — неожиданно для самой себя вырвалось у Мэриан.

Первая старуха поставила цветок на платяной шкаф так высоко, что его едва было видно. Мэриан только диву давалась тому, как она вообще умудрилась его туда водрузить, как же смогла так высоко дотянуться.

— Не обращай внимания на старую Эдди, — обратилась она к девочке. — Ей сегодня нездоровится.

— Помолчала бы! — произнесла старуха в постели. — Вовсе нет.

— Рассказывай тут!

— Я всего на минутку — дольше никак не могу, — вдруг сказала Мэриан. Она посмотрела на влажный пол и подумала, что если её здесь стошнило бы — им бы пришлось её отпустить.

Первая старуха деловито уселась в кресло-качалку — и уместилось ведь оно тут! — и начала раскачиваться. Пальцами одной руки она коснулась замызганной броши-камеи на груди. — Чему вас учат в школе? — спросила она.

— Не знаю... — сказала Мэриан. Она старалась собраться с мыслями, но безуспешно.

— Вон оно что, а цветок всё-таки прекрасен, — прошептала старуха. Казалось, что она раскачивается всё быстрее и быстрее; Мэриан и не думала, что можно так быстро качаться.

— Отвратителен, — сказала старуха в постели.

— Если мы приносим с собой цветы... — начала было Мэриан и умолкла. Она чуть не проболталась, что если девочка из «Костра» принесла бы в пансионат для пожилых леди цветы, то визит принёс бы один дополнительный балл, а если захватила бы с собой в автобус Библию, чтобы почитать старушкам — то два. Однако старуха всё равно её не слушала; она раскачивалась и наблюдала за соседкой, которая, в свою очередь, глядела на неё с кровати.

— Бедняжка Эдди приболела. Она должна принимать лекарство — вон, видишь?» — сказала она, указывая узловатым пальцем на ряд пузырьков на столе и продолжая раскачиваться настолько высоко, что её мягкие чёрные тапочки по-детски отрывались от пола.

— Мне не хуже, чем тебе, — сказала старуха с кровати.

— Еще как хуже!

— Просто у меня ума больше, чем у тебя, вот и всё, — сказала старуха в постели, покачивая головой.

— Она всегда спорит, когда вы к нам приходите, — вдруг доверительно поведала первая пожилая леди. Она ловко остановила качалку ногой и наклонилась к Мэриан. Её рука, слегка липкая и приставучая, словно банный лист, потянулась вперед.

— Замолчи! Замолчи уже! — крикнула вторая.

Мэриан оцепенело откинулась на спинку кресла.

— Когда я была девочкой в твоём возрасте, я ходила в школу и всё такое, — сказала первая всё тем же доверительным, зловещим тоном. — Не здесь, в другом городе...

— Замолчи! — сказала больная старуха. — Не ходила ты в школу никогда. И из города никогда не уезжала. Ты всегда была никем — торчала тут. Не уродилась ты! Ничего ты не знаешь. Голова твоя — пустая, и душа твоя, и карманы, и твой черный потрепанный кошель, что ты мне показывала — везде пусто. А всё говоришь и говоришь, говоришь и говоришь без умолку, что мне аж кажется, я от тебя уже с ума схожу! Да кто ты такая? Да никто — посторонний человек! Разве ты не понимаешь, что чужачка? Неужто так над всеми издеваются — подселяют постороннего человека, который болтает, раскачивается и несёт всякий вздор? Кто-то и вправду думает, что я буду всё это терпеть, дни и ночи напролёт слушать эту чушь и всю жизнь делить комнату с этой кошмарной старухой?

Мэриан увидела, как взгляд старухи в постели прояснился и устремился к ней. Эта пожилая женщина глядела на неё с отчаянием и в раздумье. Тут она открыла свой маленький рот, обнажая полукруг вставных зубов на потемневших дёснах.

— Подойди поближе, я хочу кое-что тебе сказать, — прошептала она. — Подойди!

Мэриан вся дрожала, а сердце чуть не ушло в пятки.

— Ну, будет тебе уже, Эдди, — сказала первая старуха. — Это невежливо. Знаешь, что на самом деле сегодня случилось со старушкой Эдди? — Она тоже посмотрела на Мэриан, прищурив один глаз.

— Что? — тупо повторила девочка. — Что с ней случилось?

— Ну как же, она бесится, потому что у неё сегодня день рождения! — сказала старуха, вновь начав раскачиваться и посмеиваясь, будто она разгадала свою же загадку.

— Вовсе нет, вовсе нет! — крикнула старуха с кровати. — Никакой сегодня у меня не день рождения, кому, как не мне, лучше знать, когда он, и, будь добра, умолкни уже, а то я точно рехнусь! — Она снова перевела взгляд на Мэриан и тут же тихо прохрипела:

— Когда становится совсем невыносимо, звоню вот в этот колокольчик, и приходит медсестра.

Она вытянула руку из-под лоскутного покрывала — тощую, немощную, с огромными тёмными пятнами. Трясущимся пальцем она указала на небольшой колокольчик среди пузырьков на столе.

— Сколько Вам лет? — прошептала Мэриан. Сейчас она могла рассмотреть старуху близко и отчётливо, и, неожиданно, со всех сторон, как в наваждении. Девочка на минуту прониклась к ней — прониклась так, будто на свете не было ничего интереснее. Такое с Мэриан случилось впервые.

— Не скажу!

Покоящееся в изголовье лицо старухи, над которым склонилась Мэриан, медленно сморщилось и сжалось. Из приоткрытого маленького рта донеслись тихие всхлипы. Издаваемый ею звук был похож на овечье блеяние — на блеяние ягнёнка. Мэриан склонила лицо очень близко, пшеничного цвета волосы нависли над старухой.

— Она плачет! — Мэриан обратила встревоженное раскрасневшееся лицо к первой старухе.

— Ну, это по её части, — съязвила та.

Мэриан вскочила с кресла и помчалась к выходу. Когтистая лапа снова попыталась коснуться её волос, но не успела. Девочка уже надела шапку.

— Ну, хорошо пообщались, — произнесла первая старуха, следуя за Мэриан в дверной проём и далее в коридор. Из-за спины своими костлявыми пальцами она вдруг схватила девочку в тиски. — Ох, девочка, не найдётся ли у тебя лишнего цента для обездоленной старушки? Ни гроша за душой у нас нет — даже конфетку купить не на что, равным счётом ничего! Девочка, хотя бы пятачок, хотя бы цент...

Мэриан силком вырвалась на волю из рук старухи. Она побежала по коридору, не оглядываясь назад и не озираясь на медсестру, читавшую журнал «Поля и реки» за стойкой. Прodelав своё тройное движение по сверке часов на руке, медсестра машинально отчеканила вопрос, который задают посетителям во всех подобных заведениях:

— Останешься пообедать с нами?

Мэриан не ответила. Она толкнула тяжёлую дверь на холод и сбежала вниз по ступенькам.

Девочка склонилась у колючего куста и быстро, чтобы никто не заметил, достала оттуда красное яблоко, которое она там спрятала.

Её пшеничные волосы под белой шапкой, ярко-красное пальто, голые коленки — всё запестрило в солнечных лучах, пока она догоняла летящий по улице автобус.

— Подождите меня! — окрикнула она. И, словно по королевскому приказу, автобус затормозил у остановки.

Девочка запрыгнула в автобус и откусила большой кусок яблока.

Перевод Лилии Бардуковой (lilia.bardukova@gmail.com). Автор перевода имеет два высших образования — экономическое и техническое, рабочая деятельность совершенно не связана с литературой (за исключением технической) и лингвистикой. Впервые решила попробовать себя в переводческих конкурсах в августе 2021 года и сразу в двух категориях (английская и испанская проза). Постоянно совершенствуется русский, английский и дополнительно изучает испанский язык (для души). Хотела бы и дальше развивать навыки художественного перевода. Перевод занял третье место в номинации «английская проза» (2021).

АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

Thomas Hardy (1840–1928). Weathers

This is the weather the cuckoo likes,
And so do I;
When showers betumble the chestnut spikes,
And nestlings fly;
And the little brown nightingale bills his best,
And they sit outside at 'The Traveller's Rest,'
And maids come forth sprig-muslin drest,
And citizens dream of the south and west,
And so do I.

This is the weather the shepherd shuns,
And so do I;
When beeches drip in browns and duns,
And thresh and ply;
And hill-hid tides throb, throe on throe,
And meadow rivulets overflow,
And drops on gate bars hang in a row,
And rooks in families homeward go,
And so do I.

Томас Харди (1840–1928). Погоды

В такую погоду ликует кукушка
И радуюсь я;
Задорно бьет ливень каштан по макушке,
Шипами соря;
Порхают птенцы, и соловки поют,
В таверне обед во дворе подают,
Кокетки в муслиновых платьях идут,
Хотят горожане на запад и юг,
А с ними и я.

Такую погоду не любит пастух,
Не рад ей и я;
Обветрились листья, и цвет их потух
От сырости дня;
Укрытый холмами ручей луговой

Пульсирует в муках обильной водой,
Повисли в ряд капли под крышей косой,
И птицы спешат от ненастья домой,
А с ними и я.

Перевод Елены Лихачевой (e_lihacheva@mail.ru), выпускницы Московского государственного лингвистического университета, экономиста. Преподаёт финансовые дисциплины на английском языке в Британском банковско-финансовом колледже (Москва). Перевод занял первое место в номинации «английская поэзия» (2021).

Томас Харди (1840–1928). Такая разная погода

Ликует кукушка в погоду такую,
С кукушкой ликую и я;
Когда, обронивши иголку-другую,
Каштан прячет птиц от дождя;
Когда насыщает твой слух соловей
И в местной таверне встречают гостей,
И девы в муслине гуляют смелей,
И каждый свой взгляд устремляет южней,
Куда устремляюсь и я.

В такую погоду не выгонишь стада,
Не выгнать за дверь и меня;
Когда, облетая, листва только рада
Раздеть догола тополя;
Когда меж холмов гром катится речной,
Питая без меры ручей луговой,
И капли на крышах висят бахромой,
И семьи грачей улетают домой,
Зовя за собой и меня.

Перевод Станислава Войдакова (stas.voy47@yandex.ru), студента 3 курса Юго-Западного государственного университета, факультет лингвистики и межкультурной коммуникации, специальность «Фундаментальная и прикладная лингвистика». Живет в Курске. Заинтересовался иностранными языками несколько лет назад, поставил целью улучшить знание английского и выучить китайский и убедился в эффективности самообразования. Воспринимает иностранный язык как нечто личное: не просто набор грамматических конструкций или список слов в словаре, а недоступный многим, но дорогой его сердцу целый параллельный мир. Перевод занял третье место в номинации «английская поэзия» (2021).

Томас Харди (1840–1928). Погоды

Этой погоде кукушка рада,
Ей рад и я,
Когда по каштанным шипам бьёт градом,
Птенцы летят,
Заливается крохотный соловей,
И трактир «Путешественник» полон гостей,
Ходят барышни в платьях из тонких кисей,
И все грезят о западной красоте,
И я — о ней.

Этой погоды пастух бежит,
Бегу и я,
Когда хлещет ветер и бук дрожит,
По стволу — струя,
Над холмами сгущаются тучи темней,
Заливают низины, к ручью ручей,
Цепью капли висят на решетках дверей,
И на родину стая летит грачей,
Лечу и я.

Перевод Вероники Сурняевой (nika-sura@mail.ru). Поэт, журналист. Редактор образовательных курсов в Яндекс.Практикуме, главный редактор журнала «Тезис». Окончила Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения и магистратуру Европейского университета по культурной антропологии. Изучала английский и немецкий в школе, арабский в университете и несколько языков самостоятельно — французский, испанский, португальский, итальянский и др. В 2021 году заинтересовалась поэтическими переводами. Участник Форума молодых писателей (2014, 2015, 2017, 2019) и Соповещания молодых писателей при Союзе писателей Москвы (2014), стипендиат Министерства культуры (2014). Автор книги стихов «Предвкушение и послекусие» (2008). Стихи публиковались в литературных журналах «Москва», «Сура», «Дети Ра», «Другие», «Кольцо А». Живет в Санкт-Петербурге. Перевод удостоен почетной грамоты в номинации «английская поэзия» (2021).

Томас Гарди (1840–1928). Погожий день кукушке мил...

Погожий день кукушке мил,
И я теплыни рад.
Каштанов завязь ливень смыл,
Птенцы из гнёзд летят,
Пичуги по кустам распелись,
И гости под навес уселись,
И барышни в муслин оделись,
Всем будни взаперти приелись —
И все на юг хотят!

Ненастный день пастух клянёт,
И я смотреть не рад,
Как кроны буков буря гнёт,
Как их хребты трещат.
Трясёт в ознобе косогоры,
Сдаётся луг ручьёв напору,
Капель усеяла заборы,
Грачам домой, в дорогу скоро —
И мне пора назад...

Перевод Ольги Матвиенко (matvizar@gmail.com), доцента кафедры зарубежной литературы ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО

HEMEЦКАЯ ПРОЗА

Joachim Ringelnatz (1883–1934)

Diplingens Abwesenheit

Nach dem sechzigsten Wirbelmotor mit Repetier-Kolben-Schaltung wurde Herr Silbig Dipl.-Ing., Diplom-Ingenieur und so reich, daß er sich in Kufstein neben dem Hotel Auracher ein kleines Haus erwerben konnte, wo er sich und seine Frau zur Ruhe setzte. Beide Gatten waren entschlossen auch dort, wie bisher in Paris, ohne Dienstboten zu leben. Ebenso besorgten sie die Einrichtung nach Möglichkeit ohne fremde Hilfe: Und diese Einrichtung war nicht nur komfortabel zu nennen. Es wurde ein Zimmer des unteren Stockwerks zum exotischen Wintergarten gewandelt. Schöne Palmen, seltene Orchideen und Kakteen entsprossen einer Erdschicht, die den zementierten Fußboden bedeckte, und zwischen den mit Schlingpflanzen verwobenen Gewächsen luden Amoretten und Lustbetten zum Ruhen ein. Über diesem Zimmer war im höheren Stockwerk, gleichfalls durch Zement gesichert, ein Schwimmbassin für zwei Personen angelegt. Und alles andere war so perfekt auf Schönheit Und Bequemlichkeit ausgearbeitet, daß Silbigs oder Diplingens, wie man sie in Kufstein nannte, schon nach vierwöchentlichem Aufenthalt sich gelangweilt nach Paris zurücksehnten. Da war es ihnen sogar angenehm, als ihr Neffe Oberreich aus Kopenhagen seinen Besuch anmeldete.

Hans war ihnen in Paris oft ein ungern gesehener Gast gewesen, weil er so viel Unruhe brachte und weil er einen Beruf, den es eigentlich nur in Witzblättern geben sollte — Hans nannte sich nämlich Impresario — gewählt hatte und gar nicht ausübte. Aber diese Unruhe schien Diplingens nun beinahe willkommen; vielleicht freuten sich auch beide insgeheim darauf, dem Neffen mit ihrer Villa zu imponieren.

Als Oberreich eintraf, fanden Silbigs ihn übrigens gar nicht so übel, wie sie nach ihrer Erinnerung vermeint hatten. Im Gegenteil: er benahm sich außerordentlich wohltuend, wußte sich bescheiden und unterhaltsam anzupassen. Er brachte sogar ein drolliges Geschenk mit, einen kleinen, ganz jungen Goldfisch, den er, nicht ohne Schwierigkeiten, in einem Einmachglas von Dänemark bis nach Tirol transportiert hatte. Und überhaupt betrug sich der Neffe – er hatte so laute, begeisterte »Oh«-Rufe und »Ah«-Rufe für die Lustwohnung.

Erst nach Oberreichs Abreise entdeckten Diplingens, daß er das Schwimmbad mit Suppenwürze oder so was verunreinigt hatte. Sie suchten diesen unangenehmen Menschen zu vergessen, was nicht ganz leicht war, weil sie den kleinen Goldfisch so liebgewonnen hatten. Er war so rührend unbeholfen in seiner jugendlichen Unerfahrenheit. Er hatte auch noch gar keine rötliche, sondern sozusagen gar keine Farbe, war überhaupt ganz unansehnlich, eigentlich nur ein kleines, etwas längliches Bläschen. Danach taufte sie ihn auch »Bläschen«. Für

Bläschen wurde ein Goldfischglas beschafft, das man auf einem Gipssockel in den Wintergarten stellte, und man fütterte das Fischlein täglich mit 48 Ameiseneiern.

Bläschen hier und Bläschen da. Aber nach acht Tagen wird jeder Fisch langweilig. Diplom-Ingenieurs fingen, jeder getrennt für sich, an zu überlegen, ob sich nicht gemeinsam erwägen ließe, inwiefern es berechtigt wäre, Pläne zu schmieden betreffs einer längeren Reise nach Paris.

Beide Gatten waren sich einig, aber doch war und blieb ein Hindernis. Wer sollte in ihrer Abwesenheit Bläschen füttern und wer die Pflanzen begießen? Etwa fremde Personen? – »Nein! Nein! – Nie! Nie!« Der Plan wurde aufgegeben. Die nächsten drei Tage hindurch stumpten Silbigs so hin. Es schien so, als wären sie böse aufeinander. Man hörte mal das Bullern eines Magens oder das eigene Herzklopfen. Ein andermal plätscherte Bläschen ein wenig, aber sonst –

Und doch hatte Herr Silbig noch nie so intensiv gearbeitet wie in diesen drei Tagen. Und am vierten Tag war das Wunderwerk, welches die Pariser Reise ermöglichen sollte, vollendet und angebracht.

Seitdem Diplingens abgereist waren, kreisten an der Decke des Wintergartens stetig langsam zwei Räder, von denen das eine dauernd einen ganz feinen Wasserstaub durch das Zimmer sprühte, während das andere nach jeder halben Stunde ein Ameisenei in das Goldfischglas fallen ließ. Das Wasser für die Sprühmaschine wurde vom Schwimmbassin hergeleitet. Das Reservoir für die Ameiseneier bildete ein großer hölzerner Schwebekasten.

Hans Oberreich hatte sich in diesem Fall keinen Scherz erlaubt. Er war, ohne es zu merken, selber betrogen worden von dem Kopenhagener Händler, der ihm statt eines Goldfisches einen ganz jungen Walfisch angedreht hatte.

Diplingens hätten eine dritte Maschinerie erfinden sollen, um die beiden anderen Räderwerke automatisch von Zeit zu Zeit mit neuem Öl zu versorgen. So aber ergaben sich Störungen, die allmählich schlimmer wurden. Der Zerstäuber am Wasserrad löste sich. Das andere Rad legte jetzt schon 20 Eier in der Minute, einige davon noch ins Goldfischglas.

Diplingens blieben abwesend. Die Gewächse im Wintergarten troffen. Starkes Rauschen übertönte das wohlige Plätschern des Goldfisches, welcher fraß und wuchs.

Das Erdreich war nicht mehr sichtbar. Die Lustbetten begannen zu schaukeln, die Amorchen torkelten. Eines Morgens erschrak der junge Goldfisch, weil er im Glase feststak, sich weder vor- noch rückwärts bewegen konnte.

Da überkam es ihn, daß er ein Walfisch sei; er blähte sich stolz. Das Glas platzte, und plumps – schwamm der Wal zwischen treibenden Lustbetten und entwurzelten Palmen. Er fing an, die Gips-Amoretten wie Biskuit zu zerknabbern.

So was bleibt auf die Dauer nicht unentdeckt. Die Auracher hörten nachts gräßlich gigantisches Schnauben. Eine Klage lief gegen die abwesenden Silbigs, weil der Briefträger, als er von außen die Briefklappe an der Tür öffnete, von innen mit Wasser begossen worden war.

Selbst der kaltblütige Revierschutzmann, der das Schloß aufbrach, kam einen Moment außer Fassung, als er beim Öffnen der Tür von einem herausschießenden, hydraulischen Walfisch die Treppe heruntergerissen wurde.

Während im Treppenhaus der Schutzmann und andere Neugierige im Strudel der nachstürzenden Wassermassen ertranken und der Walfisch schon draußen auf dem Marktplatz mit zornigen Flossenschlägen das Pflaster aufpeitschte, gab der Magistrat telegraphisch eine Annonce an alle auswärtigen Zeitungen auf: »Wer kauft einen lebenden Walfisch?«

Sofort meldete sich die Firma Hermann Tietz, Berlin.

Da man in Kufstein über kein großes, transportables Bassin verfügte, so wurde der Walfisch in nasse Tüchereingewickelt und während der Fahrt nach Berlin durch Klistiere künstlich ernährt.

Am Anhalter Bahnhof geriet die Begleitmannschaft mit den Arbeitern von Tietz in Streit, weil letztere außer dem Walfisch auch noch die Walfisch-Windeln beanspruchten. Diese blieben aber zuletzt doch in den Händen der siegreichen Kufsteiner.

Da war es in der Tat kein leichtes Stück für die acht Berliner, das zappelnde, schlüpfrige Riesentier durch die Königgrätzer Straße und weiter zu tragen.

Und kein Wunder, daß ihnen beim Übergang zum Tempelhofer Ufer das grauenhafte Luder entwichte und in den Kanal stürzte.

Kürzen wir den Wasserweg Spree — Landwehrkanal — Havel — Elbe etwas ab. Halten wir uns nicht länger bei erschrockenen Badegästen, zerstörten Äpfelkähnen auf. Übersehen wir die verschluckte Leiche im Landwehrkanal und vermeiden wir überhaupt jede Ausführlichkeit, wie sich der Walfisch über Schleusen, ausgespannte Fischernetze und das Binnenschiffahrts-Gesetz vom 15. Juni 1895 hinwegsetzte. Er erreichte die nördlichen Meere, gründete viele Familien, um denselben seine wunderbaren Erlebnisse aus Diplingens Abwesenheit zu erzählen. Ob er dabei das Maul zu voll nahm, niemand schenkte ihm Glauben, und so zog er sich von den Mitwalen zurück.

Und wenn er nicht gestorben ist, so lebt er noch heute in den eisigen Wassersteppen von Grönland herum, einsam seine Furchen ziehend, traurig schaukelnd und nachdenklich blinzelnd, als suche er vergeblich nach treibenden Lustbetten und Gipszwieback.

Йоахим Рингельнатц (1883–1934)

Диплинжей нет дома

Собрав шестидесятый вихревой мотор с ручным поршневым приводом, Зильбиг, дипл.-инж. стал Зильбиг, дипломированный инженер, и так разбогател, что смог приобрести в Куфштайне, недалеко от гостиницы Аурахер, небольшой домик, где, отойдя от дел, поселился вместе с женой. Оба решили, что, как прежде в Париже, обойдутся без прислуги. Обустройством дома тоже занимались по возможности без посторонней

помощи, в результате жилище получилось не просто удобным. В одной из комнат нижнего этажа был разбит зимний сад с экзотическими растениями. Прекрасные пальмы, редких сортов агавы и гуавы росли в слое почвы, покрывавшей цементный пол, купидончики и диванчики меж увитых лианами растений располагали к отдыху. В помещении этажом выше, где пол также был зацементирован, устроили бассейн для двоих. Все остальное было сработано столь идеально красиво и удобно, что Зильбиги, или Диплинжи, как их прозвали в Куфштайне, уже через месяц вновь заскучали по Парижу. Поэтому они даже обрадовались, когда племянник Оберрайх из Копенгагена известил о своем приезде.

В Париже Ганс часто был нежелательным гостем, поскольку доставлял немало хлопот, а выбранной им профессией «импресарио», — смех, да и только — не занимался. Однако в этот раз Диплинжи прямо-таки обрадовались предстоящей суматохе; возможно, оба втайне предвкушали, какое впечатление произведет на племянника вилла.

Кстати, по приезде Оберрайх не показался Зильбигам таким уж неприятным, каким они его помнили. Наоборот: вел себя прилично, держался просто и непринужденно. Даже привез с собой забавный презент — малька золотой рыбки, которую он не без труда переправил из Дании в Тироль в банке из-под варенья. И вообще гость громко и восторженно охал и ахал по поводу чудо-жилища.

Лишь после отъезда Оберрайха Диплинжи обнаружили, что он испоганил бассейн чем-то вроде приправы для супа. Они попытались забыть этого неприятного человека, что оказалось не так просто, ведь они полюбили золотую рыбку. Рыбка была по молодости неопытна и трогательно беспомощна. Она еще не приобрела ни красноватого, ни другого какого-то оттенка. Ничего удивительного в ней не было — по сути, просто небольшой вытянутый пузырик. Ее так и называли — «Пузырик». Для Пузырика был куплен аквариум, который установили на гипсовую подставку в зимнем саду. В качестве корма рыбка ежедневно получала сорок восемь муравьиных яиц.

Пузырик-Пузыриком, но через неделю наскучит любая рыбка. Диплинжи, каждый по отдельности, принялись размышлять, не стоит ли им совместно подумать над тем, насколько имеет смысл начинать строить планы относительно переезда на длительный срок в Париж.

Оба были согласны, однако имелось одно препятствие. Кто в их отсутствие будет кормить Пузырика и поливать растения? Чужие люди? — «Ну Нет! — Ни за что! Никогда!» Этот план был отвергнут. Следующие три дня Зильбиги не разговаривали. Как будто сердились друг на друга. Иной раз можно было расслышать урчание в желудке или стук сердца. Или плескание Пузырика, но в остальном ...

Между тем, Зильбиг еще никогда не работал столь усердно, как в эти три дня. На четвертый день чудо-механизм, позволявший им с женой отправиться в Париж, был смонтирован и установлен.

На потолке зимнего сада Диплинжи оставили два медленно и непрерывно вращающихся колеса, одно из которых опрыскивало все помещение водяной пылью, при помощи другого в аквариум каждые полчаса подавалось муравьиное яйцо. Вода для распылителя была подведена от бассейна. Резервуаром для яиц служил большой подвешенный деревянный ящик.

В этот раз не Ганс Оберрайх выкинул фортель. Он сам стал жертвой надувательства в Копенгагене, где один торговец незаметно подсунул ему вместо золотой рыбки молоденького кита.

Диплинжам следовало изобрести дополнительное колесо, которое время от времени добавляло бы масла в первые два. Но поскольку его не было, в механизме начались сбои, постепенно приобретающие все больший размах. Распылитель отсоединился от водяного колеса. Второе колесо стало выдавать ежеминутно по двадцать яиц, некоторые из них попадали в аквариум.

Диплинжи по-прежнему были в отъезде. Растения в зимнем саду достигли потолка. Мерное плескание подросшей и упитанной золотой рыбки переросло в сильный шум.

Стало не видно земляного пола. Диванчики расшатались, купидончики — покосились. Как-то утром Пузырик застрял в аквариуме, и, будучи не в силах сдвинуться, испугался.

И тут до рыбки дошло, что она кит, и она вся надулась от важности. Стекло лопнуло, и — бултых! — кит поплыл меж диванов и вывороченных с корнем пальм. Гипсовых купидонов он разгрызал, словно это было печенье.

Подобное не могло долго оставаться незамеченным. По ночам до обитателей Аураха стало доноситься отвратительное громкое фыркание. На отсутствующих Зильбигов поступила жалоба, поскольку почтальона, открывшего крышечку почтового ящика на двери, окатило изнутри водой.

Даже хладнокровный местный полицейский, вскрывший замок на двери, на мгновение потерял самообладание, когда его смыло с крыльца мощным китовым фонтаном.

Пока полицейский и зеваки барахтались в низвергающихся потоках воды, а кит на рыночной площади лупил хвостовым плавником по брусчатке, местные власти телеграфировали во все иногородние газеты: «Продается живой кит!»

Тут же откликнулась берлинская фирма «Герман Титц».

В Куфштайне не было большого передвижного резервуара, поэтому кита обернули влажной тканью, и по дороге в Берлин искусственно кормили через клистир.

По прибытии на Анхальтский вокзал люди, сопровождавшие груз, повздорили с рабочими «Титца», поскольку те хотели, чтобы вместе с китом им отдали и ткань. Но этот трофей жители Куфштайна триумфально отвоевали.

Тем восьми берлинцам изрядно досталось, пока они тащили трепыхающееся, выскальзывающее из рук животное по Кениггтрэтцерштрассе и дальше.

Поэтому неудивительно, что при переходе через Темпельхофер Уфер ужасная тварь вырвалась и свалилась в канал.

Мы немного сократим путь, проделанный нашим героем от Шпрее до Эльбы через Ландвёр-канал и Хафель. Не будем задерживаться на описании испуганных купающихся и поврежденных барж. Не станем обращать внимание на проглоченные трупы в Ландвёр-канале и опустим подробности того, как кит преодолел шлюзы, расставленные рыболовные сети и Закон от о судоходстве по внутренним водным путям. Он добрался до северных морей, обзавелся многочисленными семьями, чтобы поведать им о своих замечательных приключениях в отсутствие Диплинжей. Однако никто не поверил его хвастовству, и он покинул сородичей.

И если он все еще жив, то по-прежнему обитает во льдах Гренландии, в одиночку бороздя ее водные прерии, грустно покачиваясь и задумчиво щуря глаза, словно пытаюсь разглядеть проплывающие мимо диванчики и гипсовое крошево.

Перевод Ольги Протопоновой (olenenok.olya11@gmail.com). Начинала в качестве преподавателя немецкого языка в МФТИ, параллельно училась на курсах немецкого в Гете-институте. После переезда в Германию училась в Гейдельбергском университете на отделении переводоведения. Профессиональный письменный переводчик с немецкого. Переводом художественной прозы не занималась, но всегда хотела попробовать себя на этом поприще. В школе художественного перевода АЗАРТ прослушала два практических курса под руководством Марии Зоркой. Перевод занял третье место в номинации «немецкая проза» (2021).

Йоахим Рингельнатц (1883–1934). Отъезд Диплинжей

После изобретения шестидесятого по счёту роторного двигателя с тактовым поршнем господин Зильбиг стал дипломированным инженером, получил приставку к имени Дипл.Инж., и настолько разбогател, что купил небольшой дом в Куфштайне, рядом с отелем «Аурахер», где он и поселился на пенсии с женой. Оба супруга намеревались, как и раньше в Париже, жить без домашней прислуги. Следуя этому решению, они, по возможности без посторонней помощи, обустроили свой домик, и обустройство это можно было назвать не только удобным. Одна из комнат нижнего этажа была превращена в экзотический зимний сад. Роскошные пальмы, редкие орхидеи и необычные кактусы прорастали из слоя земля, насыпанного прямо на цементный пол, а игривые купидоны и приветливые кушетки манили отдохнуть среди разросшихся лиан. Над этой комнатой, этажом выше, был установлен, тоже на цемент, бассейн на двоих. И всё остальное было так идеально продумано для красоты и комфорта, что уже через месяц пребывания Зильбиги или Диплинжи, как их называли в Куфштайне,

затосковали по Парижу. Они даже обрадовались, когда их племянник Ганс Оберрайх из Копенгагена сообщил о своём приезде.

В их парижские времена Ганс был не совсем приятным гостем: во-первых, он привносил много беспокойства, и, во-вторых, выбрал себе профессию, которая могла существовать только в анекдотах, — Ганс называл себя «импресарио», — но работой не утруждался. Правда, теперь это беспокойство казалось им почти желанным; возможно, оба втайне хотели произвести впечатление на племянника своей виллой.

Впрочем, по приезду Оберрайх показался им не таким уж противным, как помнилось. Напротив — вёл себя исключительно хорошо, ненавязчиво и умело им угождая. Он даже приподнёс забавный подарок — крошечную, совсем юную золотую рыбку, которую, не без труда, перевёз из Дании в Тироль в стеклянной банке из-под варенья. Да и вообще племянник остался в восхищении от прелестного домика, преувеличенно-восторженно охая и ахая на каждом углу.

Только после отъезда Оберрайха Диплинжи обнаружили, что он насыпал в бассейн что-то вроде приправы для супов. Они постарались забыть этого неприятного человека, что оказалось нелегко — они сильно привязались к маленькой золотой рыбке, подкупившей их трогательной неуклюжестью в её юношеской неопытности. У рыбки ещё не проявилось не то чтобы красноватого — вообще никакого цвета, была она довольно невзрачной, а сказать по правде, выглядела всего лишь маленьким, несколько удлинённым пузырьком. Супруги так и называли её — Пузырик. Для Пузырика был куплен аквариум, который установили на гипсовом постаменте в зимнем саду, и в качестве корма рыбка получала ровно сорок восемь муравьиных яиц в день.

Целыми днями — Пузырик то, Пузырик сё. Но на восьмой день надоест любая рыбка. Семейка инженеров, каждый по отдельности, начали подумывать о том, как бы подступиться к обсуждению вопроса о включении в планы длительный отъезд в Париж.

Оба супруга пришли к единому мнению, но оставалось одно препятствие. Кто будет кормить Пузырика и поливать растения в их отсутствие? Идея нанять кого-либо со стороны даже не обсуждалась. От поездки отказались. Следующие три дня Зильбиги находились в состоянии молчаливой апатии. Казалось, они обижены друг на друга. Лишь урчание в животе да стук собственного сердца нарушали тишину. Или плеск Пузырика, но в остальном...

Надо признать, господин Зильбиг никогда не работал так усердно, как в эти три дня. На четвёртый день чудо-устройство, сделавшее возможным поездку в Париж, было завершено и установлено.

С тех пор, как Диплинжи уехали, на потолке зимнего сада медленно, не прерываясь ни на миг, вращались два колеса, одно из которых время от времени распыляло мелкую водяную пыль по всей комнате, другое каждые полчаса сбрасывало яйцо муравья в аквариум. Вода для распылительной

машины забиралась из бассейна, вместительным контейнером для муравьиных яиц служил подвешенный деревянный ящик.

Ганс Оберрайх в этот раз и не думал шутить. Сам того не зная, он попался на удочку копенгагского дельца, который вместо золотой рыбки продал ему малютку кита.

Увы, но Диплинжи не предусмотрели установку третьей машины — для регулярной подачи масла в зубчатые механизмы. Без систематического смазывания возникли неполадки, количество которых увеличивалось с каждым днём. На водяном колесе оторвался распылитель. Другое колесо бросало каждую минуту по двадцать яиц, большинство из которых так и лежали нетронутыми на дне аквариума.

Диплинжей всё не было. Вода лилась с растений ручьём, и звонкое журчание заглушало приятный плеск золотой рыбки, которая только и делала, что ела и росла.

Земляной слой скрылся под водой. Кушетки раскачивались на волнах, купидоны дрейфовали. Однажды утром аквариум стал слишком тесен для молодой рыбки, она не могла двинуться ни вперед, ни назад, что привело её в ужас!

Вдруг её осенило — она кит! — и рыбка гордо надулась. Стекло лопнуло и рассыпалось, кит поплыл между покачивающихся кушеток и вырванных с корнем пальм. Гипсовых купидонов он разгрызал как печенье.

Нечто подобное не может долго оставаться незамеченным. Постояльцы «Аурахера» ночами слышали пугающее фырканье какого-то исполина. Когда почтальона облило водой из почтовой щели на входной двери, на отсутствующих Зильбигов подали в суд.

Даже хладнокровный полицейский, вскрывший замок, на долю секунды был несколько ошарашен, когда его снёс по ступеням гидравлический кит, гигантским поршнем вылетевший из двери.

Пока полицейский и некоторые любопытствующие у крыльца захлёбывались в бурном потоке обрушившейся воды, а кит яростно бил лапами по брусчатке на рыночной площади, магистрат разослал телеграммой объявление во все иностранные газеты «Срочно продается кит!»

Компания «Герман Титц» из Берлина откликнулась немедленно.

Поскольку в Куфштайне не нашлось достаточно вместительного переносного бассейна, кита на время перевозки в Берлин обернули влажной тканью и кормили искусственным путём, через клизму.

На вокзале Ангальта команда сопровождения переругалась с работниками «Титца», так как последние требовали отдать, помимо кита, и его пелёнки, которые, в конце концов, остались в руках победивших куфштайнцев.

Разумеется, восьмерым берлинцам было весьма нелегко тащить по улицам скользкую извивающуюся рыбу-гиганта.

И неудивительно, что на набережной эта ужасная негодница выскользнула и упала в канал.

Давайте-ка немного сократим водный путь Шпрее-Ландверканал-Гавель-Эльба. И не будем вспоминать перепуганных купальщиков и опрокинутые баржи с яблоками. Лучше оставим без внимания проглоченный труп в канале Ландвер и вообще обойдёмся без подробностей о том, как кит обошёл шлюзы, закинутые рыболовные сети и Закон о внутреннем судоходстве от 15 июня 1895 года. Долго ли коротко ли, он достиг северных морей, стал родителем немалому количеству отпрысков, которым и рассказывал впоследствии о чудесной жизни в отсутствие Диплинжей. Удивительные истории походили больше на хвастовство, поэтому никто ему не верил, и постепенно он отдалился от других китов.

И если он ещё не умер, то наверняка обитает до сих пор в водных просторах ледяной Гренландии, одиноко бороздит морскую гладь, иногда грустно покачивается на волнах и задумчиво щурится в тщетных поисках дрейфующих кушеток и гипсового печенья.

Перевод Чемен Джапаровой (chemen.japarova@gmail.com). Родилась и выросла в Туркменистане, сейчас живет в Германии. По образованию математик, в данный момент — домохозяйка. Художественным переводом увлеклась, когда пришлось детям с листа переводить книжки с немецкого на русский, а позже — с русского на немецкий и английский. Прошла три уровня курса перевода с английского в онлайн-школе «Азарт» под руководством Виктора Голышева и Владимира Бабкова, два уровня курса перевода с немецкого под руководством Марии Зоркой, курс «Базовый художественный перевод» в школе «ЛингваКонтакт» под руководством Владимира Молчанова. Перевод занял третье место в номинации «немецкая проза» (2021).

Peter Bichsel (geb. 1935). Aus: «Eigentlich möchte Frau Blum den Milchmann kennenlernen», 1964. Der Milchmann

Der Milchmann schrieb auf einen Zettel: „Heute keine Butter mehr, leider.“

Frau Blum las den Zettel und rechnete zusammen, schüttelte den Kopf und rechnete noch einmal, dann schrieb sie: „Zwei Liter, 100 Gramm Butter, Sie hatten gestern keine Butter und berechneten sie mir gleichwohl.“

Am andern Tag schrieb der Milchmann: „Entschuldigung.“

Der Milchmann kommt morgens um vier, Frau Blum kennt ihn nicht, man sollte ihn kennen, denkt sie oft, man sollte einmal um vier aufstehen, um ihn kennenzulernen. Frau Blum fürchtet, der Milchmann könnte ihr böse sein, der Milchmann könnte schlecht denken von ihr, ihr Topf ist verbeult.

Der Milchmann kennt den verbeulten Topf, es ist der von Frau Blum, sie nimmt meistens 2 Liter und 100 Gramm Butter. Der Milchmann kennt Frau Blum. Würde man ihn nach ihr fragen, würde er sagen: „Frau Blum nimmt 2 Liter und 100 Gramm, sie hat einen verbeulten Topf und eine gut lesbare Schrift.“

Der Milchmann macht sich keine Gedanken, Frau Blum macht keine Schulden. Und wenn es vorkommt — es kann ja vorkommen — dass 10 Rappen zu wenig daliegen, dann schreibt er auf einen Zettel: „10 Rappen zu wenig.“ Am

андерн Таг хат ер дие 10 Рappen anstandslos und auf dem Zettel steht: „Entschuldigung.“ 'Nicht der Rede Wert' oder 'keine Ursache', denkt dann der Milchmann und würde er es auf den Zettel schreiben, dann wäre das schon ein Briefwechsel. Er schreibt es nicht.

Den Milchmann interessiert es nicht, in welchem Stock Frau Blum wohnt, der Topf steht unten an der Treppe. Er macht sich keine Gedanken, wenn er nicht dort steht. In der ersten Mannschaft spielte einmal ein Blum, den kannte der Milchmann, und der hatte abstehende Ohren. Vielleicht hat Frau Blum abstehende Ohren. Milchmänner haben unappetitlich saubere Hände, rosig, plump und verwaschen. Frau Blum denkt daran, wenn sie seine Zettel sieht. Hoffentlich hat er die 10 Rappen gefunden. Frau Blum möchte nicht, dass der Milchmann schlecht von ihr denkt, auch möchte sie nicht, dass er mit der Nachbarin ins Gespräch käme. Aber niemand kennt den Milchmann, in unserm Quartier niemand. Bei uns kommt er morgens um vier. Der Milchmann ist einer von denen, die ihre Pflicht tun. Wer morgens um vier die Milch bringt, tut seine Pflicht, täglich, sonntags und werktags. Wahrscheinlich sind Milchmänner nicht gut bezahlt und wahrscheinlich fehlt ihnen oft Geld bei der Abrechnung. Die Milchmänner haben keine Schuld daran, dass die Milch teurer wird. Und eigentlich möchte Frau Blum den Milchmann gern kennenlernen. Der Milchmann kennt Frau Blum, sie nimmt 2 Liter und 100 Gramm und hat einen verbeulten Topf.

Петер Биксель (род. 1935). Молочник

Молочник написал на листочке бумаги: «К сожалению, на сегодня масло закончилось».

Фрау Блум прочитала записку, подсчитала что-то в уме, покачала головой, посчитала еще раз и потом написала: «Два литра, 100 грамм масла, вчера у Вас тоже не было масла, но Вы все равно насчитали мне за него».

На следующий день молочник написал: «Извините».

По утрам молочник приходил в четыре; фрау Блум не была с ним знакома, но часто думала, что не мешало бы познакомиться; стоило бы хоть раз встать в четыре, чтобы с ним познакомиться. Фрау Блум побаивалась, что молочник может на нее обижаться, молочник мог плохо о ней думать из-за ее бидона с вмятинами.

Молочник знал этот бидон с вмятинами – он принадлежит фрау Блум, она чаще всего покупает 2 литра и 100 грамм масла. Молочник знает фрау Блум. Если бы его о ней спросить, он бы ответил: «Фрау Блум покупает 2 литра и 100 грамм, у нее бидон с вмятинами и очень разборчивый почерк».

У молочника не было никаких других мыслей, у фрау Блум не было долгов. А если так и случалось — так вполне могло случиться, что не хватало 10 сантимов, то он писал на листке бумаги: «Не хватает 10 сантимов». На следующий день он непременно находил эти 10 сантимов, а на записке было написано: «Извините». «Это мелочи» или «Никаких проблем», — думал

тогда молочник, и если бы он написал это на листочке, то завязалась бы уже переписка. И он этого не писал.

Молочнику было совсем не интересно, на каком этаже жила фрау Блум, бидон всегда стоял внизу на пороге. Он не утруждал себя лишними мыслями, если его там не было. В первом составе играл однажды некий Блум, которого молочник знал, и у которого были оттопыренные уши. Может быть, и у фрау Блум уши оттопыренные. У молочников обычно неказистые чистые руки, розовые, пухлые и кривоватые. Так думала фрау Блум, когда читала его записки. Надо надеяться, он нашел 10 сантимов. Фрау Блум не хотела, чтобы молочник плохо о ней думал, а также она не хотела, чтобы он завязывал разговор с соседкой. Но никто не был знаком с молочником, в нашем районе никто. К нам он приходил в четыре утра. Молочник был одним из тех, кто выполняет свою работу. Тот, кто в четыре утра привозит молоко, выполняет свою работу, каждый день, по выходным и в рабочие дни. Возможно, молочники мало зарабатывают и, возможно, у них часто обнаруживается недостача. Молочники не виноваты в том, что молоко дорожает. И, собственно говоря, фрау Блум с удовольствием бы познакомилась с молочником. Молочник знает фрау Блум, она берет 2 литра и 100 грамм и у нее бидон с вмятинами.

Перевод Светланы Куцевой, занял второе место в номинации «немецкая проза» (2020).

НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ

Gottfried Benn (1886–1956). Kommt

Kommt, reden wir zusammen
wer redet, ist nicht tot,
es züngeln doch die Flammen
schon sehr um unsere Not.

Allein in deiner Wüste,
in deinem Gobigraun –
du einsamst, keine Büste,
kein Zwiespruch, keine Frau,

Kommt, sagen wir: die Blauen,
kommt, sagen wir: das Rot,
wir hören, lauschen, schauen
wer redet, ist nicht tot.

und schon so nah den Klippen,
du kennst dein schwaches Boot —
kommt, öffnet doch die Lippen,
wer redet, ist nicht tot.

Готфрид Бенн (1886–1956) Давайте потолкуем

Готфрид Бенн (1886–1956). Давай!

Давайте потолкуем,
кто говорит — живёт,
уже сверкает пламя
и беды к нам ведёт.

Давай общаться станем?
Кто говорит — тот жив!
Горит беседы пламя,
Печали утолив.

Пусть «голубой», пусть «красный»
мы скажем без забот,
молчим, внимаем, смотрим,
кто говорит — живёт.

Один в своей пустыне
тоскуешь в серой мгле,
ни друга, ни любимой
лишь ты в безмолвном сне,

ты знаешь, скалы близко
и к ним твой плот несёт —
промолвите хоть слово,
кто говорит — живёт.

Перевод Марины Альберт (masha.albert@yandex.ru). Закончила Курский государственный университет, факультет иностранных языков (направление «Педагогическое образование»). Работает проектно-менеджером в Международном союзе немецкой культуры (Москва). Пишет стихи на русском и немецком языках. Благодаря конкурсу впервые попробовала себя в художественном переводе поэзии в 2019 году. Перевод занял первое место в номинации «немецкая поэзия» (2021).

**Готфрид Бенн (1886–1956).
Поговорим**

Поговорим друг с другом:
Кто говорит, тот жив;
Вот заметался вьюгой
Наш пламенный порыв.

И красною зарёю,
И в голубой прилив
Поговорим с тобою:
Кто говорит, тот жив.

Мы скажем: «Цвета вишни!»
Мы скажем: «Цвета слив!»
Мы видим, слышим, дышим:
Кто говорит — тот жив!

Ты одинок в пустыне
Из скучных серых дней.
Без споров кровь остынет,
Без женщин, без друзей.

Корабль твой так хрупок,
И близок страшный риф!
Ну, разомкни же губы!
Кто говорит — тот жив!

Перевод Константина Белого (snekot@gmail.com). Живет в Москве и Петербурге, окончил МГУ им. М. В. Ломоносова, работает главным аналитиком института ИНИЦИАТ в составе Университета им. П. Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург). Пробовал себя в переводе с английского, французского, немецкого. Лауреат нескольких конкурсов перевода, участник переводческой мастерской В. А. Дымишица. Перевод занял второе место в номинации «немецкая поэзия» (2021).

**Готфрид Бенн (1886–1956).
Пойдём**

Пойдём, не пожалею слов,
кто говорит – живёт,
уж пламя сотней языков
к беседе нас зовёт.

Пойдём, скажи: «Он в синем?»
Пойдём, скажи: «Цветёт?»
Мы слышим, внемлем, видим,
кто говорит – живёт.

Один бредёшь в пустыне,
Где лишь песок, зола;
Один. Родной души нет,
Нет женского тепла.

Ты в лодке, и всё ближе
К тебе коварный риф;
Смелее, не молчи же:
Кто говорит, тот жив.

*Перевод Артема Степанова
(yung_art1304@mail.ru), студента
5 курса МГЛУ, переводческий
факультет. Живет в Москве. Перевод
занял третье место в номинации
«немецкая поэзия» (2021).*

Готфрид Бенн (1886–1956)
Ну же!

Поговори же с нами!
Болтаешь — значит, жив.
Нас пожирает пламя,
Несчастьем оглушив.

О синем или красном —
Любой сойдёт мотив,
На речи мы горазды.
Болтаешь — значит, жив.

В твоей пустыне пусто,
Один сплошной простор.
Ни женщин нет, ни бюстов,
Ни лозунгов, ни ссор.

Но хлипок твой кораблик
И близок смертный риф...
Смелей! Понять пора бы:
Болтаешь — значит, жив.

*Перевод Ольги Матвиенко
(matvizar@gmail.com), доцента кафедры
зарубежной литературы Донецкого
национального университета.*

Быть одному тебе по нраву,
пустыня Гоби манит жить,
где бюсты не стоят во славу,
нет женщин, не с кем говорить.

До скал сейчас подать рукой,
но знаешь, слаб твой плот,
пойдём, уста уже раскрой,
кто говорит — живёт.

*Перевод Светланы Куцевой, занял
третье место в номинации «немецкая
поэзия» (2021).*

Готфрид Бенн (1886–1956)
Давай!

Давай, ну говори же,
Мели, пока не сдох.
Уже огонь нас лижет,
Бедя сбивает с ног.

О синем или красном —
Хорош любой предлог.
Нам разговоры — в радость.
Мели, пока не сдох.

В пустыне, как в затворе,
Среди седых песков,
Живёшь один — ни споров,
Ни женщин, ни богов.

Но вот скала всё ближе,
А ботик твой убог...
Давай, ну говори же!
Мели, пока не сдох.

*Перевод Ольги Матвиенко
(matvizar@gmail.com), доцента кафедры
зарубежной литературы Донецкого
национального университета.*

ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОЗА

Jean Berthier. 1 144 livres (roman)
Éditions Robert Laffont, S.A.S., Paris, 2018

<...> Le paysage filait de droite à gauche. La campagne vue du train convient au citadin que je suis. Nos yeux ont chaussé les bottes de sept lieues. Colline, colline suivante. Maison, maison du voisin. Bosquet, prés, hangar et clocher. Il n'y a pas de laideur qui nous heurte plus de deux secondes et les beautés durent si peu de temps qu'on ne s'en lasse pas. La lumière profuse débordant des vallons rendait tout un peu plus charmant. J'aurais bien voulu m'extraire de cette féerie ferroviaire, lire mon livre par exemple, mais la délicieuse servitude du décor défilant retenait mon visage contre la vitre. À près de trois cents kilomètres heure, mes pensées à peine nées fondaient les unes après les autres dans le paysage.

Quand l'espace, assez soudainement, se hérissa de maisons, quand les premiers immeubles furent visibles, le train ralentit son allure. Les haies discontinues de la gloriole publicitaire barraient la vue et montaient parfois si haut que le ciel à certains endroits en était encombré. Autour de moi, un remuement de bagages finit de me ramener à l'objet de mon voyage qui, il est vrai, ne s'était jamais vraiment absenté de mon esprit et n'avait cessé de couvrir de sa chape de mystère toutes mes autres pensées. Puis le crissement précédant l'arrêt du train me fit soudain redouter cette rencontre avec maître Noblecourt au point d'imaginer un instant l'annuler, dans la crainte d'approcher la source de tous les secrets.

De la gare, je pris un taxi qui me déposa devant l'entrée d'un immeuble cossu. Au cours de ma vie, je n'avais eu qu'une seule fois affaire à un notaire. Ni un achat ou une vente immobilière, ni aucune sorte de transaction n'avaient remis ce personnage sur ma route. J'aurais pu aisément continuer de l'imaginer sous la figure d'un bourgeois replet à double menton, comme celui que j'avais rencontré, et tel que bien des œuvres du XIXe siècle en avaient restitué ou accusé les traits ; mais la référence littéraire était ici trompeuse. Le svelte maître Noblecourt en effet, quand il se leva pour venir me saluer, quitta un siège dont la forme s'inspirait d'une coque d'œuf coupée longitudinalement. Celui dans lequel il me fit asseoir offrait une forme alanguie en plexiglas, sans accoudoirs. <...>

(P. 35–36.)

Жан Бертъе. 1144 книги (роман)
Éditions Robert Laffont, S.A.S., Париж, 2018.

<...> Пейзаж проносился справа налево. Нам, горожанам, нравится смотреть на сельскую местность из поезда. Наш взор мчится семимильными шагами. Холм, ещё один. Дом, соседний дом. Рощица, луга, ангар и колокольня. Убожество бросается в глаза не дольше, чем на пару секунд, а красоты проносятся столь быстро, что не успевают утомить. Обильно заливавший долины свет придавал всему толику очарования. Я был не прочь

отвлечься от этой железнодорожной феерии — к примеру, почитать книгу — но упоительная услужливость пролетающих видов приковывала мой взгляд к окну. На скорости почти триста километров в час мысли мои одна за другой растворялись в пейзаже.

Когда местность неожиданно ошетинилась домами и показались первые жилые здания, поезд замедлил свой ход. Прерывистые ряды кричащих рекламных щитов загораживали обзор и местами поднимались так высоко, что заслоняли небо. Окружившая меня суতোлка с багажом вновь напомнила мне о цели поездки, которая на самом деле всё это время не выходила у меня из головы и окутывала пеленой тайны все остальные мысли. От резкого скрежета, возвещавшего остановку поезда, я вдруг настолько испугался встречи с мэтром Ноблекуром, что уже подумывал её отменить — из страха приблизиться к источнику всех этих тайн.

На вокзале я взял такси, которое доставило меня к крыльцу роскошного здания. За всю свою жизнь я обращался к нотариусу лишь однажды. Ни купля-продажа имущества, ни какие-либо другие сделки больше не сводили меня с этим персонажем. Я мог бы и дальше представлять его себе дородным буржуа с двойным подбородком вроде того, с которым я встречался и чьи черты живописали и подчёркивали многие произведения XIX в.; однако на этот раз литературный образ оказался обманчивым. Приветствуя меня, подтянутый мэтр Ноблекур поднялся из кресла, по форме напоминавшего разрезанную вдоль яичную скорлупу. Меня же он усадил в стеклянное кресло мягких очертаний, без подлокотников. <...>

Перевод Елизаветы Лебедевой (lebedeva.elizaveta@list.ru), выпускницы магистратуры Института филологии и истории РГГУ, кафедра перевода и переводоведения (2017). Живет в Нижнем Новгороде, работает переводчиком в технической сфере. Более пяти лет занимается аудиовизуальным переводом, сотрудничает с несколькими студиями дубляжа и закадрового озвучивания. Перевод занял первое место в номинации «французская проза» (2021).

Жан Бертъе. 1144 книги

Пейзажи пролетали справа налево. Видеть сельскую местность из окна поезда вполне достаточно для такого городского человека, как я. Глаза устремляются вперед семимильными шагами. Холм, следующий холм. Дом, соседский дом. Кусты, луг, ангар, колокольня. Ничто уродливое не обременяет вас дольше двух секунд, а красоты столь мимолетны, что не успевают приесться. В свете, щедро разливающимся из долин, все вокруг становилось чуточку привлекательнее. Мне бы хотелось оторваться от этой железнодорожной феерии, почитать книгу, к примеру, но сладкое бремя сменяющихся декораций удерживало мое лицо у окна. На скорости более трехсот километров в час мои мысли, едва рождаясь, растворялись в пейзаже одна за другой.

Когда пространство довольно неожиданно ошетинилось домами, когда показались первые многоэтажки, поезд замедлил ход. То тут, то там изгородь, пестрящая рекламным чванством, перекрывала вид и временами поднималась так высоко, что загромождала небо. Грохот чемоданов в конечном счете заставил меня вспомнить о цели моего путешествия, которая, по правде говоря, никогда и не выходила у меня из головы, неумолимо окутывая покровом таинственности все мои мысли. Однако, как только раздался скрип, предшествующий остановке поезда, я вдруг испугался встречи с господином Ноблькуром, да так, что на миг уж было подумал отменить ее из страха приблизиться к источнику всех секретов.

На вокзале я взял такси, которое доставило меня к богатому многоэтажному дому. За всю свою жизнь я всего лишь один раз имел дело с нотариусами. Ни покупка, ни продажа недвижимости, ни какая бы то ни было сделка не сталкивали меня с людьми этого рода. Я мог бы и дальше представлять их себе в виде тучных зажиточных мещан с двойными подбородками, наподобие того самого, которого мне когда-то довелось повстречать. Именно так многочисленные книги XIX века воссоздавали и заверяли их черты, но в данном случае литературный образ был обманчив. Приветствуя меня, стройный господин Ноблькур поднялся с кресла, которое по форме напоминало яйцо, разрезанное вдоль. Кресло же, на которое он указал мне, представляло собой бесформенную конструкцию из прозрачного пластика без подлокотников.

Перевод Лилии Дяченко (liliya.dyachenko@outlook.fr), аспирантки Женевского университета, кафедра русской литературы. Перевод занял второе место в номинации «французская проза» (2021).

Жан Бертье. 1144 книги

<...> За окном проносился пейзаж. Как любому горожанину, мне нравится разглядывать сельскую местность из окна поезда. Будто я бегу в сапогах-сороходах. Холм, снова холм. Дом, и еще один по соседству. Роща, луг, ангар, церквушка. Ничто не оскорбляет ваше чувство прекрасного: любое уродство проносится мимо за пару секунд. И никакие красоты не успевают вам наскучить за такое короткое время. Солнечный свет заливает долины и добавляет прелести всему пейзажу. Я бы и рад был отвлечься от этого фееричного зрелища — например, почитать книгу — но очарование мелькающих за окном видов меня просто завораживало. Мысли, едва возникая в голове, тут же растворялись в пейзаже, проносящемся со скоростью триста километров в час.

Неожиданно ландшафт ошетинился домами, начали появляться первые многоэтажки, и поезд замедлил ход. То и дело за окном проплывали ряды кичливых рекламных щитов, заслоняя обзор. Иногда они поднимались так

высоко, что загораживали все небо. В вагоне началась багажная суeta, и я снова вспомнил о цели моего путешествия. По правде говоря, мысль о ней не выходила у меня из головы, заволакивая мистическим туманом все остальные мысли. Поезд со скрежетом остановился, и я вдруг засомневался, стоит ли мне встречаться с мэтром Ноблькуром. Я даже подумал было отменить встречу — так страшила меня перспектива сорвать покров с этой тайны.

Взяв на вокзале такси, я подъехал к роскошному дому. Прежде мне лишь раз доводилось встречаться с нотариусом: в моей жизни не было ни покупки или продажи жилья, ни другой крупной сделки, для которой могла бы вновь понадобиться эта важная персона. Я думал, что все нотариусы похожи на респектабельных буржуа с двойным подбородком — как тот, которого я встречал когда-то, и как их описывали в романах XIX века; но это представление оказалось ошибочным. Мэтр Ноблькур был вполне стройным; приветствуя меня, он поднялся со стула, по форме напоминавшего разрезанное вдоль яйцо. Мне он предложил другой стул: с гибкой спинкой, из плексиглаза и без подлокотников. <...>

Перевод Елены Савиной (elam2001@mail.ru). Родилась и живет во Владивостоке. По образованию преподаватель английского языка, но преподаванием давно не занимается, хотя все работы были так или иначе связаны с языками (второй иностранный язык — французский). Параллельно основной работе занимается переводами, в основном техническими. До участия в конкурсе переводить художественную литературу не доводилось, хотя это единственный вид перевода, который Елена искренне любит и в котором мечтает и дальше совершенствоваться. Перевод занял третье место в номинации «французская проза» (2021).

ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ

Jean-Claude Pirotte (1939–2014), un écrivain, poète et peintre belge.

on voit le temps passer quand on regarde bien
les sourires de la lune ou les rides du ciel
et de préférence les rides du ciel nocturne
avec les étoiles filantes qui font le va-et-vient
et la chanson du vent qui tient l'ombre en éveil
on voit que le temps passe à ce qu'il prend l'allure
d'un jeune citoyen vêtu de la toge prétexte
alors on se dit que vraiment rien ne presse
et sur le tableau noir de la nuit à la craie
il est écrit que rien ne se perd et rien ne se crée

si tu n'es pas sage il y aura de l'orage
si tu es trop bête il y aura tempête

et si tu fais l'idiot on te prive d'eau
si tu joues au fou tu verras le loup

et si tu t'en fous tu auras des coups
fais donc le malin on battra tes reins

si tu prends le train il déraillera
si tu dis un mot fini le vélo

et si tu te plains tu mourras de faim

Жан-Клод Пиротт (1939–2014)

а время-то идёт в лицо ему взгляни
луна к урану льнёт и хмурит время лоб
морщины бороздят чело ночных небес
а звёздный хоровод сливается в огни
от песни ветра тени сонно сходят с лож
стремится время к тем кто любит мерный бег
что юноша в рассветной тоге вольный жить
и скажем мы себе что некуда спешить
мел чертит в тьме ночной читают звёзд зеницы
всё было будет есть лицо не исказится

Не избавишься от дури — разразятся гром и буря.
Брякнешь что-то не в пандан — разразится ураган.

Притворишься идиотом — отберём и хлеб, и воду.
Крикнешь: «нет, не верю» — кликнем изувера.

Всхлипнешь: «точка, всё равно» — вышвырнем пинком в окно.
Не дойдёшь до точки — отобьём все почки.

Возомнишь, что ты пилот — рухнет наземь самолёт.
Вымолвишь хоть слово — рухнут все основы.

Вверх в мольбе протянешь руки — околеешь с голодухи.

Переводы Ирины Ачкасовой (achkasovairina@bk.ru). Живет в Ростове-на-Дону. Окончила романо-германское отделение филологического факультета и магистратуру по специальности «международные отношения». Переводы заняли второе место в номинации «французская поэзия» (2021).

Жан-Клод Пиротт (1939–2014)

Если хорошо присмотреться, виден времени ход,
И улыбки Луны, и неповторимые неба разводы,
И что ночью оно привлекает ещё сильнее,
Когда звезды летят на все стороны света,
И завывает ветер, отделяя мир от скорого рассвета.
Виден времени ход, если стать
Горожанином юным, накинуть плащ пурпурный.
И пока думают все, что спешка совсем ни к чему —
На чёрном полотне ночи, где звёзды выведены мелом,
Видно, что все там бессменно, и можно не ждать изменений.

Перевод Дарьи Киреевой (darya.kireeva.02@gmail.com), студентки 2 курса Национального университета «Запорожская политехника» (Запорожье), гуманитарный факультет, специальность Филология (Германские языки и литературы), специализация — перевод. Перевод занял третье место в номинации «французская поэзия» (2021).

Jean-Claude Pirotte (1939–2014), бельгийский поэт и художник

Едва заметно убегает время,
Намёк оставив лунною улыбкой,
Морщинки спрятав в уголках небес.
И звездопадов вычурная схема
Под песню ветра будит тенью зыбкой,
Когда взглядишься сквозь туман завес.
Как юный горожанин в римской тоге
Уходит время — прямо по дороге.
Но в оправданье, что спешить не стоит — надпись ночи:
«Начала нет. И нет конца. Сейчас — и точка».

Перевод Дарьи Чабыкиной (blue.flowers@mail.ru), студентки 4 курса факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Французский изучает в университете с первого курса. Перевод занял третье место в номинации «французская поэзия» (2021).

Жан-Клод Пиротт (1939–2014), бельгийский писатель, поэт и художник.

Бег времени мы видим, лишь заметив, как
Улыбчив лунный серп, на небе рябь тонка
И как она в сто крат прекрасней в час ночной,
Когда звезд томный свет укачивает мрак
И тени все не спят от песен ветерка.
Бег времени мы видим лишь в душе такой,
Что в тогу юности всегда облечена
И знает: жизнь волнений всяких лишена.
Гляди, что нам доносит ночи черный холст:
Потерь, рождений нет — лишь ряд метаморфоз.

Перевод Анжелики Лукониной (lukonina.angelique@mail.ru). Считает изучение иностранных языков ключевым увлечением в жизни. От языковой школы до магистратуры — профессиональное обучение также строилось вокруг переводов и впоследствии привело к нынешнему месту работы: почти пять лет А. В. Луконина является сотрудником Комитета по развитию туризма Казани (отдел, занимающийся международными проектами,) работает письменным переводчиком и сопровождает иностранные делегации. Увлечением же и мечтой остается художественный перевод. Данный перевод занял третье место в номинации «французская поэзия» (2021).

ПЕРЕВОДЫ С ИСПАНСКОГО

ИСПАНСКАЯ ПРОЗА

Ramón Pérez de Ayala (1880–1962)

Belarmino y Apolonio

(fragmento)

Así que llegaba, el señor Novillo se sentaba en un largo diván de piel verde, debajo de un espejo, velado por un tul, verde también, y dejaba caer el vientre entre las piernas, a que se reposase sobre el diván. Apolonio, abandonando el mostrador, donde, con ademán lento y religioso, trazaba diseños y cortaba pieles, venía al lado del señor Novillo y dejaba asimismo caer el vientre sobre el diván. Oíanse en la trastienda ahogados martillazos, alguna canción femenina y el repiqueteo de unas máquinas de coser. Apolonio, sin doblar la cabeza a mirar al vecino, rompía a hablar:

— Estoy abrumado, don Anselmo, estoy abrumado. ¿Qué me falta?, preguntará usted. Tengo un taller, montado con los últimos adelantos de la ciencia y de la industria; tres máquinas, una Wilson y otra Wheeler, para coser la caña, y una Johnson para hacer ojales, que puede que no haya media docena como ellas en toda la península. Mi clientela, la espuma de la sociedad; y todos satisfacen sus facturas a tocateja. ¿Qué más puedo pedir?

¡Ay mi amada! ¡Oh dolor! Lágrimas mías:

¿por dónde estáis que no corréis a mares?,

como cantó el poeta. Unos amores desdichados, sí. Pero no quiero mentarlos. ¿Cúya es la culpa? ¿De ella? Jamás, jamás, jamás. La culpa es mía. Me enamoré de una beldad tan alta como la blanca Beatriz. Merecida es mi pena, y yo la acepto con júbilo infinito.

El señor Novillo oía el runrún con la indiferencia con que las imágenes talladas en madera de ciruelo oyen himnos y plegarias. Proseguía Apolonio, sin dignarse, por su parte, mirar a Novillo:

— He pintado en un poema alegórico la exacta posición de estos amores disparatados, horribles y delincuentes. Delincuentes, sí, delincuentes, porque..., Pero tente, lengua liviana y maldecida. He aquí el poema: un monstruo de esos que llaman gárgolas, porque vomitan la lluvia con un ruido peculiar, de donde viene la frase hacer gárgaras; digo que ese monstruo de piedra, que está en la cornisa de una catedral, se ha enamorado de la veleta, que figura una paloma, y que se asienta, ni que decir tiene, en lo más alto de la torre. Y ese es el destino cruel del enamorado monstruo, que soy yo; estar petrificado, a una distancia infranqueable de la amada y haciendo gárgaras. Esto último constituye un rasgo humorístico, que cierra la composición. Lo cómico es siempre chabacano y despreciable. Lo humorístico es un modo poético. ¿Que cuál es el nombre de la dama? Jamás lo declararé. Antes dejo que me desuellen vivo...

Novillo, presa de sus propias ansiedades amorosas, se levantó sin haber escuchado a Apolonio, y fué hacia la puerta, a mirar desde allí furtivamente a

Felicita. Apolonio le seguía, declamando con el brazo extendido y la mirada flamígera:

— Jamás lo declararé. Antes pasarán sobre mi cadáver. Y si después de muerto lo declaro, conste que no soy yo, sino un espíritu maligno que habla por mi boca.

— En habiendo eyaculado este apostrofe, Apolonio, apaciguándose súbitamente, volvió detrás del mostrador y se aplicó a cortar suela.

Рамон Перес де Айала (1880–1962)
Белармино и Аполонио
(отрывок)

Итак, сеньор Новильо вошёл и уселся на длинный диван, обтянутый зелёной кожей, над которым помещалось зеркало, завешанное тюлем, тоже зелёным. Он расположился так, чтобы его пузо сползло вниз и осело на диване между колен. Аполонио, оставляя прилавок, за которым он медленными, благоговейными движениями чертил выкройку и нарезал кожу, направился к Новильо и точно так же разместил свой живот на диване. Из подсобки доносились приглушённые удары молотка, пела какая-то женщина да дребезжали швейные машины. Аполонио, не поворачивая головы, чтобы взглянуть на своего соседа, вдруг заговорил:

— Так тяжко мне, дон Ансельмо, ох, как тяжко. Чего недостаёт мне? — спросите вы. У меня есть мастерская, обставленная по последнему слову науки и нашего ремесла; в ней три машины: «Вильсон» вместе с «Вилером»¹, чтобы тачать голенища, и «Джонсон» для обмётки петель; а ведь вполне может статься, что на всём полуострове не наберётся и полдюжины таких красавцев, как эти. Мои покупатели — сливки общества, и все исправно платят мне звонкой монетой. Чего ещё мне желать?

О, любовь моя! О, скорбь! Слезы мои,

Что же вы не струитесь из глаз, где же вы? —

как сказал поэт². Да, несчастная любовь... Но я не хочу даже вспоминать об этом. А кто виноват? Она? — Ни за что, ни за что, ни за что! Это моя вина. Это я влюбился в такую благородную красавицу, в белораморную Беатрис. Я заслужил свои мучения, и я принимаю их, бесконечно ликуя.

Сеньор Новильо слушал глухие перебаты его голоса с равнодушием, с каким вырезанные из сливового дерева фигуры внимают гимнам и плегариям. Аполонио всё говорил, в свою очередь не устаивая Новильо взглядом:

¹ Wheeler&Wilson — американская компания по производству швейных машин, основанная в 1851 году фабрикантом Натаниэлем Вилером и изобретателем Алленом Вильсоном. — *Прим. пер.*

² Немного изменённая цитата из «Песни Терезе» испанского поэта первой половины XIX века Хосе де Эспронседа. — *Прим. пер.*

— Мне удалось весьма точно изобразить в аллегорической поэме положение такой любви, безрассудной, ужасной и запретной. Запретной, о да, запретной... Но уймись, язык мой разнузданный, вредный. Так вот, поэмы герой был одним из чудовищ, коих принято называть трубой водосточной, что воду плюёт и терзает на ключья, откуда глагол клокотать; так вот, этот каменный монстр навеки застыл на церковном карнизе и, как на горе, он полюбил флюгер в виде голубки сизой, что гнездилась, как можно уже догадаться, на башне высокой, куда не подняться. Этот монстр был я и поэтому знаю, что судьба у влюблённого злая: окаменеть, пытаюсь достать до вершины башни, и тогда в отчаянии страшном остаётся лишь клокотать. Здесь, в конце, заключена особая нотка юмора, которой и завершается произведение. Комизм всегда зауряден и жалок. Иное дело юмор — это поэзия. Как имя прекрасной дамы? Нет, никогда я его не раскрою. Пусть лучше меня замучат живьём.

Новильо, взволнованный своими собственными любовными переживаниями, поднялся, так и не услышав, о чём говорил Аполонио, и подошёл к двери, чтобы украдкой взглянуть на Фелиситу. Аполонио проследовал за ним, декламируя с выставленной вперёд рукой и пламенеющим взглядом:

— Никогда я его не раскрою. Только через мой труп. И даже если после смерти со мною всё же случится такое, то вам да будет известно, что это не я, а коварный злой дух, говорящий моими устами, — после этого неожиданного красноречивого залпа Аполонио не менее неожиданно успокоился и вернулся за свой прилавок, где принялся мастерить подошву.

Перевод Нели Костроминой (mc.dreamspeaker@gmail.com), студентки 3 курса филологического факультета МГУ (отделение зарубежной филологии). В испанском языке как будто звучит солнечная и радостная музыка, поэтому Неля хочет дальше узнавать этот язык и литературу, созданную на нём. Перевод занял первое место в номинации «испанская проза» (2021).

Рамон Перес де Айала (1880–1962)
Беллармин и Аполлоний
(фрагмент)

Явившись, сеньор Новильо уселся на длинной, обтянутой зеленой кожей кушетке, стоящей под завешанным таким же зеленым тюлем зеркалом, и расположил свой живот между раскинутых ног. Аполлонио, покинув прилавок, за которым он медленными и благоговейными движениями чертил лекала и резал кожу, подошел к господину Новильо и тоже высвободил свой живот на кушетку. Из задней комнаты доносились приглушенный стук молотка, женские голоса и лязг швейных машинок. Аполлонио, не глядя на своего соседа, заговорил:

— Я подавлен, дон Ансельмо, подавлен. Чего мне не хватает, спросите вы? У меня есть мастерская, оборудованная по последнему слову науки и техники; три машины: для шитья — шпульные от Вильсона и от Виллера, для обметки петель — от Джонсона. Может статься, что во всей стране таких машин не наберется и полдюжины. Мои клиенты — сливки общества, и все оплачивают свои счета вовремя. Чего еще я могу просить? Как пел поэт:

Возлюбленная моя! О горе! Слезы мои:

Где же вы, если не впадаете в море?

Было несколько любовных неудач — да, но о них даже не стоит упоминать. Чья же это вина? Ее? Никогда, никогда, никогда. Вина моя. Я сам влюбился в красавицу недоступнее белолицой Беатриче. Я заслужил эту тоску, и принимаю ее с бесконечной радостью.

Сеньор Новильо слушал излияние с тем безразличным выражением лица, с каким статуи, вырезанные из сливового дерева, выслушивают церковные песнопения и молитвы. Аполлонио продолжал, не устаивая Новильо взглядом:

— Я бы изобразил подлинное существо таких абсурдных, ужасных и преступных любовей такой аллегорией. Преступных, да, преступных, потому что... О, ты, легкий и проклятый язык. Вот в чем фарс: чудовище из тех, кого называют горгульями за то, что они извергают воду с особым шумом, как бы «горгочут», так вот, это каменное чудовище, которое находится на карнизе собора, влюбилось во флюгер в форме голубя, расположенный, понятно, на верхушке башни. И вот какова жестокая судьба таких влюбленных монстров, к каким отношу себя и я: быть окаменевшими, на непреодолимом расстоянии от любимой и горготать. Последнее является комической деталью, завершающей композицию. Комическое всегда безвкусно и жалко, но юмор — средство художественной выразительности в поэзии. Как же зовут эту даму? Я никогда этого не скажу. Я лучше позволю содрать с меня кожу живьем...

Новильо, охваченный собственными любовными переживаниями, встал, не слушая Аполлонио, и подошел к двери, чтобы тайком посмотреть на Феличиту. Аполлоний, разведя руки, с пламенным взглядом следовал за ним, продолжая ораторствовать.

— Я никогда этого не скажу. Только через свой труп. А если и открою тайну после смерти моей, то да будет известно, что не я это, а злой дух говорит устами моими. — Произнеся эту фразу, Аполлоний внезапно успокоился, вернулся за прилавок и принялся вырезать подошву.

Перевод Елены Павлюковой (lissamiron@gmail.com), студентки 4 курса МГИМО МИД России, факультет международного права. Увлекается переводом с испанского языка. Живет в Москве. Перевод занял третье место в номинации «испанская проза» (2021).

ИСПАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

**Miguel de Cervantes Saavedra
(1547–1616). Don Quijote. Tomo I.
Capitulo XXXIII**

Busco en la muerte la vida,
salud en la enfermedad,
en la prisión libertad,
en lo cerrado salida y en el traidor
lealtad.

Pero mi suerte, de quien
jamás espero algún bien,
con el cielo ha estatuido que,
pues lo imposible pido,
lo posible aun no me den.

**Мигель де Сервантес Сааведра
(1547–1616). Дон Кихот. Том I.
Глава XXXIII**

Я жизнь свою и в смерти отыскал,
Недуг меня да исцелит,
Свобода мне в застенках щит,
В безвыходности выход ждал,
Хоть предан — верность грудь
бодрит.

Но не моя удача. Тогда чья?
Я горевал, но вспыхнула заря,
Есть в Небесах один простой
закон,
Молил я об одном, но дал мне он,
Всё то, что невозможно. И не зря!

*Перевод Оли Прощёной (Ольги
Екшибаровой), аспирантки
Алтайского государственного
педагогического университета
(Барнаул), специальность «История
философии», христианской поэтессы
(ooosestra@gmail.com).*

**Мигель да Сервантес Сааведра
(1547–1616). Дон Кихот. Том I.
Глава XXXIII**

Ищу я жизнь, хоть смерти пробил
час,
Ищу здоровье в стенах лазарета,
Свободу, где стоит все под
запретом,
И верность в том, кто подло предал
нас,

**Мигель де Сервантес Сааведра
(1547–1616). Дон Кихот. Том I.
Глава XXXIII**

Я ищу в печали радость,
В смерти жизнь, усладу в боли,
В заточенье ищу волю,
В горечи — благую сладость,
Утешенье — в тяжкой доле.
Невозможное мне мило,
И за это мне решило

И свет, где нет малейшего
просвета.
Не буду ждать подарка от судьбы
И к небу возносить свои мольбы,
Теперь законы жизни твердо знаю:
О невозможном если я мечтаю,
То и возможного не получу, увы!

*Перевод Елены Лихачевой
(e_lihacheva@mail.ru), выпускницы
МГЛУ (2006). Экономист, преподает
финансовые дисциплины на
английском языке в Британском
банковско-финансовом колледже
(Москва). Перевод занял первое место в
номинации «испанская поэзия» (2021).*

**Мигель де Сервантес Сааведра
(1547–1616). Дон Кихот. Том I.
Глава XXXIII**

Я ищу в пожаре воду,
Слово здоровое — в бреду,
В лести — честь, в тюрьме —
свободу,
А в беззвёздности — звезду.
Но за то, что я не труся
К невозможному стремлюся,
Злая жизнь и высший суд
Мне простого не дают.

*Перевод Марии Порошиной
(mskarelia@yandex.ru). Родилась и
живёт в Карелии (г. Сегежа).
Менеджер по специальности
«Государственное и муниципальное
управление». Пишет короткие стихи.
Участствует в международном конкурсе
поэзии хайку на русском языке
haikai.ru. Работы публиковались в
интернет-журнале «Улитка». Перевод
занял третье место в номинации
«испанская поэзия» (2021).*

Наказанье выдать небо,
Чтобы я счастливым не был, —
И возможного лишило.

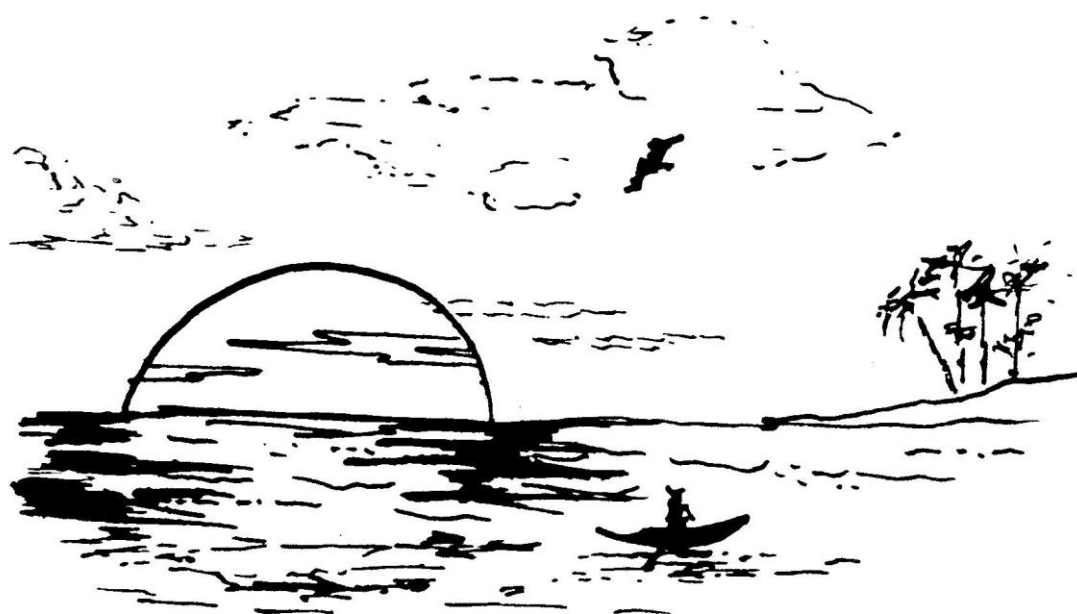
*Перевод Никиты Меркулова
(saleny.gurda@yandex.ru), студента
2 курса Российского университета
дружбы народов, специальность
«Лингвистика: перевод и
переводоведение». Со школьных лет
увлекается переводом и рассчитывает
в будущем превратить это хобби в
профессиональную деятельность.
Перевод занял первое место в
номинации «испанская поэзия» (2021).*

**Мигель де Сервантес Сааведра
(1547–1616). Дон Кихот. Том I.
Глава XXXIII**

Я ищу жизнь в смерти,
Здоровье в боли,
Свободу в неволе,
Выходы в круговерти,
Честь в произволе.
А удаче моей наплевать,
Там хорошего нечего ждать —
Заклчила союз с небесами:
Коль прошу невозможного сам и...
То возможного мне не видать.

*Перевод Веры Соломахиной
(Veroniquesvrn@yandex.ru). Окончила
факультет романо-германской
филологии Воронежского
государственного университета,
преподаватель английского языка.
Второй язык — французский.
Самостоятельно понемногу
знакомилась с другими языками
(испанским, итальянским, немецким,
чешским, польским). Перевод занял
третье место в номинации «испанская
поэзия» (2021).*

ПЕРЕВОДЫ С ИТАЛЬЯНСКОГО

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПРОЗА

**Отрывок из сочинения Арриго Катерино Давила (1576–1631)
«История гражданских войн французских» (Historia delle guerre civili di
Francia, 1630), посвященный эпизоду осады Парижа Генрихом III
летом 1589 г.**

Era di già il principio di Luglio, e il frumento della città era tutto consumato, né altro restava per servizio del popolo, che il nodrirsi d'avena, quel popolo della quale alcuna quantità era rimasta, e questa macinata ne' molini, i quali erano nella città nel corrente del fiume, hora si convertiua in pane, hora si cucinava in minestra, la quale in lingua Francese chiamano volgarmente *bollita*, e per delicata vivanda a questa s'accompagnava la carne di cavallo, di cane, di somaro, e di mulo, non riserbandosi altri cavalli, che quelli i quali facevano per uso della guerra, e gli altri vendendosi pubblicamente per alimentare le famiglie de' signori più grandi. Ma era questa maniera di vivere tollerabile, e da desiderarsi rispetto a quella della plebe, che non cavando utile da gli esercizi suoi, e ridotta all'estreme miserie senza denari, e senza pane, conveniva pascolarsi all'uso de gli animali bruti di quelle herbe che si trovavano per i cortili, per le strade, e per i terrapieni, le quali anco mancando a tanta moltitudine, e porgendo poca sostanza, per essere inaridite dal caldo, ovvero avvelenando anco con la qualità loro, e producendo vomiti e flussi, si vedevano le misere genti a guisa di corpi etici e tiscici cadere improvvisamente morti nel mezzo delle strade, spettacolo così lagrimevole e così funesto, che harebbe fatto inhorridire qualsivoglia animo più crudele e più fiero; e nondimeno i capi del governo, e quelli che governavano il popolo, il Legato, l'ambasciatore Mendoza, e i prencipi, erano così costanti, e tanto saldi, che perciò mai capitarono in pensiero di volersi arrendere, anzi con grandissima severità fecero giustiziare Renardo procuratore del Castelletto, ed alcuni altri complici, che bramando liberarsi da tanto pericolo havevano havuto ardire un giorno, che si radunava il consiglio, di gridare ad alta voce: O pane, ò pace: e la plebe medesima tra tante angustie, e con l'aspetto della morte presente, si godeva di patire e di soffrire, già persuasa che questa fosse una maniera di vero e glorioso martirio per salvare la coscienza, e per mantenere la religione. Non era però che alcuni più compassionevoli di se stessi, ò d'animo più rimesso, ò per avventura non tanto costanti nel fatto della fede, non cercassero, e non machinassero di sollevare qualche romore, ò per introdurre trattamento di concordia, o per aprire l'adito al Rè d'essere ricevuto dalla plebe; e tanto ardirono sollevando con l'apparente terrore della morte irreparabile, e con il crudelissimo tormento della fame, che tirati alcuni in compagnia, deliberarono di radunarsi una mattina, et opprimere i capi del governo, i quali nel palagio della giustizia si radunavano nel consiglio, ma essendo segretamente capitato il negozio all'orecchie di Don Christino da Nizza, uno de' primi Predicatori, che s'affaticassero nella difesa, ne fece avvertiti i Prencipi, et il Legato, i quali messa tutta la milizia in arme, compartirono la cura della città, ordinarono che il Duca di Nemurs il giorno, e la notte cavalcasse armatamente per

tutte le contrade, e che il cavallier d'Omala dimorasse del continuo a guardia del palazzo, e nondimeno comparvero i sollevati in molto numero al tempo destinato, gridando: Pane, ò pace, e minacciando di tagliare a pezzi il consiglio, se non si prendeva risoluzione: a' quali essendosi inconsideratamente opposto il Goes uno de' caporioni del popolo, fu da uno di loro con la pistola, che si portava sotto, percosso, e tolto di vita, ma hauendo il cavaliere d'Omala fatto chiudere le porte del palazzo, e sopravvenendo il duca di Nemurs, e l'ambasciatore Mendozza con la milizia armata; quello che haveva sparata l'archibugiata, fu gettato giù delle loggie del palazzo, et alcuni altri de' principali, non si essendo potuti salvare, furono presi, et il medesimo giorno giustiziati; e la plebe si dileguò se stessa, rimanendo libera la città dal pericolo, ma non i capi dalla cura che la fame fosse per cagionare molti di questi motivi, peggiorando sempre lo stato delle cose, ne vedendosi apparire alcuna certa speranza di soccorso.

Арриго Катерино Давила (1576–1631)
История гражданских войн французских
(Historia delle guerre civili di Francia, 1630)

Уже начинался июль, все городские запасы хлеба были съедены, и на пропитание людям не оставалось ничего, кроме овса, некоторое количество которого у них все еще оставалось; его мололи на мельницах, стоявших на берегу реки, и пекли хлеб или готовили суп, который по-французски называется в народе¹ «бульон»²; более изысканную трапезу сопровождало мясо лошадей, собак, ослов и мулов; из лошадей оставляли только тех, которые служили военным нуждам, а остальных продавали на публичных торгах на пропитание семьям знатнейших господ. Но такой способ выживания еще был терпимым и более желанным по сравнению с образом жизни черни,³ которая, лишенная доходов от своих обычных занятий и доведенная до крайней нищеты без денег и без хлеба, была вынуждена пастись как скотина⁴ и есть травы, которые удавалось найти во дворах, на улицах и на набережных, но даже этой выжженной жарой травы было мало для такой толпы народа⁵, она едва ли могла их поддержать и вызывала отравления, рвоту и понос; можно было видеть, как несчастные люди, изможденные лихорадкой⁶ и чахоткой, внезапно падали замертво посреди

¹ В тексте «in lingua Francese chiamano volgarmente»; автор подчеркивает, что это слово из разговорного языка, а не из высокого регистра. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Досл. «вареный».

³ Досл. «плебса».

⁴ В тексте «animali bruti», т.е. скот; если предположить, что имеется в виду «animali brutti», текст получает несколько другой смысловой оттенок.

⁵ «a tanta moltitudine» — множеству, толпе.

⁶ В тексте “corpi etici e tistici”; “febbre etico” — лихорадка, характеризующаяся большими суточными колебаниями (гр. ἑκτικός «непрерывный»); характерен для туберкулеза легких, но также проявляется при хронических нагноениях (абсцессы легких и т. д.).

улиц; зрелище это было столь плачевным и столь полным безысходности,¹ что ужаснуло бы любую самую жестокую и самую надменную душу; и, тем не менее, верховные правители² и те, кто управлял народом, легат, посол Мендоса³ и принцы⁴ были столь упорны и непреклонны, что даже не помышляли о капитуляции, в самом деле, они жестоко⁵ казнили Ренара, прокурора в Шатле,⁶ и некоторых других заговорщиков, которые, желая избавиться от столь великой опасности, однажды осмелились на собрании совета громко закричать: «Хлеба, мира!» Да и сама чернь посреди стольких бедствий, стоя на пороге смерти, находила наслаждение в этих муках и страданиях и уже была убежденна, что это был путь истинного и славного мученичества во имя спасения совести и сохранения религии. Однако нельзя сказать, будто некоторые из особо жалевших себя, или более смятенных духом, или, возможно, не столь постоянных в вере не пытались и не умышляли поднять кое-какой шум, чтобы достигнуть соглашения⁷ или открыть королю ворота, чтобы чернь встретила его; и они так разгорячились ввиду страха неминуемой смерти и жестоких мук голода, что, привлеченные некоторыми в заговор, однажды утром они решили собраться и надавить на глав правительства, которые собрались на совет во Дворце правосудия; но слух об этом деле был секретно поведен дому⁸ Кретьену из Ниццы, одному из первых лиц в ордене доминиканцев, трудившихся на защиту города, который сообщил об этом принцу⁹ и легату, а они, вооружив все городское ополчение, распределили обязанности по обороне города и распорядились, чтобы герцог де Немур¹⁰ со своими людьми в полном вооружении днем и ночью объезжал все районы, и чтобы шевалье д'Омаль¹¹ постоянно находился во дворце и охранял его. Тем не менее многочисленные восставшие появились в назначенное время, крича «Хлеба, мира!», и угрожая разорвать членов совета на куски, если не будет принято никакого решения: проявив неосторожность, их пытался остановить один из глав народа Гёз, но его застрелил один из восставших, у которого был пистоль, который тот тайно пронес с собой. Впрочем, после того, как шевалье д'Омаль закрыл

¹ Досл. «фатальным», «роковым».

² Досл. «главы правительства» — имеются в виду руководители Католической лиги. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

³ Бернардино де Мендоса (ок. 1540 – 3 августа 1604) — испанский военачальник, дипломат и писатель, автор книг по военной истории и политике.

⁴ Имеются в виду герцог де Майенн, герцог д'Омаль и прочие руководители лигеров. Шарль де Гиз, герцог де Майенн (1573–1611), второй сын Франсуа I Лотарингского (1519–1563), 2-го герцога де Гиза (1550–1563), младший брат и сподвижник Генриха I де Гиза.

⁵ Досл. «с большой жестокостью».

⁶ Тюрьма и здание суда в Париже.

⁷ Т.е. пойти на переговоры с Генрихом Наваррским.

⁸ «Дом» — титул представителей католического духовенства, использовался у бенедиктинцев, картезианцев, регулярных каноников и пр.

⁹ Т.е. герцогу Майеннскому.

¹⁰ Шарль Эммануэль Савойский, герцог де Немур и граф Женева (1567–1595), старший сын Жака Савойского и Анны д'Эсте, вдовы Франциска I, герцога Гиза.

¹¹ Шарль де Гиз, герцог д'Омаль (1555–1630), второй сын Клода д'Омаль и Луизы де Брезе.

двери дворца и прибыли герцог де Немур и посол Мендоса с вооруженным ополчением, тот, кто стрелял из аркебузы, был сброшен с дворцового балкона, а некоторые другие из зачинщиков, которые не смогли скрыться, были взяты и в тот же день казнены; и чернь рассеялась, а город был избавлен от опасности, но предводители отнюдь не были освобождены от забот, ведь всему этому причиной был голод, постоянно усугублявший положение вещей, и не было видно никакой твердой надежды на помощь.

Перевод Евгения Александровича Хвалькова (ekhvalkov@hse.ru). Евгений Хвальков — историк-медиевист, педагог, исследователь истории генуэзских и венецианских колоний Северного Причерноморья и межкультурных коммуникаций в Старом Свете позднего средневековья. Доцент кафедры истории НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Перевод занял второе место в номинации «итальянская проза» (2021).

**Отрывок из сочинения Арриго Катерино Давила (1576–1631)
«История гражданских войн французских»
(*Historia delle guerre civili di Francia*, 1630)**

Уже в начале июля все запасы зерна в городе были исчерпаны, и народу для поддержания жизненных сил не оставалось ничего другого, кроме как питаться овсом, которого осталось небольшое количество, и из овса, смолотого на мельницах, стоявших в городе по течению реки, они то выпекали хлеб, то варили себе похлебку, которая по-французски в народе называется *bouillie*¹, и к этому изысканному кушанью добавляли конину, мясо собак, ослов и мулов, приберегая для себя только тех лошадей, которые использовались в военных целях, и тех, которые продавались открыто, чтобы прокормить семьи наиболее знатных господ. Но такое существование было еще терпимым и даже желаемым по сравнению с существованием простых горожан, которые не получая дохода от своей деятельности, доведенные до крайней нужды, без денег и без хлеба, собирались, как будто бессловесные животные на пастбище, щипая ту траву, которую находили во дворах, по дорогам, на земляных валах, и которой к тому же не было в достатке для такого множества народа, и от нее было мало толку, так как она захламляла от жары, или же по своим свойствам она еще и приводила к отравлениям, вызывая рвоту и кровоизлияния, и можно было видеть, как несчастные люди, будто пораженные лихорадкой или чахоткой, внезапно падали замертво посреди улиц, это зрелище вызывало столько жалости и глубокого отчаяния, что могло бы ужаснуть любую даже самую жестокую и безжалостную душу; и все же главные лица правительства и те, кто правили народом, легат, посол Мендоса и принцы были настолько стойкими, настолько твердыми в своих убеждениях, что им ни разу не пришла в голову мысль пожелать сдаться, напротив, они с величайшей суровостью велели казнить Ренара, коменданта

¹ В тексте: *bollita* (ит.) — *Здесь и далее прим.пер.*

Шатле¹, и некоторых других сообщников, которые, желая освободиться от огромной опасности, имели смелость в один из дней, когда собирался совет, громко кричать: «Хлеба или мира!», и сами же простые горожане, находясь в состоянии великой тревоги и неся на лице печать приближающейся смерти, испытывали удовольствие от мучений и страданий, пребывая в убеждении, что это будет способ достойного и славного мученичества во спасение совести и для сохранения веры. Однако не обошлось без того, что кое-кто из особо страдающих горожан, то ли смиренных душою, то ли по воле случая не очень твердых в своей вере, не попытался подбить народ на смуту и не замыслил поднять шум, чтобы добиться достойного к себе обхождения или чтобы открыть проезд [в город] королю для его встречи с народом; и с очевидным чувством страха неминуемой смерти и жесточайших мук голода, они с большой храбростью выступали, призывая к восстанию, так что некоторые, встретившись вместе, договорились собраться однажды утром и сместить главных лиц правительства, которые держали совет во дворце правосудия, но так как разговор тайно достиг слуха дона Кристино из Ниццы, одного из доминиканцев, о том, что им² придется трудно в обороне, он предупредил об этом принцев и легата, которые, призвав к оружию все ополчение, распределили между собой наблюдение за городом, и приказали, чтобы герцог Немурский днем и ночью объезжал верхом во всеоружии все городские кварталы, а шевалье д'Омаль³ постоянно пребывал во дворце на страже. И все же восставшие явились в назначенное время в большом количестве, и с криками: «Хлеба или мира!» угрожали порубить на куски совет, если не будет принято решения; один из начальников ополчения по имени Ле Гуа неосмотрительно воспротивился им, и тогда один из заговорщиков выстрелил в него из пистолета, который прятал под одеждой, и убил его. Шевалье д'Омаль приказал закрыть входы во дворец, и тут же неожиданно прибыли герцог Немурский и посол Мендоса с вооруженными ополченцами; того, кто сделал выстрел из аркебузы, сбросили с балкона дворца, а некоторые из зачинщиков, кто не смог спастись, были схвачены и в тот же день казнены; народ же рассеялся сам по себе, и город избежал опасности, но главные лица правительства продолжали пребывать в беспокойстве, осознавая, что именно голод стал причиной большей части этих волнений, ухудшая с каждым днем положение в городе, и при этом не наблюдалось никакой явной надежды на помощь.

Примечания к переводу

1. В начале отрывка обратили на себя внимание два слова *quel popolo*, которые грамматически не вписывались в контекст: *...né altro restava per servizio del popolo, che il nodrirsi d'avena, quel popolo della quale alcuna quantità era rimasta...* Проверив по оригиналу текста, этих слов там не нашел. (стр. 480)

¹ Шатле, или Большой Шатле — Grand Châtelet, замок в Париже, снесен в 1802 г. В тексте: Castelletto (ит.)

² сторонникам правительства

³ Клод Омальский — Claude d'Aumale (1564—1591). В тексте: *cavallier d'Omala*.

<https://books.google.ru/books?id=Qvx904FfT0IC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

2. Видимо, произошла ошибка при подготовке текста, сканировании и т.п. Поэтому при переводе эти слова исключил.
3. 2. Il Goes во французском тексте Journal de siège de Paris en 1590 упоминается как Le Gois, capitaine de son quartier..., l'un des colonnelz de la ville. Поэтому перевожу его имя на русский как Ле Гуа. openlibrary.org/works/OL15438436W...du...de_Paris...1590 4
<https://archive.org/details/journaldusiged00fran/page/212/mode/2up> Ф. Пигафетта в своем труде Relatione dell'Assedio di Parigi называет его ... capitano della sua contrada, chiamato il Goes... (стр. 80-81).
<https://books.google.cz/books?vid=NKP:1002402682&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false>

Перевод Дмитрия Николаевича Войницкого (amir04@mail.ru), переводчика с итальянского языка, Донецк. Перевод занял второе место в номинации «итальянская проза» (2021).

Арриго Катерино Давила (1576–1631) «История гражданских войн французских» (Historia delle guerre civili di Francia, 1630)

И вот уже с началом июля месяца в городе истощились все запасы пшеницы, а посему у горожан, коих и осталось-то не бог весть сколько, не имелось другого спасения, кроме как пробавляться овсом. Зерно то мололи на водяных мельницах, что стояли на реке в черте города, засим превращалось оно в хлеб, иной же раз приготавливалось в супе, который на французском наречии они без зазрения совести называют *варево*. Подавалось к этой стряпне и изысканное кушанье, коим считалось мясо лошади, собаки, осла и мула. И только тех лошадей, что в военных нуждах могли сгодиться, сохраняли и приберегали, другие же продавались на виду у всех и шли на пропитание семей самых знатных господ. Но даже и такая жизнь была сносной и желанной по сравнению с существованием, какое владели простолюдины. Беднягам этим, доходов от занятий своих не имевшим и до крайней нищеты доведенным, без денег и без хлеба, приходилось, подобно скотине, кормиться быльём, какое пробивалось во дворах, на улицах и на земляных валах. Да едва ли доставало той растительности в изобилии, и была она не больно питательна, потому как уже иссохла на жару, а вернее сказать, превратилась в яд для человека. Встречались такие несчастные, что и рвало их, и другие струи они пускали, а сами, точно тщедушные чахоточные, внезапно падали замертво посреди улиц, — зрелище, столь скорбное и зловещее, что кто угодно, пусть даже самая жестокосердная и суровейшая душа, устранился бы при виде сего.

Однако ж правители и предводители народа, а с ними и папский легат, и посол Мендоса, и принцы крови, были так непоколебимы и тверды в вере своей, что никогда и никому в голову бы не пришла мысль сдаться. Того больше, свирепую расправу учинили над Ренаром, прокурором Шатле, а с ним наказали и нескольких приспешников, каковые, желая избегнуть

страшной этой опасности, однажды на собрании совета посмели громко крикнуть: «Хлеба или мира!». Да и народ сам, среди стольких бедствий и пред лицом неминуемой смерти, с наслаждением претерпевал и переносил страдания, истово уверовавши, что таков путь истинного и благородного мученичества во имя спасения души и во славу религии.

И все-таки не то, чтобы некоторые, самих себя жалевшие больше всего, или робкие духом, или, волею случая, не столь твердые в вере своей, не попытались бы поднять шум и замыслить заговор ради мирного соглашения или же того ради, чтоб позволить королю войти в город и чтоб народ его принял. Напротив, набравшись смелости, притом же, под страхом неотвратимой гибели и жестоко мучимые голодом, объединившись между собой, порешили они собраться однажды утром и пойти против возглавлявших правительство, которые заседали в совете во дворце правосудия. Но случилось так, что дело это тайно дошло до ушей донна Кристина из Ниццы, одного из первых проповедников, что подвизались в обороне, и тот предупредил принцев и легата. Те же вооружили все ополчение, устроили в городе дозор и приказали, чтоб герцог Немурский днем и ночью объезжал бы все предместья и улицы с оружием в руках, а кавалер Омальский постоянно нес бы караул во дворце. И все ж таки в назначенный час в большом количестве явились мятежники, и с криками «Хлеба или мира!» угрожали они изрубить весь совет, если не будет принято решение. Напротив них, по неразумению, оказался де Гоес, один из народных вожаков, и тогда кто-то из мятежников выстрелил в него из пистолета, что был припрятан под одеждой, и лишил жизни. Но тут уже кавалер Омальский приказал закрыть двери дворца, а засим прибыли герцог Немурский и посол Мендоса с вооруженным ополчением. Стрелявшего из аркебузы сбросили вниз из дворцовой лоджии, а других главарей этих смутьянов, не сумевших спастись, взяли в плен и казнили в тот же день. Народ же сам сдался, чем освободил город от опасности, но не предводителей от их забот. Прежде же всего о том, что голод — всему причина и все больше ухудшает положение вещей, а надежды на помощь не предвидится.

Перевод Анастасии Свотиной (nastya.svotina@gmail.com). Окончила отделение истории и теории искусства исторического факультета МГУ, Курсы редакторов при Литературном институте имени А. М. Горького. Редактор и переводчик в книжных проектах Посольства Италии, с 2021 года — ведущий редактор редакционно-издательского отдела ГМИИ им. А. С. Пушкина. Перевод занял третье место в номинации «итальянская проза» (2021).

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Гиованни Баттиста Марини (1569–1625). «Адо́не» (1623)

513

Intanto al popol falso e contumace
perdona alfin placato il gran Luigi,
e dopo lungo assedio e pertinace
dispiega in Mompelier la Fiordiligi.
Quindi con la vittoria e con la pace
tra la palma e l'olivo entra in Parigi,
e lieta sotto il trionfal vessillo
torna la Francia al bel viver tranquillo.

514

Tornan l'arti piú belle e le virtudi
poco dianzi fugaci e peregrine,
fioriscon gli alti ingegni, e i sacri studi,
crescono i lauri a coronargli il crine,
riposan l'armi orrende, i ferri crudi
pendon dimessi, e le battaglie han fine.
Son fatti i cavi scudi, e i vóti usberghi,
nidi di Cigni, e di Colombe alberghi.

Отрывок из поэмы Дж. Б. Марино «Адонис» (1623)

513

Велик Людовик, он простил смиренно
народ свой непокорный и фальшивый.
Вослед тяжелым действиям военным
над Монпелье взмыл Флёр-де-лис красивый.
Борясь за мир победно незабвенно,
в Париж вошел он с пальмой и оливой.
Под триумфальным знаменем как прежде
жизнь Франции легка и безмятежна.

514

Изысканным искусствам — вновь почтенье,
что в странствиях пристанище искали.
Расцвет талантов и святых учений
младые ветви лавра увенчали.
Конец кровавым битвам и сраженьям,

и сложено оружие из стали.
Щиты отныне и пустые латы —
кров горлиц, гнезда лебедей крылатых.

Перевод Маши Gatto (М. Куцис) (maschagatto@gmail.com). Родилась в Киеве в 1979 г. Окончила Киевский торгово-экономический университет в 2001. Получила степень магистра в Università di Trento Italia в 2003. Более 15 лет живет в Германии, в Бонне. Работает в ИТ-компании. Свободно владеет итальянским и немецким языками. Пишет стихи для детей и увлекается поэтическим переводом. В 2020 г. в журнале «Современные записки» были опубликованы два перевода с итальянского языка стихотворений Карло Бетокки и Уго Фосколо. В 2021 г. вышел сборник «Серебряный дым», где опубликованы еще два перевода с итальянского языка (Сальваторе Квазимодо и Уго Фосколо). Данный перевод занял третье место в номинации «итальянская поэзия» (2021).

Джован Баттиста Марино (1569–1625)
Адонис (заключительные октавы)

513

Меж тем, толпа ущербного народа
Людовика Великого¹ впустила,
вкусив сполна осадной несвободы,
и в Монпелье его штандарты чтит².
Победа вновь под тишь небосвода
среди олив и пальм в Париж входила,
под триумфальным знаменем, без тризны
вернулась Франция к счастливой жизни.

514

Вернулись все искусства без помехи,
и добродетели, и утешенье,
в науках, в богословии успехи,
растущий лавр — почёт и уваженье;
ржавеют грозные мечи, доспехи
лежат пусты, закончены сраженья.

¹ Людовик XIII Справедливый (из династии Бурбонов) — король Франции и Наварры. — *Прим. пер.*

² Эпизод из череды религиозных войн между католиками и гугенотами — осада Монпелье и подписание там 18.10.1622 договора между Людовиком XIII и лидером гугенотов Анри де Роганом. Договор завершил военные действия.

Поэма «Адонис» изобилует мифологическими эпизодами, но включает в себя и актуальные политические события, упоминаемые в финале. — *Прим. пер.*

Где лебедь и голубка — ближе звёзды,
доспехи и щиты теперь их гнёзда.
1623

Перевод Владимира Борисовича Курьянова (vlad@yahoo.com). Родился и вырос в Подмосковье, образование дважды высшее — техническое и экономическое. Дипломант и лауреат ряда поэтических конкурсов и конкурсов художественного перевода. Публикации стихов и переводов поэзии на Украине, в России, Великобритании, Бельгии, Финляндии. Автор двух сборников стихов, работает в международной судоходной компании в Лондоне, где и проживает в настоящее время. Перевод занял третье место в номинации «итальянская поэзия» (2021).

ПЕРЕВОДЫ С ВЕНГЕРСКОГО

Kiss Tibor Noé: Beláthatatlan táj (részlet)

Szeretem nézni a folyót. Csak nézem, ahogy áramlik, viszi magával a múltat, felszínre hozza az emlékeket. A misszionáriust lenyilazzák, kibelezik, megfőzik az Amazonas indiánjai. Hajdan az embertelenség volt a vallás alapja, a régi szertartások ezért tartalmaznak annyi borzalmas elemet, élve elégetést, emberevést, élve megnyúzást. Néha beülök Imréhez a könyvtárba, és részleteket olvasunk fel egymásnak a kedvenc könyveinkből. A fejdázók az ellenségeikkel is végeznek, majd egy kondérban addig főzik a levágott fejet, amíg az öklömnyire nem zsugorodik. A szemet és a száját előtte bevarrják, az ellenség szelleme nem szabadulhat ki. Leszakad a fejem. Van abban valami megnyugtató, ha az ember magában beszél, nem kell számítani ellenvéleményre, vitára. Imre feltartott ujjal olvas. Szeretem ezt a szarkazmust, az együttérző hallgatást, pedig már rég nem mondok neki semmit Zsófiról. Nem beszélhetek róla senkinek, inkább bevarrom a számat. A rózsaszín tabletta segít, lenyelem, aztán megiszom a vizet. Pedig nem kellene, ebben a kerületben a csapvíz szinte mérgező, tele van ólommal, a Facebookon láttam erről egy térképet. Több térképes oldalt követek, például a Terrible Mapset. Csongrád megyében ugyanannyi a napfényes órák száma, mint Nápolyban, Bogotában ugyanannyian laknak, mint Magyarországon, és a kontinenseket körbe lehet rajzolni úgy, hogy a végén kapunk egy macskát, amelyik úgy játszik Ausztráliával, mint egy gombolyaggal. Ilyesmiket lehet onnan megtudni. Régen gyűjtöttem a térképeket, aztán behoztam mindent a könyvtárba, két banánosdoboz az egyik szekrényben, tele a holmijaimmal, az oklevelekkel, a díjakkal, az emlékérmekkel. Az év tanára az iskolában, a kerületben, a kontinensen, a kutya-futtatón, csupa könnyfakasztó elismerés a tanulmányi versenyek után. Néhány diákkal még tartom a kapcsolatot, az egyik internetes bannereket készít, a másik kutya-menhelyet nyitott, a harmadik verseket ír. A maiak már olvasni sem tudnak, nemhogy verset írni, Imre közben egy másik könyvet vesz elő, Heinrich Böll például, csettint, neked tetszene, tetszett, válaszolom. Imrét az egyetem óta ismerem, többet tudunk egymásról, mint kellene, de mégsem mindent. Nyolcvankettőben levertük a vörös csillagos címet az iskola faláról, és erről azóta sem beszéltünk senkinek. Tizenhét évesen él igazán az ember, most viszont csak a halántékomat dörzsölöm, semmit sem érnek ezek a tabletták, zsibbad a fejem. Tszantsza, így nevezik a zsugorított emberfejeket. Ebből ered a zanzásítás, ha nem tudnád, Imre becsukja Böllt. Zanzásítom az estémet, hogy mi jön, követem a HÉV vonalát, megszámolom az ötven bódét, a villanyszerelési szaküzleteket, az autósboltokat, a szoláriumokat. A kórházi büfében veszek egy pizzás melegszendvicset,

mert tegnap hamburgerest vettem. Megeszem az alumíniumpultnál, ami évtizedek óta sötétbarna a mocsoktól. Rágás közben nyilall a fejem, mintha lenne benne egy szögletes doboz, aminek a sarkai belülről nyomnák a koponyámat. A folyosón régi gépek piros, vibráló ledfényekkel. Második emelet kétszázhet, képek a falakon, tenyérszerű medvenyom, dühös tarisznyarak, hulahoppkarika, telefonfülke-jelmez. A fejem kalapál a hangoktól, ahogy zúgnak a gépek, ahogy a lift kattog, ahogy tologatják a nyikorgó ágyakat, a székeket és az asztalokat, amelyekről lekopott a gumitalp. Még azt is meghallom, ahogy a huzattól lengedezni kezdenek a falra tűzött fotók. Halkan szólnak Dorka zenéi. Egyfolytában Dorka zenéi szólnak, átmásoltam mindent a pendrive-ról. Talán visszatér, ha a nevén szólítom. Néhány dolgot mi is felmondtunk Annával egy fájlra, dorkanak.mp3, talán a hangunk, talán a dallamok segítenek. Halkan pulzálnak a dobok, a nővérek puha léptekkel sietnek az osztályon, senki sem hallja őket, de mindenhol ott vannak. Hosszú percekig kuncognak a betegfelvevő pult mögött. Megjelenik az ügyeletes orvos, kevergeti a kávéját, a nővérek szétrebbenek. Az orvos elmond néhány szőke nő viccet, jobb is, hogy Dorka alszik, hogy nem lát, hogy nem hall, csak szörcsög, sípol, lélegzik, a mellkasa emelkedik, süllyed, emelkedik. Szükségem van egy fejfájáscsillapítóra. A szomszéd ágyon fekvő öregasszonyhoz ma este sem jön látogató, egyre kisebb, lassan összetöporodik, elfogy, mint a jivaro harcosok ellenségei. Miután rendesen kiszárad a fej, az indiánok felfűzik egy szíjra, és a nyakukba akasztva hordják. A haj is rajta marad, hosszú, fekete indiántincsek lobognak a fejvadászok mellkasán. Talán csiklandozzák őket, ahogy én csiklandoztam Dorkát. Hányszor eszembe jutott már, hogy benyúlok a takaró alá, megkeresem a talpát, és csiklandozni kezdem, hátha attól magához tér, ahogy régen. A kurva életbe. Megfagy a levegő, Imre arcizmai remegnek, zümmög az utolsó őszi légy az ablakszárnyak között. Kinyitom az ablakot, de csak köröz tovább, nem tudom, mit tehetnék, nem tudom, hogyan segíthetnék, senki nem tud semmit, csak bámulnak rám ájtatos szemekkel, összesúgnak a hátam mögött, lehalkítják a hangjukat, a konzíliumot még mindig nem hívják össze, a rehabilitációs osztályról nem hívnak vissza, megőrülök az állandó pittyegéstől, a zümmögéstől, nem találom azt azátkozott címet sem, az anyja címét, mert az anyjának már nincs is címe, mert egy kommunában lakik Hawaiiion, ahol mindig huszonöt fok van, és kuszkuszt esznek bulgurral, és banánt, és a megvilágosodásról meg a békéről papolnak, és ahonnan néha küld egy levelet a lányának, aki közben demens öregasszonyok között fekszik a kórházban, sípoló tüdővel, tüdőgyulladással, öntudatlanul, és nem tudom, hogy valaha felkel-e abból a kurva betegágyból.

Тибор Ноэ Киш. Неопределенный пейзаж (отрывок)

Люблю смотреть на реку. Смотрю, как она течет, уносит с собой прошлое, поднимая на поверхность воспоминания. Миссионера пронзили стрелами, выпотрошили, да подали на блюде индейцы Амазонии. Когда-то в основе религии лежала бесчеловечность, поэтому древние ритуалы включали столько ужасающих элементов: сжигание заживо, каннибализм, свежевание. Иногда я захожу к Имре в библиотеку, и мы читаем друг другу отрывки из любимых книг. Охотники за головами, прикончив своих врагов, варят в котле отрезанные головы, пока те не скукожатся до размеров кулака. Глаза и рот предварительно зашивают, чтобы не высвободилась душа противника. Голова у меня раскалывается. Есть что-то успокаивающее в разговоре с самим с собой, не приходится ожидать возражений и споров. Имре читает с поднятым вверх пальцем. Мне нравится этот сарказм, сочувственное молчание, хотя я уже давно не говорил ему ничего про Жофи. Не могу никому о ней рассказать, хоть тресни. Розовая таблетка поможет, глотаю, запиваю водой. Хотя не стоило бы, в этом районе вода из-под крана суший яд, содержит уйму свинца, видел об этом информацию на карте в Фейсбуке. Я подписан на несколько страниц с картами, например Terrible Maps. В области Чонград столько же солнечных часов, как и в Неаполе, а в Боготе живет столько же людей, сколько во всей Венгрии, а еще континенты можно обвести линией так, что получился кошка, которая играет Австралией как клубком. Вот такие вещи можно оттуда узнать. Раньше я собирал карты, а потом отнес всё в библиотеку, две коробки из-под бананов в одном из шкафов набиты моими вещами, дипломами, призами и памятными медалями: учитель года в школе, в районе, на континенте, на собачьей площадке, всякие душещипательные награды с учебных конкурсов. С некоторыми учениками я ещё поддерживаю связь: один верстает рекламные баннеры в интернете, второй открыл приют для собак, третий пишет стихи. Нынешние же даже читать не умеют, куда там стихи писать; меж тем Имре взялся за другую книгу, Генрих Бёлль, например, щелкнул он пальцами, должен тебе понравиться, а мне нравится, ответил я. С Имре мы знакомы еще по университету, знаем друг о друге больше, чем стоило бы, но не всё. В восемьдесят втором мы сорвали со школьной стены герб с красной звездой, и с тех пор никому об этом не рассказывали. В семнадцать лет человек по-настоящему живёт, а сейчас я только потираю себе виски, таблетки ни черта не помогают, голова как чугунная. Тсантса, так называются высушенные человеческие головы. Теперь ты знаешь, с чем ассоциируется сжатое резюме, Имре захлопнул книгу. Резюмирую, что мне предстоит этим вечером: иду вдоль железнодорожных путей электрички, отсчитываю пятьдесят ларьков, мастерских электриков, автомагазинов и соляриев. В больничном буфете покупаю горячий бутерброд, так как вчера был гамбургер. Ем у алюминиевой стойки, которая почернела от многолетних слоев грязи. С каждым движением челюсти в моей голове стреляет, как если бы внутри была

квадратная коробка, углы которой впивались бы изнутри в череп. В коридоре стоят старые аппараты, вибрирующие красным цветом светодиодных ламп. Второй этаж, палата двести семь, картинки на стенах, медвежья лапка, разгневанный краб, кольцо обруча, маскарадный костюм телефонной будки. Голова трещит от многочисленных звуков, гула приборов, стука лифта, скрипа кроватей, стульев и столов со стёртыми резиновыми накладками. Слышу, как от сквозняка захлопали приколотые к стене фотографии. Музыка Дорки тихо играет. Музыка Дорки звучит непрерывно, ведь я все скопировал с флешки. Может, она очнётся, если я произнесу ее имя вслух. Мы с Анной тоже кое-что записали, назвали файл Дорке.mp3, авось наши голоса, а может мелодии помогут. Тихо пульсируют ударные, медсестры передвигаются по палате легкими шажками, никто их не слышит, но они всюду есть. Они долго хихикают за стойкой регистратуры. Появляется дежурный врач, размешивает свой кофе, медсестры разбегаются. Доктор рассказывает пару шуток про блондинку, даже хорошо, что Дорка спит, что не видит и не слышит, только сопит и посвистывает, дышит, грудь поднимается, опускается, поднимается. Мне очень нужно обезболивающее. К лежащей на соседней кровати старушке опять никто не пришел, она становится все меньше, тает, ссыхается, как противники воинов Хиваро. После того, как головы полностью высохнут, индейцы нанизывают их на шнурок и носят, повесив на шею. Волосы тоже сохраняются, и длинные черные индейские пряди свисают вниз на грудь аборигенов. Может они их щекочут, как я щекотал Дорку. Столько раз я думал о том, что вот просуну руку под одеяло, найду ее ступню, и начну щекотать, а она от этого проснется, как раньше. Черт подери. Воздух остыл, мышцы на лице Имре подергиваются, последняя осенняя муха жужжит между оконными стеклами. Открываю окно, но муха продолжает кружить, не знаю, что предпринять, не знаю, как помочь, никто ничего не знает, только смотрят на меня невинными глазами, шепчутся за спиной, понижают голос, консилиум не созывают, из отделения реабилитации не звонят, и я схожу с ума от постоянного пиканья, жужжания, не могу найти этот чертов адрес, адрес ее матери, потому что у ее матери и нету адреса, она живет в какой-то комунне на Гавайях, где постоянно двадцать пять градусов, и едят кускус с булгуром, и бананы, и голоса о просветлении и мире, и откуда она иногда присылает письмо дочери, которая в это время лежит между маразматичными старухами в больнице, со свистящими легкими, с пневмонией, без сознания, и неизвестно, поднимется ли она когда-нибудь с этой гребаной постели.

Перевод Ксении Фехер (ksenia.feher@gmail.com). Закончила МГЛУ по специальности «Культурология» со знанием английского, китайского и испанского языков. С 2018 года живет в Будапеште, здесь же закончила курсы при Институте Балашии, где училась на двух программах: Хунгарология и Художественный перевод. Работает аналитиком-исследователем в американской компании, а переводит для души. Перевод занял первое место в номинации «венгерская проза» (2021).

Киш Тибор Ноэ. Непредсказуемый пейзаж (фрагмент)

Мне нравится смотреть на реку. Просто наблюдать, как она течёт, забирая с собой прошлое и вынося на поверхность воспоминания.

Миссионеров режут, потрошат и готовят индейские племена Амазонии. В прошлом бесчеловечность была основой религии, вот почему в древних ритуалах столько жутких элементов: сдирание кожи заживо, сожжение, каннибализм.

Иногда мы с Имре сидим в библиотеке и читаем друг другу отрывки из своих любимых книг.

Охотники за головами также расправляются со своими врагами, после чего готовят отрубленную голову в кастрюле, пока она не сожмётся и не станет размером с кулак. А перед этим зашивают глаза и рот, чтобы душа врага не смогла освободиться.

У меня трещит голова. Есть что-то успокаивающее в разговорах с самим собой: не ожидаешь противоречий в мыслях, споров. Имре читает, поднимая палец вверх. Мне нравится этот сарказм, сочувственное молчание, и я уже давно ничего не рассказывал ему о Софи. Я ни с кем не могу говорить об этом. Лучше сам себе рот зашью!

Розовая таблетка помогает, я проглатываю ее и запиваю водой. Это я зря, ведь вода из-под крана в здешнем районе почти токсичная (в ней полно свинца), я видел карту на Facebook-е. Я пользуюсь несколькими страницами с картами, такими как Terrible Mapset. В округе Чонград количество солнечных часов совпадает с Неаполем, в Боготе столько же людей, сколько в Венгрии, и континенты можно обвести по кругу, соединяя, чтобы в итоге получилась кошка, играющая с Австралией, как с клубком пряжи. Вот, что можно узнать из карт. Я собирал их, но в конце концов принёс в библиотеку. В одном из шкафов стоят две коробки из-под бананов — в них лежит уйма моих вещей: дипломы, награды, памятные медали. Учитель года в школе, в округе, на континенте, на собачьих бегах — разные слёзные почести, оставшиеся после учебных олимпиад.

Я всё ещё поддерживаю связь с некоторыми студентами. Один из них делает баннеры в интернете, у другого — приют для собак, а третий пишет стихи. Нынешние люди даже читать не умеют, не говоря уже о том, чтобы писать стихотворения.

В это время Имре достаёт другую книгу — Генриха Бёлля, к примеру. Спрашивает: «Тебе нравится?» Я отвечаю, что нравится.

Мы с Имре знакомы с колледжа и знаем друг о друге больше, чем следует, но тем не менее не всё. В восемьдесят втором мы сбили герб Красной Звезды со школьной стены и с тех пор никому об этом не рассказывали. Когда нам было по семнадцать, мы чувствовали себя по-настоящему живыми, а сейчас я просто массирую висок. Эти таблетки бесполезны. У меня онемела голова.

Тсантса, или цанца — так они называют высушенные человеческие головы. Вот откуда взялось слово «зана»¹, если вы не знали. Имре закрывает Бёлля.

Этот вечер я проведу так: буду идти через железнодорожную линию ВНЕВ², подсчитывая киоски (их пятьдесят), магазины электротоваров, автомагазины, солярии. Я отправлюсь в больничную столовую, чтобы купить горячий бутерброд, потому что вчера я покупал гамбургер. Алюминиевый прилавок, за которым я ем, потемнел и стал тёмно-коричневым от грязи, накопившейся здесь за десятилетия. Когда я жую, моя голова качается и раскалывается, как будто в ней находится квадратный ящик, углы которого толкают мой череп изнутри.

В коридоре старые машины с красными, вибрирующими светодиодными лампочками. Второй этаж, двести седьмая палата, картины на стенах, отпечаток лапы медведя, злой краб, хулахуп, телефонная будка.

Моя голова раскалывается от звуков — гудения машин, лязга створок лифта, скрипа кроватей, стульев и столов, резиновые вставки которых давно стёрлись. Я даже слышу, как фотографии, висящие на стене, покачиваются от порывов ветра. Играет тихая музыка Доры. Она звучит постоянно. Я скопировал её с флешки. *Может быть, ты вернёшься, если я назову тебя по имени.* Мы с Анной сделали кое-какие запись в файле *doranak.mp3*: возможно наши голоса и эти мелодии помогут. Барабаны создают тихий пульсирующий ритм, медсестры передвигаются по палате мягкими шагами, их никто не слышит, но они повсюду, долго хихикают за стойкой для регистрации.

Появляется дежурный врач. Он помешивает свой кофе, медсестры лопаются от нетерпения. Доктор рассказывает несколько анекдотов о замужней блондинке. Хорошо, что Дора спит, не видя и не слыша этого. Просто падает лекарство в капельнице, свистит аппарат. Она дышит: её грудь поднимается, опускается, поднимается...

Мне нужна таблетка от головной боли. У старухи на соседней кровати сегодня вечером снова нет посетителей. С каждым днём она становится всё меньше, сжимается, как враги воинов хиваро.

После того как голова как следует высохнет, индейцы привязывают её к тонкому ремню и вешают себе на шею. Волосы индейцев остаются на месте, длинные чёрные, они развеваются на груди у охотников за головами. Может быть, они щекочутся так же, как я щекотал Дору. Сколько раз я думал о том, чтобы залезть под одеяло, найти её ноги и пощекотать на случай, если она проснется, как раньше. Чёрт возьми, очнись!

Воздух становится холоднее, лицо Имре дрожит, последние осенние мухи пролетают между кушетками. Я открываю окно, но они продолжают кружить.

¹ Зана (занни) — наркотические вещества в таблетках. — *Прим. пер.*

² ВНЕВ — система из четырёх местных железнодорожных линий в Венгрии, соединяющих центр Будапешта с пригородами. — *Прим. пер.*

Я не знаю, что могу сделать. Я не знаю, как помочь. Никто ничего не знает. Они просто смотрят на меня благочестивыми глазами, шепчутся за моей спиной, понижают голоса. От консультанта всё ещё нет ответа, они не перезванивают мне из реабилитационного центра. Я схожу с ума от постоянного писка, жужжания. Я не могу найти адрес — адрес её матери, потому что у её матери нет адреса. Она живёт в коммуне на Гавайях, где всегда 25 градусов, и едят кускус с булгуром и бананами и говорят о просветлении и мире. Она иногда посылает письма своей дочери, лежащей в больнице со старухами, страдающими деменцией, с хрипящими лёгкими, пневмонией, без сознания, и я не знаю, встанет ли она когда-нибудь с этой грёбаной кровати.

Перевод Ольги Воронковой (voa.15@mail.ru), магистрантки 2 курса специальности «Фундаментальная и прикладная лингвистика» филологического факультета Донецкого национального университета. Перевод занял второе место в номинации «венгерская проза» (2021).

ВЕНГЕРСКАЯ ПОЭЗИЯ

Erdős Virág.

Anyegin,

drágám, nincs mit félned:
Tatjana nem ír levelet.
Kényelmesebb így mindkét félnek:
neki is, pláne teneked.
Tatjana most múlt hároméves.
Nem szép, és nem is tehetséges.
Nem ír, nem olvas, nem beszél,
orrán szürcsögve jár a szél.
Pokrócocskába bugyolálva
gyomorszondácskán át eszik,
forgatják néha (jól teszik!),
suttognak hozzá, meg-megállva –
Szeretik, látod? Szeresd te is.
Én írom ezt most, de helyette is.
in: Hősöm (Magvető, 2020)

Эрдёш Вираг

Онегин,

милый, нечего бояться:

Татьяна писем не напишет.

Так будет лучше для обоих:

и для неё, и для тебя.

Татьяне жить всего три года.

Не одарённа, не красива.

Молчит, не пишет, не читает.

Ей ветер дует через нос.

Закутанная в одеяло,

ест через трубочку и спит,

ворочаясь (ей удаётся!)

и слыша, как ей шепчут: лю́бим —

Люби́ма, чувствуешь? Я тоже

Люблю её, но к вам пишу.

2020

Перевод Вероники Сурняевой (nika-sura@mail.ru). Поэт, журналист. Редактор образовательных курсов в Яндекс.Практикуме, главный редактор журнала «Тезис». Окончила Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения и магистратуру Европейского университета по культурной антропологии. Изучала английский и немецкий в школе, арабский в университете и несколько языков самостоятельно — французский, испанский, португальский, итальянский и др. В 2021 году заинтересовалась поэтическими переводами. Участник Форума молодых писателей (2014, 2015, 2017, 2019) и Соповещания молодых писателей при Союзе писателей Москвы (2014), стипендиат Министерства культуры (2014). Автор книги стихов «Предвкушение и послевкусие» (2008). Стихи публиковались в литературных журналах «Москва», «Сура», «Дети Ра», «Другие», «Кольцо А». Живет в Санкт-Петербурге. Перевод занял первое место в номинации «венгерская поэзия» (2021).

ПЕРЕВОДЫ С КИТАЙСКОГО

КИТАЙСКАЯ ПРОЗА

陈忠实《白鹿原》（节选）

鹿子霖一上任乡约就施展出非凡的办事能力和组织才能。他用白鹿仓拨给他的十分有限的经费，在白鹿镇买下一院破落户的民房。房屋已经破败不堪，庭院里散发着一股酸滋滋臭烘烘的气味。他雇请来卫木匠，向所辖的十个村子摊派小工，把三间大厅和两间厢房全部翻修一新。把临街的已经歪扭的门楼彻底拆除，用蓝色的砖头垒成两个粗壮的四方门柱，用雪白的灰浆勾饰了每一条砖缝，然后安上两扇漆成黑色的宽大门板。在右首的门柱上，挂出一块白底黑字的牌子：滋水县白鹿仓第一保障所。多年来一直破败不堪的居民小院，完全焕然一新了，在灰暗衰老的白鹿镇上，立即昭示出一种奇异的气质。

皇帝在位时的行政机构齐荏儿废除了，县令改为县长：县下设仓，仓下设保障所，仓里的官员称总乡约，保障所的官员叫乡约。白鹿仓原是清廷设在白鹿原上的一个仓库，在镇子西边三里的旷野里，丰年储备粮食，灾年赈济百姓，只设一个仓正的官员，负责丰年征粮和灾年发放赈济，再不管任何事情。现在白鹿仓变成了行使革命权力的行政机构，已不可与过去的白鹿仓同日而语了。保障所更是新添的最低一级行政机构，辖管十个左右的大小村庄。

当白鹿仓的总乡约田福贤要鹿子霖出任第一保障所的乡约那阵儿，鹿子霖听着别扭的“保障所”和别扭的“乡约”这些新名称满腹狐疑，拿不定主意，推委说自己要做庄稼，怕没时间办保障所里的事。当他从县府接受训练回来以后，就对田福贤是一种知遇恩情的感激心情了。

鹿子霖在县府接受了为期半月的任职训练。受训结束的前一天，县长史维华再一次到场训示，发给大家每人一身青色制服，换上了一色一式制服的各仓总乡约和各保障所的乡约们一起同史县长合影留念，这无疑是滋水县

历史上别开生面的一张历史性照片。鹿子霖脱下长袍马褂，穿上新制服到大镜前一照，自己先吓了一跳，几乎认不出自己了。停了片刻，他还是相信那个穿一身青色洋布制服的鹿子霖，仍是那个穿长袍马褂的鹿子霖：长条脸，高额头，深陷的眼睛，长长的眼睫毛，统直的鼻子，俊俏的嘴角，这个鹿子霖比那个鹿子霖更显得精神了。

一天后晌，两个正在朱先生的白鹿书院念书的儿子闻讯跑到县府来看望他，看见他一身制服就惊得愣愣地瞅着。鹿子霖哈哈笑着搂住儿子说：“爸革命咧！”大儿子兆鹏说：“爸！你都革命了，还让我念古书？我想到城里的新学堂去念书。科举考试早都废止了，再念老书没一点点儿用处了。”二儿子兆海也附和哥哥说：“好几个生员都走了，到城里的新学堂念书去了。我跟哥哥一块去。”鹿子霖很爽快他说：“去！你俩一搭去！史县长说来，咱县上也正筹划新学堂哩！”

鹿子霖日暮时回到白鹿村，在街巷里遇见熟人，全部认不出他来了。他对这种反应已不奇怪，作出无所谓的样子回答他们的询问：“在县府受训。满了。十五天满了。这衣裳……制服嘛！”走进自家院子，他的女人端着一盆泔水正往牛圈走，吓得双手失措就把盆子扣到地上了。鹿子霖走上房向父亲请安。泰恒老汉眨巴着眼睛把他从头到脚瞅盯了半晌，惊奇地问：“你的辫子呢？”鹿子霖早有准备：“凡是受训的人，齐茬儿都铰了。保障所是革命政府的新设机构，咋能容留清家的辫子？”泰恒老汉闭嘴闷声了。

Чэнь Чжунши. Отрывок из романа «Равнина белого оленя»

Едва заступив на службу, Лу Цзылинь сразу же проявил необыкновенную деловитость и выдающиеся организаторские способности. На те скудные средства, что выделил деревенский комитет, он выкупил в поселке Байлу заброшенный дом. Здание изрядно обветшало, во дворе стоял кислый, зловонный запах. Чтобы целиком восстановить все три зала и два боковых крыла, Лу Цзылинь пригласил плотника Вэя и велел прислать рабочих из десяти подчиненных ему деревень. Покосившаяся сторожка, что

глядела со двора на улицу, уже давно пришла в негодность и была снесена. Из синего кирпича рабочие возвели два прочных столба, каждый шов украсили мазком белоснежной извести, а затем приладили две широкие черные створки будущих ворот. На правом столбе красовалась табличка с черными буквами, выведенными на белом фоне: “Бюро обеспечения №1, деревенский комитет Байлун, уезд Цзышуй”. Неказистый двор наконец преобразился, и прежде хмурый поселок будто просиял от гордости.

Органы власти времен императора были упразднены: глава уезда уже давно именовал себя уездным начальником. При уезде был учрежден деревенский комитет, который по привычке называли просто “склад”, при комитете — бюро обеспечения. Чиновников из бюро обеспечения называли волостными, а тот, кто служил при комитете, гордо добавлял к своему званию приставку “главный”. Изначально местный склад был зернохранилищем, возведенным на равнине Байлу еще во времена империи. Он располагался в степи, в полутора километрах к западу от деревни. В годы хорошего урожая туда относили излишки зерна, а в годы бедствий — опустошали запасы, чтобы помочь нуждающимся. Заведующий складом нес ответственность за сбор хлеба и его распределение и был непоколебим в преданности своей работе. Сейчас же склад Байлу стал официальным органом, осуществляющим революционную власть и, разумеется, он уже совсем не тот, что был раньше. Теперь бюро обеспечения — низшая административная единица, имеющая в ведении около десяти больших и маленьких деревень.

Когда главный волостной чиновник Тянь Фусянь предложил Лу Цзылиню пост в первом бюро обеспечения, тот был полон сомнений и неуверенности. Новые названия казались ему неуклюжими и чуждыми. Тогда, в попытках отказаться, он растерянно заметил, что будет заниматься собственными посевами и не успеет работать в бюро. Однако сейчас, вернувшись домой после обучения, он был благодарен Тянь Фусяню за доброту и доверие.

Лу Цзылинь провел в уездном управлении полмесяца. За день до окончания обучения Ши Вэйхуа, уездный начальник, навестил их, чтобы произнести напутственное слово и выдать каждому комплект новой формы. Будущие работники бюро обеспечения переоделись в синие костюмы и сделали групповое фото с начальником Ши, которое, несомненно, стало историческим достоянием уезда Цзышуй. Лу Цзылинь снял халат и жилет, надел свою новую форму и, взглядевшись в собственное отражение в большом зеркале, был так потрясен, что с трудом узнал себя. После минутной паузы он убедился, что Лу Цзылинь в новом суконном облачении — это все тот же Лу Цзылинь, что носил длинный халат и жилет: вытянутое лицо, высокий лоб, глубоко посаженные глаза, длинные ресницы, прямой нос, изящные уголки рта. Однако новый Лу Цзылинь выглядел еще более решительным, чем прежний.

Двое его сыновей, которые учились в местной академии, принадлежавшей господину Чжу, однажды вечером примчались в уездную управу навестить отца. Они в изумлении уставились на его форму. Лу Цзылинь лишь обнял их и рассмеялся: "Ваш папа — революционер!" Чжаопэн, старший сын, сказал: "Отец! Ты помогаешь революции и все еще хочешь, чтобы я изучал древние книги? Я хочу пойти в новую школу в городе. Имперские экзамены давно отменены, так что нет смысла перечитывать каноны". Второй сын, Чжаохай, вторил: "Многие ушли в город поступать в новую школу. Я пойду с братом". Лу Цзылинь просиял: "Вперед! Отправляйтесь вдвоем! Начальник уезда Ши сказал, что скоро мы построим еще одну школу в округе!"

Уже смеркалось, когда Лу Цзылинь вернулся в Байлу. По пути он встречал на улицах своих знакомых, и ни один не узнал его. Привыкший к подобной реакции, он отвечал на расспросы с непринужденным видом: "Я проходил обучение в уездной управе. Уже закончил. Пятнадцать дней истекли. А эта одежда... — он выдержал паузу, — униформа!" Когда Лу Цзылинь вошел в собственный двор, его жена несла таз с помоями в сторону хлева. Заметив мужа, она в тот же миг растерянно опустила руки. Таз беспомощно покатился по земле. Лу Цзылинь вошел в дом, чтобы поприветствовать своего отца. Старик Тайхэн похлопал глазами и долго осматривал его с головы до ног, прежде чем изумленно спросить: "Где же твоя коса?.." Лу Цзылинь уже знал, что ответить: "Любой, кто проходит обучение, срезает волосы вместе со всеми. Разве могут служащие нового революционного правительства носить цинские косы?" Старик Тайхэн, понурившись, замолчал.

Перевод Юлии Киселевой (yugkiseleva@edu.hse.ru), студентки «Высшей школы экономики», Москва. Сейчас учится на 2 курсе ОП «Востоковедение» и только начинает знакомство с художественным переводом. Перевод занял первое место в номинации «китайская проза» (2021).

Чэнь Чжунши. «Равнина Белого оленя» (отрывок)

Став сельским распорядителем, Лу Цзылинь сразу проявил редкую деловую хватку и талант организатора. На скромные средства, выделенные сельхозуправлением, он выкупил в поселке Байлучжэнь усадьбу одного разорившегося семейства¹. Дом уже практически развалился, а во дворе сильно воняло кислятиной. Лу Цзылинь нанял плотника Вэя и, распределив мелкие работы между жителями десяти деревень, которые теперь находились в его ведении, полностью восстановил постройку — три центральные комнаты и два флигеля. Покосившиеся уличные ворота снесли напрочь, на их

¹ Встречающиеся в данном отрывке топонимы (поселок Байлучжэнь, деревня Байлуцунь, сельхозуправление Байлуцан) происходят от названия равнины Байлююань (кит. «равнина Белого оленя»). — Здесь и далее примечания переводчика.

месте соорудили две крепкие квадратные стойки из синего кирпича, каждый шов кладки покрыли белоснежным известковым раствором и повесили на них широкие черные створки. На правую стойку приладили вывеску с черными иероглифами на белом фоне: «Уезд Цзышуйсянь, сельскохозяйственное управление Байлуцан, первый отдел продовольственного обеспечения». Заброшенный дворик совершенно преобразился, а на фоне невзрачных обветшалых домишек поселка Байлужэнь, это здание и вовсе выглядело как чудо из чудес.

Все административные органы, которые существовали при императоре, были уничтожены подчистую. Уездом — вместо главы — стал руководить начальник, уездной управе подчинили сельхозуправления, а им — отделы продобеспечения, служащих управлений называли старшинами, а тех, кто работал в отделах продобеспечения, — распорядителями. Сельхозуправление Байлуцан изначально было амбаром, созданным при цинском дворе на равнине Байлуюань — в трех ли¹ западнее поселка Байлужэнь. В урожайные годы там запасали зерно, в голодное время — раздавали помощь простому народу. Всем руководил один чиновник — он собирал продовольственный налог, распределял помощь и никакими другими делами больше не занимался. Теперь же сельхозуправление превратилось в революционный орган — совсем не то, что раньше. Отдела продобеспечения в прошлом и вовсе не существовало, а сейчас он на низовом уровне управлял десятком больших и малых деревень.

Когда старшина сельхозуправления Тянь Фусянь предложил Лу Цзылиню стать распорядителем первого отдела продобеспечения, тот, впервые услышав странные новые слова — «отдел продобеспечения» и «распорядитель» — заподозрил неладное и, поколебавшись, ответил уклончиво: мол, он должен заниматься посевами и боится, что не хватит времени на работу в отделе. Но теперь — после стажировки в уездной управе — он проникся к Тянь Фусяню чувством благодарности, уважения и глубокой симпатии.

В уездной управе Лу Цзылинь прошел двухнедельные курсы перед назначением на должность. За день до их окончания начальник уезда Ши Вэйхуа в очередной раз проинструктировал слушателей и выдал каждому из них одинаковую синюю форму, надев которую, старшины и распорядители сделали совместный снимок с начальником уезда — такого в уезде Цзышуй еще не бывало, фотоснимок, несомненно, стал историческим. Лу Цзылинь снял с себя халат чанпао и куртку магуа, облачился в новую форму и, подойдя к зеркалу, вздрогнул — он едва себя узнал. Приглядевшись еще немного, убедился: человек в синем мундире из фабричной ткани — все тот же Лу Цзылинь, который раньше носил традиционную одежду: это его узкое лицо, высокий лоб, глубоко посаженные глаза, длинные ресницы, прямой нос и маленький рот, — но по сравнению с тем Лу Цзылинем — этот выглядел куда более одухотворенным.

¹ Ли — мера длины, равная 0,5 км.

Вечером сыновья Лу Цзылиня — ученики школы Байлу, которую держал господин Чжу, — услышав новости, прибежали в уездную управу посмотреть на отца, да так и застыли на месте, увидав его форму. Лу Цзылинь расхохотался и обнял детей:

— Папа теперь революционер!

Старший сын Чжаопэн сказал:

— Папа! Даже ты теперь революционер, а мне все приходится зубрить древние книги. Я хочу учиться в новой школе в городе. Экзамен кэцзюй¹ все равно давно отменили, и дальше корпеть над старыми трактатами нет ни малейшего смысла.

Младший сын Чжаохай поддакнул:

— Уже много учеников уехало в новую школу в городе. Я поеду вместе с братом.

Лу Цзылинь подбодрил его:

— Поезжай! Вместе поезжайте! Начальник уезда Ши говорит, что и у нас откроют новую школу!

Под конец дня Лу Цзылинь вернулся в деревню Байлуцунь. Знакомые, которые встречались ему по дороге, его не признавали. Он к этому уже привык и на расспросы отвечал с безразличным видом:

— Стажировался в уездной управе. Стажировка окончилась. Пятнадцать дней шла. Костюм?.. Так это форма!

Когда Лу Цзылинь входил во двор своего дома, жена несла в хлев таз с помоями. Увидев мужа, она от неожиданности выронила таз, и он плюхнулся на землю. Лу Цзылинь поднялся в верхние комнаты поприветствовать отца. Старик Тайхэн, прищурившись, оглядел его с ног до головы и в изумлении спросил:

— Где же твоя коса?

Лу Цзылинь был готов к этому вопросу:

— Если проходишь курсы, косу надо обрезать! Отдел продобеспечения — новый орган революционного правительства, нельзя же продолжать ходить с цинской косой!

Тайхэн на это не сказал ни слова.

Перевод Елены Валерьевны Нечаевой (nechaevaelena@mail.ru). Работает в МИД России. Китайский язык изучала с преподавателями СПбГУ (Н. Н. Власова, Е. И. Митькина, О. П. Родионова, Цяо Пэн), НГУ (А. А. Перлова), ВКИЯ МИД России (Т. Г. Семенова). Перевод занял второе место в номинации «китайская проза» (2021).

¹ Кэцзюй — государственный экзамен в императорском Китае. — Прим. пер.

Чэнь Чжунши. «Равнина белого оленя» (отрывок)

Едва Лу Цзылинь оказался на посту деревенского старосты, как сразу же обнаружил незаурядные организаторские способности и талант к управлению. На те крайне скромные средства, которые ему вверили в хозяйстве Байлуцан, он купил в деревне Байлучжэнь участок одного обедневшего семейства. Дом на участке успел обветшать, а воздух во дворе заплыл кислым смрадом, Лу Цзылинь же нанял плотника по фамилии Вэй, распределил разнорабочих по десяти подчиненным поселкам и отстроил заново три больших комнаты и два флигеля в доме. Покосившуюся арку ворот, выходящую на улицу, полностью снесли, а на ее месте возвели два прочных квадратных столба из голубого кирпича — все швы замазали белым известняком, а после приладили створки громадной двери, окрашенной в черный цвет. На правой створке поместилась белая табличка с черными иероглифами: «Первая укрепленная деревня складского хозяйства Байлуцан уезда Цышуйсянь». Долгие годы лежавший в руинах дворик жилого дома преобразился до неузнаваемости — а в хмурой и дряхлой деревне Байлучжэнь незамедлительно обнаружился род поразительных личностей.

Все органы власти, которые существовали при императоре, начисто упразднили, а вместо председателя уездной управы назначили начальника уезда. Уезд стал делиться на складские хозяйства, хозяйства — на укрепленные деревни; чиновников в хозяйствах теперь называли их главами, в деревнях же появились деревенские старосты. Хозяйство Байлуцан прежде было складом цинского двора, выстроенным на равнине Байлу [Белого оленя. — *кит.*]. Широкая равнина в трех ли к западу от поселка в благополучные годы служила местом хранения зерна, а в засушливые времена спасала в нем нуждавшихся; всем здесь заправлял один человек — он собирал зерно в урожайные годы, выдавал зерно голодавшим в неурожайные, и этим ограничивались его обязанности. Но теперь хозяйство Байлуцан стало органом революционной власти — с прежним положением и не сравнишь. Новоявленные же укрепленные деревни стали, прежде всего, низшей ступенью администрации, и в их ведении было около десяти разношерстных селений.

Когда глава хозяйства Байлуцан Тянь Фусянь предложил ему должность старосты первой укрепленной деревни, Лу Цзылинь отнесся к топорным новым названиям «укрепленная деревня» и «деревенский староста» с недоверием — не спешил согласиться и увиливал от ответа под предлогом, что у него свои посевы и, зная, нет времени на управление деревней. Однако, пройдя обучение в уездном управлении, он вернулся с совсем иным отношением к Тянь Фусяню: сильно заужал главу хозяйства и был ему до гроба благодарен.

Лу Цзылинь в уездном управлении полмесяца готовился к вступлению на должность. За день до окончания обучения начальник уезда Ши Вэйхуа вновь прибыл в управление, чтобы раздать указания и выдать каждому

комплект темно-зеленой униформы. Одетые в однообразную и одноцветную одежду главы и старосты сделали памятное фото с начальником Ши — вот уж точно никогда прежде в уезде Цзышуйсянь не делали столь исторических фотографий. Лу Цзылинь сменил свой длинный халат и куртку на новую форму, взглянул на себя в большое зеркало — и опешил, будто сам себя не узнал. Простояв так некоторое время, он все же убедился, что человек в хлопчатобумажной темно-зеленой форме — все тот же Лу Цзылинь, который носил халат и куртку: вытянутое лицо, высокий лоб, глубоко посаженные глаза, длинные ресницы, абсолютно прямой нос, изящные уголки рта — однако этот Ли Цзылинь выглядит куда бодрее.

Однажды после полудня два его сына — они учились в школе Байлу под руководством господина Чжу — прибежали в уездное управление навестить отца и, увидев его униформу, тотчас замерли в изумлении и не могли отвести глаз. Лу Цзылинь крепко обнял сыновей и с хохотом сообщил: «Теперь папка революционер!» Старший сын — его звали Чжаопэн — спросил: «Пап! Если ты теперь революционер, зачем нам учить древние тексты? Я хочу поехать учиться в новую городскую школу. Государственные экзамены давным-давно отменили, от старых книг уже нет никакой пользы». Младший сын Чжаохай поддакнул брату: «Жуть сколько ученых уехало в город, все теперь учатся в новой школе. Мы с братом вместе поедem». Лу Цзылинь радостно ответил: «Поезжайте! Вместе поезжайте! Начальник Ши говорил, что и в нашем уезде скоро откроется новая школа!»

Знакомые с трудом узнавали на улице Лу Цзылиня, возвращавшегося в сумерках в деревню, — нового деревенского старосту это нисколько не удивляло, и он с безразличным видом отвечал на их расспросы: «Учился в уездном управлении. Уже закончил. 15 дней пробыл. Эта одежда... то есть, униформа!...» Когда он зашел во двор дома, его жена несла грязную воду в хлев — увидев мужа, она от удивления вскинула руками и опрокинула таз. Лу Цзылинь зашел в хозяйское помещение и справился о здоровье отца. Старик Тайхэн, хлопая глазами, очень долго осматривал его с ног до головы, затем спросил в недоумении: «Где ж твоя коса?» Лу Цзылинь отчеканил заранее подготовленный ответ: «Все, кто учился в управлении, все до единого обрезают. Укрепленная деревня — новый орган революционного правительства, как же можно оставлять цинскую косу?» Старик не произнес больше ни слова.

Перевод Марии Некрасовой (mnekrasova1917@yandex.ru), студентки 3 курса Института стран Азии и Африки МГУ, профиль «Китайская филология». Интересуется переводом современной китайской прозы и надеется продолжить глубокое изучение творчества китайских авторов в будущем. Перевод занял третье место в номинации «китайская проза» (2021).

穆木天 《苍白的钟声》

苍白的 钟声 衰腐的 朦胧
疏散 玲珑 荒凉的 蒙蒙的 谷中
——衰草 千重 万重——
听 永远的 荒唐的 古钟
听 千声 万声

古钟 飘散 在水波之皎皎
古钟 飘散 在灰绿的 白杨之梢
古钟 飘散 在风声之萧萧
——月影 逍遥 逍遥——
古钟 飘散 在白云之飘飘

一缕 一缕 的 腥香
水滨 枯草 荒径的 近旁
——先年的悲哀 永久的 憧憬 新觞——
听 一声 一声的 荒凉
从古钟 飘荡 飘荡 不知哪里 朦胧之乡

古钟 消散 人 丝动的 游烟
古钟 寂蛰 入 睡水的 微波 潺潺
古钟 寂蛰 入 淡淡的 远远的 云山
古钟 飘流入 茫茫 四海 之间
——暝暝的 先年 永远的欢乐 辛酸

软软的 古钟 飞荡随 月光之波
软软的 古钟 绪绪的人 带带之银河
——呀 远远的 古钟 反响 古乡之歌
渺渺的 古钟 反映出 故乡之歌
远远的 古钟 入 苍茫之乡 无何

听 残朽的 古钟 在灰黄的 谷中
入 无限之 茫茫 散淡 玲珑
枯叶 衰草 随 呆呆之 北风
听 千声 万声——朦胧 朦胧——
荒唐 茫茫 败废的 永远的 故乡 之 钟声
听 黄昏之深谷中

1926 年 1 月 2 日东海道上

Му Мутянь. «Бледный колокола звон»

Бледный колокола звон сквозь тумана дымку тлеет;
Звон пустынный, древний, дальний над ущельем мрачным реет,
Трав иссохших слой развеет;
Слушай вечный, безрассудный, древний колокола звон,
Слушай гласов сотни тысяч.

Древний тот рассеян звон в блещущем волны свеченьи
Древний тот рассеян звон в трепетном листвы круженьи,
Древний тот рассеян звон в нежном ветра дуновеньи,
Лунных отблесков броженьи,
Древний тот рассеян звон в лёгком облака движеньи.

Лишь едва-едва заметный рыбы аромат сырой
И прибрежных трав засохших над заброшенной тропой;
Пью вино, скорбя о прошлом, я в погоне за мечтой.
Слышишь голос ли глухой
Древний звон плывёт как будто в отдалённый край родной.

Древний тот развеян звон в дымке, в шёлковом шуршаньи,
Древний тот сокрылся звон в спящих водах, в волн журчаньи,
Древний тот сокрылся звон в горных облаков молчаньи,
Древний тот расплылся звон, обойдя весь мир в скитаньи,
Радость, горе — всё в одном о былом воспоминаньи.

Нежный древний этот звон за луной спешит вдогонку,
Нежным древним этим звоном Млечный путь обвязан снова,
О, далёкий древний звон, отзвук песен из края родного,
Отдалённый древний звон, отраженье напева родного,
Дальний, дальний древний звон, окончанье пути земного.

Слушай колокола звон — над долиной бледной он
Бродит будто сквозь туман — всюду слышен перезвон.
Вянут травы, и листва вслед за ветром цепенеет,
Слушай гласов сотни тысяч сквозь туманный этот сон,
Над деревней искажённый колокольный голос реет,
Слушай сумеречный звон...

2 января 1926 года, Токайдо

Перевод Маргариты Михайловны Поповой (blutner@list.ru). Окончила Московскую консерваторию (2018). Менеджер отдела фестивалей, конкурсов и специальных мероприятий Московской консерватории, в рамках которого участвует в организации международных музыкальных событий и применяет на практике знание иностранных языков: английского, немецкого и китайского. Неоднократно становилась переводчиком мастер-классов зарубежных музыкантов, в их числе — творческая встреча с композитором Джоном Корильяно, записанная телеканалом «Культура» (2018). Лауреат Конкурса молодых переводчиков «Рильке и Россия» (2018, номинация «Перевод поэтического текста», II премия). Живет в Москве. Перевод занял первое место в номинации «китайская поэзия» (2021).

Му Мутянь «бледный звон колокольный»

бледный звон колокольный тлеющий смутный покров
тает рассеянный звук в отдаленной туманной долине
— высохших трав тысяча, десять тысяч слоев —
слышу долго стихающий колокола старинного зов
слышу тысячу, десять тысяч тающих слов

древний колокол звоном сливается с блеском волн
древний колокол звоном рябит в серебристого тополя кроне
древний колокол звоном уносится ветру вдогон
— лик плывущей привольно луны словно в сон погружен —
древний колокол звоном вливается в белый облачный сонм

струйка за струйкой доносится запах рыбы сырой
тропка забытая выжженная трава побережье морское
— горести прежние те же надежды но в чаше другой —
слышен удар за ударом едва уловимый глухой
древний колокол где-то в дальней деревне родной

древний колокол тает струится кем-то воскуренный дым
древний колокол сонный покой воды бормотание в дреме
древний колокол сонный гул улетает к облачным склонам седым
древний колокол мир поднебесный окутал звоном своим
— смутное прошлое счастье и горе вечно идут одно за другим

нежный колокол древний звоном сливается с лунной волной
нежный колокол древний трепет сердечный путь млечный дугою
— ах вдали древний колокол вторит песне деревни родной
колокол древний эхом неясным вторит родине дорогой
дальний колокол древний сливается звоном с родной стороной

слышу колокол древний звук в золотистой стихает долине
в необозримом туманном просторе растворяется он
травы сухие листья летят шалому ветру северному вдогон
слышу тысячу раз, десять тысяч — словно туманный сон —
смутный размытый разбитой извечной родины колокольный звон

Услышано под вечер в глубокой долине по дороге к Восточно-Китайскому морю 02.01.1926

Перевод Елены Ким (kimsky2000@mail.ru). Живет в городе Бишкек (Киргизия). Окончила музыкально-хореографическое училище. Профессиональный любитель во всех занятиях, связанных со звуком (музыка в ее бесчисленных проявлениях), изображением (графика, фото, видео) и словом (иноязычным в том числе). Зарабатывает на жизнь уроками английского, корейского и прочих языков. Никогда не занималась поэтическим переводом специально и намеренно. Перевод занял третье место в номинации «китайская поэзия» (2021).

**ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПЕРЕВОДА В ДОНБАССЕ**

Langston Hughes. Dreams

Hold fast to dreams
For if dreams die
Life is a broken-winged bird
That cannot fly.
Hold fast to dreams
For when dreams go
Life is a barren field
Frozen with snow.

Лэнгстон Хьюз. Мечты

Лети к мечтам!
Ведь если смерть
Мечте,
То жизнь — бессильное крыло,
Что не дает лететь.

Лети к мечтам!
Ведь если нет
Мечты,
То жизнь, как поле без цветов, —
Нетающие льды.

Lawrence Collins. Only a Little Planet

Every particle of every thing
Rock, water, flower, human
Has been in the same place flaming
In the heart of our ancient sun
Before the earth
Came flying out of it
The irises in your eyes
The tissue of roses
The slow giant rocks in mountain
hearts
we're all born flaming
locked in the sun as it drifted
like a light on dark water.

Лоуренс Коллинз. Родная планета

Великий, просторный и красочный мир,
С глубокими волнами — неповторим,
Со свежей травой шелестящей — ты мил,
О, мир! Сколько счастья ты мне подарил!

Твой воздух прекрасен, а ветер шумящий,
По морю бегущий, в деревьях свистящий,
С мельницей старой кружит в унисон,
Резво и прытко взбираясь на холм.

Вольные переложения Евгении Савро (savroevgeniia2000@mail.ru). Родилась в 2000 г. в Донецке. Окончила бакалавриат на факультете иностранных языков, затем продолжила обучение в магистратуре. Работает лаборантом на кафедре зарубежной литературы. В свободное время пишет стихи, а также переводит с английского языка. Была награждена за занятое III место в районном конкурсе юных поэтов и прозаиков «Донецк, ты мой любимый город!». Ранее публиковалась в сборниках «На благо Родины» (2017) и «Отражения» (2019).

Ernest Hemingway. The Old Man at the Bridge

An old man with steel rimmed spectacles and very dusty clothes sat by the side of the road. There was a pontoon bridge across the river and carts, trucks, and men, women and children were crossing it. The mule-drawn carts staggered up the steep bank from the bridge with soldiers helping push against the spokes of the wheels. The trucks ground up and away heading out of it all and the peasants plodded along in the ankle deep dust. But the old man sat there without moving. He was too tired to go any farther.

It was my business to cross the bridge, explore the bridgehead beyond and find out to what point the enemy had advanced. I did this and returned over the bridge. There were not so many carts now and very few people on foot, but the old man was still there.

"Where do you come from?" I asked him.

"From San Carlos," he said, and smiled.

That was his native town and so it gave him pleasure to mention it and he smiled.

"I was taking care of animals," he explained.

"Oh," I said, not quite understanding.

"Yes," he said, "I stayed, you see, taking care of animals. I was the last one to leave the town of San Carlos."

He did not look like a shepherd nor a herdsman and I looked at his black dusty clothes and his gray dusty face and his steel rimmed spectacles and said, "What animals were they?"

"Various animals," he said, and shook his head. "I had to leave them."

I was watching the bridge and the African looking country of the Ebro Delta and wondering how long now it would be before we would see the enemy, and listening all the while for the first noises that would signal that ever mysterious event called contact, and the old man still sat there.

"What animals were they?" I asked.

"There were three animals altogether," he explained. "There were two goats and a cat and then there were four pairs of pigeons."

"And you had to leave them?" I asked.

"Yes. Because of the artillery. The captain told me to go because of the artillery."

"And you have no family?" I asked, watching the far end of the bridge where a few last carts were hurrying down the slope of the bank.

"No," he said, "only the animals I stated. The cat, of course, will be all right. A cat can look out for itself, but I cannot think what will become of the others."

"What politics have you?" I asked.

"I am without politics," he said. "I am seventy-six years old. I have come twelve kilometers now and I think now I can go no further."

"This is not a good place to stop," I said. "If you can make it, there are trucks up the road where it forks for Tortosa."

“I will wait a while,” he said, “and then I will go. Where do the trucks go?”

“Towards Barcelona,” I told him.

“I know no one in that direction,” he said, “but thank you very much. Thank you again very much.”

He looked at me very blankly and tiredly, then said, having to share his worry with someone, “The cat will be all right, I am sure. There is no need to be unquiet about the cat. But the others. Now what do you think about the others?”

“Why they’ll probably come through it all right.”

“You think so?”

“Why not,” I said, watching the far bank where now there were no carts.

“But what will they do under the artillery when I was told to leave because of the artillery?”

“Did you leave the dove cage unlocked?” I asked.

“Yes.”

“Then they’ll fly.”

“Yes, certainly they’ll fly. But the others. It’s better not to think about the others,” he said.

“If you are rested I would go,” I urged. “Get up and try to walk now.”

“Thank you,” he said and got to his feet, swayed from side to side and then sat down backwards in the dust.

“I was taking care of animals,” he said dully, but no longer to me. “I was only taking care of animals.”

There was nothing to do about him. It was Easter Sunday and the Fascists were advancing toward the Ebro. It was a gray overcast day with a low ceiling so their planes were not up. That and the fact that cats know how to look after themselves was all the good luck that old man would ever have.

Эрнест Хемингуэй. Старик у моста

У обочины дороги сидел старик — очки в стальной оправе, вся одежда в пыли. Через реку навели понтонный мост, по нему двигались телеги, грузовики, мужчины, женщины, дети... Мулы с трудом втаскивали качающиеся телеги с моста на крутой берег, а солдаты помогали мулам взбираться в гору, толкая колёсные спицы руками. Грузовики месили дорожную пыль и вязли в ней, крестьяне — те просто брели по щиколотку в пыли. А старик всё сидел не шевелясь. Он не мог идти дальше — закончились силы.

Мне предстояло перейти мост, осмотреть прибрежные укрепления и выяснить, насколько продвинулся противник. Я выполнил задание и вернулся по мосту обратно. Телег поубавилось, пешего люду тоже, но старик оставался на месте.

— Откуда Вы? — спросил я.

— Из Сан-Карлоса, — улыбнулся он в ответ.

Ему было приятно назвать свой родной городок.

— Я ухаживал за живностью, — пояснил он.

— Что? — Я не расслышал его слова.

— Ну да, понимаете, остался ухаживать за живностью. Я ушёл из Сан-Карлоса последним.

На пастуха или скотовода он не был похож. Я окинул взглядом его запылённую чёрную одежду, серое от пыли лицо, очки в стальной оправе и поинтересовался: «А что за живность?»

— Да разная, — он вскинул голову. — Пришлось их всех оставить.

Я смотрел на мост и на африканский пейзаж в устье Эбро, думал, когда же наконец покажется враг, и всё это время ждал первых звуков, оповещающих о всякий раз таинственном событии — начале боя. А старик всё сидел, не уходил.

— Так что за живность? — переспросил я.

— Всего трое, — объяснил старик. — Две козы, кошка, да ещё четыре пары сизарей в придачу.

— И пришлось их оставить?

— Да. Обстрелы. Офицер велел мне уходить из-за обстрелов.

— А семьи у Вас нет? — спросил я, не отводя взгляда от дальнего конца моста, где несколько последних телег торопливо въезжали на прибрежный склон.

— Нет, только вот эта живность. С кошкой, само собой, ничего не случится, она не пропадёт. А вот как остальные, даже не представляю.

— А Вы сами за кого?

— Ни за кого. Мне 76 годков стукнуло. Прошагал 12 километров и выдохся.

— Здесь нельзя оставаться, — ответил я. — Встать можете? Вон там на дороге, недалеко от поворота на Тортосу, — грузовики.

— Обожду чуток и снова в путь, — сказал старик. — А куда едут грузовики?

— В Барселону.

— В тех краях у меня никого нет, — признался он, — но все равно спасибо. Еще раз большое спасибо!

Он посмотрел на меня беспомощно, устало, а потом сказал, будто делясь своей тревогой: «Кошка живучая. О ней можно не беспокоиться. А вот остальные... Как по-Вашему, что будет с ними?»

— Да ничего им не сделается, выживут.

— Правда?

— Ну конечно, — я не отрываясь смотрел на дальний берег, где уже не было телег.

— А вдруг обстрел? Мне велели уходить из-за обстрела.

— Вы же оставили дверцу голубятни открытой? — уточнил я.

— Да.

— Тогда голуби вылетят.

— Конечно, вылетят. А остальные... Ну да лучше об этом не думать, — сказал он.

— Передохнули? Пора, — поторопил я его. — Ну а теперь подымайтесь на ноги и попробуйте идти.

— Спасибо, — ответил он, встал было, но его зашатало, и он опустился на прежнее место, в пыль.

— Я ухаживал за живностью, — сказал он отрешённо, будто не замечая меня. — Я просто ухаживал за живностью...

И ничего с ним нельзя было поделать. Стояло пасхальное воскресенье, фашисты продвигались к реке Эбро. В тот пасмурный день серое небо нависало низко над головой, поэтому их самолёты не поднялись в воздух. Небо без самолётов и мысль, что кошки живучи, — только это счастье и выпало на долю старика.

Перевод Ольги Матвиенко (matvizar@gmail.com), доцента кафедры зарубежной литературы Донецкого национального университета.

Материалы конкурса «Мои первые переводы» (Донецк, ДНР, 2019–2022)

Carol Ann Duffy. Valentine

Not a red rose or a satin heart.

I give you an onion.
It is a moon wrapped in brown paper.
It promises light
like the careful undressing of love.

Here.
It will blind you with tears
like a lover.
It will make your reflection
a wobbling photo of grief.

I am trying to be truthful.

Not a cute card or a kissogram.

I give you an onion.
Its fierce kiss will stay on your lips,
possessive and faithful
as we are,
for as long as we are.

Take it.
Its platinum loops shrink to a wedding-ring,
if you like.

Lethal.
Its scent will cling to your fingers,
cling to your knife.

Кэрол Энн Даффи. Валентинка

Не красивую розу и не шелковое сердечко,
Я дарю тебе луковицу,
Луну, завернутую в коричневую бумагу.
Она обещает свет.
Возьми.
Она ослепит тебя слезами,
как ослепляет любовь.
Она превратит твоё отражение в зеркале
в дрожащий грустный портрет.
Я стараюсь быть правдивой.
Не хорошенькую открыточку, не коробку конфет.
Я дарю тебе луковицу.
Её неистовый поцелуй останется на твоих губах,
властный и искренний,
как мы сами,
как наша любовь. Возьми её.
Платиновые кольца лука сожмутся до обручальных колец,
если захочешь.
Навсегда.

*Перевод Александра Голубева (1311202@mail.ru), ученика 10 класса школы № 68
г. Донецка.*

Не красную розу и не шелковое сердечко –
Я дарю тебе луковицу,
Луну, завернутую в коричневую бумагу.
Она обещает свет,
Как осторожное обнажение любви.

Возьми.
Она ослепит тебя слезами,
как любовник.
Она превратит твоё отражение в зеркале
в дрожащий грустный портрет.
Я стараюсь быть правдивым.

Не хорошенькую открыточку, не коробку конфет.
Я дарю тебе луковицу.
Её неистовый поцелуй останется на твоих губах,
властный и искренний,
как мы сами,
пока мы есть.

Возьми её.
Платиновые кольца лука сожмутся до обручальных колец,
если захочешь.
Навсегда.
Её аромат сохранится на твоих пальцах, на твоём ноже.

*Перевод Дарьи Зеленской (zrl_netreba@mail.ru), ученицы муниципальной
общеобразовательной организации «Зугрэсская средняя школа № 17 г. Харцызска».*

Не красную розу, не шелковое сердце,
А луковицу тебе даю.
Она как луна, завернутая в бумагу,
Обещает нам свет, но
Ослепляет слезами,
Похожими на слезы любви.

Она превратит твоё отражение в зеркале
В дрожащий, грустный портрет.

Пытаюсь быть правдивым:
Не открытку, не конфеты
А луковицу тебе даю.
Её горький поцелуй останется
На твоих губах навсегда,
А платиновые кольца из лука
Превратятся в свадебные до конца.

*Перевод Кирилла Посредникова (dmitrposred76@gmail.com), ученика МОУ
«Специализированная школа с углубленным изучением английского языка №115»
г. Донецка.*

Не красная роза и не нежное сердце.
Я дам тебе лук.
Напоминающий луну в золотистом наряде.
Он дарит свет.
Как это делает истинная любовь.

Он заставит тебя ослепнуть от слёз.
И в слезах ты увидишь своё отражение с печатью грусти.

Я пытаюсь быть правдивой.

Не изящная открытка и не любовное послание.
Я дам тебе лук.
Пылкий поцелуй оставит след на твоих губах
До конца наших дней.

Возьми его.

И обручальное кольцо украсит твою руку,
Если ты захочешь.

Навсегда.

*Перевод Владислава Курочкина (vladislav_kurochkin7@mail.ru), ученика 11-А
класса СШ № 17 г. Зугрэс, ДНР.*

Кэрол Энн Даффи. Валентинка

Не алую розу, не шелковое сердечко.

Я дарю тебе луковку –
Луну в воценой бумаге.
Под ее шелухой скрывается свет,
Как под одеждой — любимое тело...

Ну вот.
С ней ты ослепнешь от слез,
Как с тем, кого любишь.
С ней твое отражение в зеркале
Расплывется от горя.

Я стараюсь быть честной.

Не милую открытку, не сюрприз с поцелуем –
Я дарю тебе луковку.
Она обожжет твои губы
Прикосновением властным и верным,
как и мы и сами
до скончания дней.

Бери.
Платиновые ее кольца могут
в обручальные превратиться –
если захочешь.

В ней таится смерть.
Запах ее не вывести с твоих пальцев,
с твоего ножа.

Перевод Ольги Матвиенко (matvizar@gmail.com), доцента кафедры зарубежной литературы Донецкого национального университета.

Amy Lowell. A Lady

You are beautiful and faded
Like an old opera tune
Played upon a harpsichord;
Or like the sun-flooded silks
Of an eighteenth-century boudoir.
In your eyes
Smoulder the fallen roses of out-lived minutes,
And the perfume of your soul
Is vague and suffusing,
With the pungence of sealed spice-jars.
Your half-tones delight me,
And I grow mad with gazing
At your blent colours.

My vigour is a new-minted penny,
Which I cast at your feet.
Gather it up from the dust,
That its sparkle may amuse you.

Эми Лоуэлл. Дама

Ты прекрасна, таешь в дымке
Как последний отголосок звука
Старым клавесином изданный давно
Как сочащиеся солнцем шелка́
Будуара восемнадцатого века
В очах твоих
Отжившие минуты тлеют дымом роз,
И аромат твоей души
Неуловим и полон
Той пряной остротой, что скрыта в склянке специй.
Твои полутона — моя отрада,
Мне кружат голову, когда взираю
На буйство красок, смешанных в тебе.

Все мои силы — новая монета,
Что я бросаю ниц к твоим ногам.
И коль поднимешь ты ее из праха,
Сияние ее быть может и порадует тебя.

*Перевод Ангелины Остапенко (angeless_ostapenko@mail.ru), ученицы 10 класса
МОУ «Белояровская школа» с. Белояровка, Амвросиевского р-на ДНР.*

Эми Лоуэлл. Леди

Ты прекрасная и блеклая
Как речитатив
Старинной оперы,
Как полные солнца шелка́
Из будуара восемнадцатого века.
В глазах твоих
Тлеют опавшие розы прожитых минут,
И аромат души твоей
Зыбок и неясен,
Как запах запечатанной склянки со специями.
Твои полутона нравятся мне,
Я теряю голову,
Глядя на твои блеклые краски.
Моя энергия — сверкающая монетка,
Я бросаю ее к твоим ногам.
Подними ее из пыли —
Может блеск развлечет тебя.

*Перевод Дианы Жихаревой (dianasekirina@gmail.com), ученицы МОУ «Школа
№ 85 г. Донецк».*

Ты прекрасна в своём увядании,
Как мотив из старинной оперы,
Наигранный на клавесине;
Как залитый солнцем шёлк
Будуара восемнадцатого века.
В твоих глазах
Опавшие розы прожитых минут.
Неописуем аромат твоей души;
Он пьянит, как запах
Баночек с пряностями.
Твои полутона радуют взор,
Я схожу с ума
От твоих неясных оттенков.

Подобно свежеотчеканенной монете,
К твоим ногам бросаю всю свою энергию.
Возьми её из пыли.
Тебя, возможно, позабавит её блеск.

Перевод Михаила Паллона (zobova@rambler.ru), ученика МОУ «Школа № 96 г. Донецк».

И угасая, ты прекрасна,
Как мелодия старинной оперы,
Исполняемая на клавесине;
Или как залитые солнцем шелка
Будуара восемнадцатого века
В очах твоих
Тлеют опавшие розы прожитых минут,
И аромат твоей души
Расплывчат и наполнен
Остротой запечатанных баночек для специй.
Твои полутона восхищают меня,
И я схожу с ума от созерцания
Гармонии оттенков цветов.
Моя энергия — как отчеканенная монета,
Которую я бросаю к твоим ногам.
Подбери её из пыли,
Чтобы её блеск позабавил тебя.

Перевод Сергея Бутенко (sereja.butensko2015@yandex.ru), ученика 9 класса школы № 50 г. Макеевка, ДНР.

В увядании ты так красива,
Как оперы старой мотив,
Сыгранный на клавесине,
Или как шелк под солнцем
В будуаре позапрошлого века.
В твоих глазах
Тлеют опавшие розы прожитых минут
И твоей души аромат
Слаб, но все заполняет
С остротой закупоренных приправ.
Мне нравятся твои полутона,
Схожу с ума я глядя
На сочетание твоих цветов.
И сила моя — отечканенная монета,
Ее кладу к твоим ногам.
Из праха подыми ее,
Пусть блеск чуть-чуть развлечёт тебя.

*Перевод Александра Вербенко (aleksandrverbenko2287@mail.ru), ученика 9-В
класса школы № 135 г. Донецк.*

Ты красива, но ослабеваешь
Как старая оперная мелодия
Звучащая на клавесине;
Как наполненные солнцем шелка
Из будуара восемнадцатого века.
В глазах твоих
Тлеют опавшие розы прожитых минут,
И аромат души твоей
Расплывчат и неясен,
Как запах закрытых банок со специями.
Твои полутона восхищают меня,
И я схожу с ума, когда пристально гляжу
На твои блеклые краски.
Моя сила — новенькая монета,
Которую я бросаю к ногам твоим.
Подними ее, сотри пыль —
Ее блеск позабавит тебя.

*Перевод Софии Галатиной (galatinasofia3@gmail.com), ученицы 9-А класса МОУ
Гимназия «Интеллект» г. Горловка.*

В тебе и красота, и увяданье,
Подобно мелодии старинной оперы,
Исполненной на клавесине;
Подобно залитым солнечным светом шелкам
В будуаре восемнадцатого столетия.
В глазах твоих
Увядают опавшие розы прожитых минут,
Аромат твоей души туманный и всепроникающий,
Острый, как запах пряностей.
Я восторгаюсь твоими полутонами
И схожу с ума, глядя на твои блеклые цвета.

Моя страсть — новоотчеканенный пенни,
Что я к ногам твоим бросаю.
Подними его — быть может,
Блеск его осчастливит тебя.

*Перевод Кирилла Горбатюка (gorbatyuk.kirill@mail.ru), ученика 11-А класса
школы № 1 г. Комсомольское, ДНР.*

Ты красивая и загадочная
Как мелодия старой оперы
Сыгранная на клавесине
Или залитые солнцем шелка
В будуаре восемнадцатого века.
В твоих глазах таятся
Прожитые минуты, как лепестки увядших роз.
И аромат твоей души
неуловим и наполнен запахом специй.
Твои полутона восхищают меня,
И я схожу с ума глядя
Какая ты разная.
Моя сила — это новенькая блестящая монета
Которую я бросаю к твоим ногам.
Подними ее из пыли,
Пусть её сияние позабавит тебя.

*Перевод Валерии Грушецкой (valeria.donetsk@gmail.com), ученицы 10-А класса
школы № 13 г. Донецк.*

И даже угасая вы прекрасны
Как мелодия старинной оперы
Исполняемая на клавесине;
Как залитые солнечным светом шелка
В будуаре восемнадцатого столетия.
В ваших очах
Увядают розы пережитых минут,
А благоуханье вашей души
Немного напоминает
Пряные ароматы специй.
Ваши полутона восхищают меня,
Я схожу с ума, разглядывая
Эти смешанные цвета.
Моя сила — как новая монета,
Которую я бросаю к Вашим ногам.
Подберите ее из праха,
Пусть этот блеск развлечет вас.

Перевод Екатерины Лободы (lobezkatrina@gmail.com), ученицы МОУ «Школа № 42 г. Донецк».

Ты прекрасна — и увядающая,
Как старинная оперная мелодия,
Исполненная на клавесине;
Как залитые солнцем шелка
Будуара восемнадцатого века.
В твоих глазах
Тлен опавших роз прожитых минут,
А аромат твоей души
Расплывчат и насыщен,
С остротой запечатанных специй.
Твои полутона восхищают меня,
Я схожу с ума, пристально вглядываясь
В твою гармонию оттенков.
Моя энергия, как новенький пенни,
Который я бросаю к твоим ногам.
Сотри с него пыль,
Чтобы его блеск мог позабавить тебя.

Перевод Дарьи Шолом (Sholomdasha6@gmail.com), ученицы 9-А класса МОУ «Школа №21 г. Донецк».

Как оперы старой мелодия,
Из клавесина звучащая,
Прекрасна в своем увядании —
Роскошная и настоящая.

Ты — шелк будуара забытого
В столетии восемнадцатом
И солнца лучами залитого.
Его восхищаюсь богатством.

В глазах твоих — розы опавшие
Прожитых минут будто тлеют.
Душа же — благоухающая.
Как прежде меня она греет

И манит так остро и пряно,
Как запах диковинных специй.
Изменчива, но постоянна.
Открыта, но не наглядеться.

*Вольный перевод Александра Карпенко (Victor030166@mail.ru), ученика 10-А
класса МОУ «Шахтерская средняя школы № 19» г. Шахтерск, ДНР.*

Вы красивы и блеклы,
Как ария из старой оперы
На клавесине уже сыгранна,
Аль как шелк на солнце играющий,
В будуаре осьмнадцатого столетия.
В вашем взоре догорают вянущи
Розы прошедших минут,
Аромат души вашей
Неуловим и вездесущ
Как у пряностей острых в закрытых сосудах.
Восхитительны ваши оттенки
И ума я решаюсь, лишь взглянув
На вашу гармонию.
Мой порыв чеканной монетою
Брошен к вашим ногам,
Поднимите ж ее из грязи,
Чтобы блеск ее радовал глаз.

*Перевод-стилизация Анны Мельник (ira.melnik.98@mail.ru), учены 9-В класса
ДГИТ № 61 г. Донецк.*

Ты угасающе-прекрасна,
Как старый оперный мотив,
Сыгранный на клавесине;
Как свет струящихся шелков
Из будуара восемнадцатого века.
В глазах твоих
Тлеют увядшие розы минувших дней,
И аромат твоей души похож
на смутный запах запечатанной
Склянки с пряностями.
Меня манят твои полутона,
Я совсем схожу с ума,
Смотря на твои гаснущие краски.
Моя любовь — как сияющий медяк,
Что я бросила к твоим ногам,
Положи его в свою ладонь —
Быть может его свет напомнит обо мне.

*Перевод Анастасии Антоновой (anarta080805@gmail.com), ученицы 10-А класса
МОУ «Школа № 13 г. Донецк».*

Эми Лоуэлл. Дама сердца

Ты прекрасна и спокойна,
Словно старинная оперная мелодия,
Сыгранная на клавесине;
Словно озарённый солнцем шёлк
В будуаре восемнадцатого века.
В глазах твоих
Тлеют увядшие розы прожитых минут,
И аромат души твоей,
Туманный и наполняющий,
Пронзителен, как сосуды с пряностями.
Твои полутона восхищают меня,
И я теряю рассудок,
Глядя на эту гамму оттенков.
Моя сила — блестящая монета,
Которую я бросаю к твоим ногам.
Подними её из пыли —
Этот блеск может тебя позабавить.

*Перевод Анастасии Борщук (nasti_nasti_11@mail.ru), ученицы 11-А класса
«Гимназии № 6 г. Донецк».*

Эми Лоуэлл. Дама

Красота ваша хрупка и мимолётна,
Так стихает мелодия старинной оперы,
Сыгранная на клавесине,
Так блёкнет от яркого солнца шёлк
В будуаре восемнадцатого века.
В очах у вас теплятся
опавшие розы минувших мгновений,
У Вашей души аромат
Смутный и всепроникающий,
Так остро благоухают пряности, даже запечатанные.
Ваши полутона восхищают меня,
А сочетания цветов
Способны свести с ума.

Всю свою пылкость повергаю к вашим стопам,
Как монетку нового чекана.
Поднимите ж её из пыли —
Полюбуйтесь, как блестит!

Перевод Ольги Матвиенко (matvizar@gmail.com), доцента кафедры зарубежной литературы Донецкого национального университета.

Емі Ловелл. Дама

Ваша врода чарівна і плинна,
Схожа на мотив старовинної опери
Наганий на клавесині,
На єдваб вицвілий під сонцем
У будуарі вісімнадцятого століття.
В очах у Вас жевріють
троянди минулих миттєвостей,
А пахощі вашої душі
Неясні і всепроникливі —
Так пахне склянка з прянощами, навіть запечатана.
Я в захваті від ваших напівтонів
І втрачаю розум від гармонії кольорів.
Увесь цей захват приношу вам до ніг,
Як свіжокарбовану монетку.
Візьміть-но її з пороху —
Подивіться, як блищить і сяє!

Переклад Ольги Матвієнко (matvizar@gmail.com), доцента кафедри зарубіжної літератури Донецького національного університету.

В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

Из переводов Константина Белого

Живет в Москве и Санкт-Петербурге (snekot@gmail.com), окончил МГУ им. М. В. Ломоносова, работает главным аналитиком института ИНИЦИАТ в составе Университета им. П. Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург).

Очень много лет увлекается поэтическим творчеством, автор нескольких сборников стихов, но поэтический перевод открыл для себя только в 2020 году и был потрясен возможностями для проявления творчества, о которых даже не подозревал. В переводе увлекла невероятная по сложности задача одновременно сохранить и содержание, и форму, и ритм, и настроение, и другие особенности произведения. Понял, что при всех различиях в структуре различных языков русский язык настолько могуч и гибок, что ВСЕГДА позволяет решить все поставленные при переводе задачи.

Пробовал себя в переводе с английского, который изучал в университете, с французского, который изучает сейчас, и с немецкого, который изучал в школе и продолжает изучать. Переводы никогда не публиковал. В конкурсах перевода впервые участвовал в 2021 году. Оказалось, что перевод немецкой поэзии автору удается лучше: уже после конкурса им. Э. Л. Линецкой К. Белый стал лауреатом еще двух конкурсов перевода с немецкого языка. Очень полезным оказалось участие в мастерской В. А. Дымища, который, во-первых, обратил внимание на важность сохранения при переводе всех структурных особенностей каждого стиха и обязательно близкого к оригиналу перевода акцентированных мест в стихотворении, а, во-вторых, показал необходимость тщательной доработки перевода.

Adelbert von Chamisso (1781–1838). Die alte Waschfrau

Du siehst geschäftig bei dem Linnen
die Alte dort in weißem Haar,
die rüstigste der Wäscherinnen
im sechsundsiebenzigsten Jahr.
So hat sie stets mit sauerem Schweiß
ihr Brot in Ehr und Zucht gegessen
und ausgefüllt mit treuem Fleiß
den Kreis, den Gott ihr zugemessen.

Sie hat in ihren jungen Tagen
geliebt, gehofft und sich vermählt;
sie hat des Weibes Los getragen,
die Sorgen haben nicht gefehlt;

sie hat den kranken Mann gepflegt,
sie hat drei Kinder ihm geboren;
sie hat ihn in das Grab gelegt
und Glaub' und Hoffnung nicht verloren.

Da galt's, die Kinder zu ernähren;
sie griff es an mit heiterm Mut,
sie zog sie auf in Zucht und Ehren,
der Fleiß, die Ordnung sind ihr Gut.
Zu suchen ihren Unterhalt
entließ sie segnend ihre Lieben,
so stand sie nun allein und alt,
ihr war ihr heitrer Mut geblieben.

Sie hat gespart und hat gesonnen
und Flachs gekauft und nachts gewacht,
den Flachs zu feinem Garn gesponnen,
das Garn dem Weber hingebracht;
der hat's gewebt zu Leinwand.
Die Schere brauchte sie, die Nadel,
und nähte sich mit eigener Hand
ihr Sterbehemde sonder Tadel.

Ihr Hemd, ihr Sterbehemd, sie schätzt es,
verwahrt's im Schrein am Ehrenplatz;
es ist ihr Erstes und ihr Letztes,
ihr Kleinod, ihr ersparter Schatz.
Sie legt es an, des Herren Wort
am Sonntag früh sich einzuprägen;
dann legt sie's wohlgefällig fort,
bis sie darin zur Ruh sie legen.

Und ich, an meinem Abend, wollte,
ich hätte, diesem Weibe gleich,
erfüllt, was ich erfüllen sollte
in meinen Grenzen und Bereich;
ich wollt', ich hätte so gewußt
am Kelch des Lebens mich zu laben,
und könnt' am Ende gleiche Lust
an meinem Sterbehemde haben.

Адельберт фон Шамиссо (1781–1838). Старая прачка

Ты видишь, как седая прачка
бельё намылила чуть свет:
труды не сделали богаче
её за семьдесят шесть лет.
Таков уж жребий выпал ей,
что, честно делая работу,
она не знала лёгких дней,
а скудный хлеб солила потом.

Промчались молодые годы!
Любила, венчана была,
сквозь бесконечные заботы
тяжёлый бабий крест несла.
Она, троих детей родив,
за мужем страждущим ходила.
А после — мужа схоронив —
надежду в сердце сохранила.

Одна детей своих растила,
всецело им принадлежа.
И, хоть безумно их любила,
старалась в строгости держать.
Но время нам не обмануть!
Она, уже почти старуха,
детей благословила в путь,
и снова не упала духом.

Подумала и всё решила,
и пфенниг к пфеннигу клала,
копила, после лён купила,
и пряжу по ночам пряла.
Ей ткань соткали из льна.
Она, не дав себе поблажку,
взяв ножницы с иглой, сама
пошила смертную рубашку.

Её последняя святыня!
Её сокровище и клад!
Она хранит в ларце и ныне
последний свой земной наряд.
Лишь в воскресенье, рано встав,
она рубашку надевает,

помолится и, снова сняв,
в сундук от глаз чужих скрывает.

Хотел и я б к закату жизни
свершить, что мне назначил Бог,
и всё принять без укоризны,
и так же сделать всё, что мог.
Свою до дна испивши чашу,
и отправляясь в вечный путь,
надев в последний раз рубашку,
спокойно радостно уснуть.

Joseph von Eichendorff (1788–1857). Meeresstille

Ich seh von des Schiffes Rande
Tief in die Flut hinein:
Gebirge und grüne Lande
Und Trümmer im falben Schein
Und zackige Türme im Grunde,
Wie ich's oft im Traum mir gedacht,
Wie dämmert alles da unten
Als wie eine prächtige Nacht.

Seekönig auf seiner Warte
Sitzt in der Dämmerung tief,
Als ob er mit langem Barte
Über seiner Harfe schlief;
Da kommen und gehen die Schiffe
Darüber, er merkt es kaum,
Von seinem Korallenriffe
grüßt er sie wie im Traum.

Йозеф фон Айхендорф (1788–1857). Морской штиль

Я с корабля гляжу в глубины
И вижу бледный свет,
А в нём поля, холмы, руины
И башен силуэт.
И словно чудный сон мне снится,
Как где-то в глубине
Волшебным сумраком ложится
Ночь на бескрайнем дне.

Морской Царь с длинной бородою
Тот сумрак сторожит.
Он арфу обхватил рукою,
А сам как будто спит.
Он спит и кораблей не тронет,
Идущих в вышине,
Но их с кораллового трона
Приветствует во сне.

Paul Celan (1920–1970). Espenbaum

Espenbaum, dein Laub blickt weiß ins Dunkel.
Meiner Mutter Haar ward nimmer weiß.

Löwenzahn, so grün ist die Ukraine.
Meine blonde Mutter kam nicht heim.

Regenwolke, säumst du an den Brunnen?
Meine leise Mutter weint für alle.

Runder Stern, du schlingst die goldne Schleife.
Meiner Mutter Herz ward wund von Blei.

Eichne Tür, wer hob dich aus den Angeln?
Meine sanfte Mutter kann nicht kommen.

Пауль Целан (1920–1970). Осина

Ты, осина, словно бы седая.
Мама, а тебе не поседеть...

Одуванчик в травах Украины.
Мама, не вернулась ты домой...

Туча, ты повисла над колодцем.
Мама, тихо ты скорбишь по всем...

Ты, звезда, как золотистый бантик.
Мама, пуля грудь твою нашла.

Дверь из дуба, кто же тебя вышиб?
Мама, не придёшь уже ко мне...

Paul Celan (1920–1970). Psalm

Niemand knetet uns wieder aus Erde und Lehm,
niemand bespricht unseren Staub.
Niemand.

Gelobt seist du, Niemand.
Dir zulieb wollen
wir blühn.
Dir
entgegen.

Ein Nichts
waren wir, sind wir, werden
wir bleiben, blühend:
die Nichts-, die
Niemandrose.

Mit
dem Griffel seelenhell,
dem Staubfaden himmelswüst,
der Krone rot
vom Purpurwort, das wir sangen
über, o über
dem Dorn.

Пауль Целан. Псалом

Никто нас из земли и глины лепит,
никто вдыхает жизнью прах.
Никто.

Хвала ж тебе, Никто!
Тебе на радость
мы цветём.
К Тебе
мы тянемся.

Ничем
мы были, есть и будем,
останемся останками,
Ничем:
Твоею розой.

Что
с пестиком сияющей души,
с тычинкой райских кущ,
с венцом кровавым
слов багряных, что мы пропели
вознёсшись над
шипами.

Из переводов Ларисы Стаховой

Лариса Владимировна Стахова (alfalfahay@mail.ru) — доцент кафедры лингвистики и перевода Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Время от времени по просьбе друзей и коллег занималась переводом научных статей, аннотаций к ним, сайтов с русского на английский язык. В 2021 году начала посещать семинар С. А. Степанова по художественному переводу и увлеклась переводом поэзии Джейн Остин (1775–1817). Ниже представлена подборка остиновских «стихотворений на случай» и иронической поэзии в переводах Л. В. Стаховой.

Happy the lab'rer in his Sunday clothes!
In light-drab coat, smart waistcoat, well-darn'd hose,
And hat upon his head, to church he goes;
As oft, with conscious pride, he downward throws
A glance upon the ample cabbage rose
That, stuck in button-hole, regales his nose,
He envies not the gayest London beaux.
In church he takes his seat among the rows,
Pays to the place the reverence he owes,
Likes best the prayers whose meaning least he knows,
Lists to the sermon in a softening doze,
And rouses joyous at the welcome close.

Шагает фермер в церковь в воскресенье,
Весь вид его достоин удивленья:
Пиджак, жилет, штаны — мое почтение —
Он разodelся, просто загляденье!
В петлицу вдет роза. Украшенье
Благоухает так, что без сомненья
Столичных щеголей приводит в изумленье!
Садится важно в церкви на сиденье,
Чем непонятней стих, по его мнению,
Тем больше вызывает уваженье.
Всю службу спит, а после без смущенья
Домой идет в чудесном настроенье.

Ode to Pity

1

Ever musing I delight to tread
The Paths of honour and the Myrtle Grove
Whilst the pale Moon her beams doth shed
On disappointed Love.

While Philomel on airy hawthorn Bush
Sings sweet and Melancholy, And the
thrush

Converses with the Dove.

2

Gently brawling down the turnpike road,
Sweetly noisy falls the Silent Stream--
The Moon emerges from behind a Cloud
And darts upon the Myrtle Grove her
beam.

Ah! then what Lovely Scenes appear,
The hut, the Cot, the Grot, and Chapel
queer,
And eke the Abbey too a mouldering heap,
Conceal'd by aged pines her head doth rear
And quite invisible doth take a peep.

Little Bag

This little bag I hope will prove
To be not vainly made –
For, if you should a needle want
It will afford you aid.

And as we are about to part
T'will serve another end,
For when you look upon the bag
You'll recollect your friend.

Ода меланхолии

1

Витая вечно в эмпиреях,
Себя воображаю я,
Как в лунных миртовых аллеях,
Грущу, любовь тая.

Здесь соловей выводит трели,
В кустах вон там дрозды
запели,

Под ветками снуя.

2

Дорога вьется бесконечно,
Журчит ручей, льет свет луна,
Что в облаках, конечно, вечно
С небес сияет холодна.

О! Что за чудная картина:

Часовня, хижина, плотина!

Из-за елей едва видны

Аббатства ветхого руины —

Оплоты дряхлой старины.

Мешочек

Мешочек сшила для тебя,

Надеюсь, пригодится.

Крючок, иголка и клубок —

Всё может в нем храниться.

Ну а когда расстанемся,

Окажет мне услугу:

Посмотришь на мешочек

И вспомнишь про подругу.

When stretch'd on one's bed
With a fierce-throbbing head,
Which precludes alike thought or repose,
How little one cares
For the grandest affairs
That may busy the world as it goes!

How little one feels
For the waltzes and reels
Of our Dance-loving friends at a Ball!
How slight one's concern
To conjecture or learn
What their flounces or hearts may befall.

How little one minds
If a company dines
On the best that the Season affords!
How short is one's muse
O'er the Sauces and Stews,
Or the Guests, be they Beggars or Lords.

How little the Bells,
Ring they Peels, toll they Knells,
Can attract our attention or Ears!
The Bride may be married,
The Corse may be carried
And touch nor our hopes nor our fears.

Our own bodily pains
Ev'ry faculty chains;
We can feel on no subject besides.
Tis in health and in ease
We the power must seize
For our friends and our souls to provide.

Вы в постели весь день,
Что за мука — мигрень!
Не дает глаз сомкнуть хоть на
час!
Вам теперь все равно,
Будто было давно
Всё, что в мире творится
сейчас.

Не нужны вам уже
Контрданс, буланже,
Не хотите балов и гостей.
И досужих подруг
Слушать вам недосуг,
Вы устали от их новостей.

Вам сейчас дела нет,
Если званный обед,
Был вчера выше всяких похвал.
Что подали на стол,
Из гостей кто пришел,
Интерес к этой теме пропал.

Раздается ль окрест
Перебор, благовест,
Оглашая приход мелодично.
Панихиду ль поют,
К аналою ль ведут,
Это все вам совсем
безразлично.

Наш телесный недуг
Отравляет досуг.
Бодрость духа уходит так рано!
Вот, друзья, мой совет —
Помнить римлян завет:
*Est mens sana in corpore sano!**

* *Est mens sana in corpore sano!* (лат.) — В здоровом теле здоровый дух.

Miss Lloyd has now sent to Miss
Green,
As, on opening the box, may be seen,
Some years of a Black Ploughman's
Gauze,
To be made up directly, because
Miss Lloyd must in mourning appear
For the death of a Relative dear--
Miss Lloyd must expect to receive
This license to mourn and to grieve,
Complete, ere the end of the week--
It is better to write than to speak

'I've a pain in my head'
Said the suffering Beckford;
To her Doctor so dread.
'Oh! what shall I take for't?'

Said this Doctor so dread
Whose name it was Newnham.
'For this pain in your head
Ah! What can you do Ma'am?'

Said Miss Beckford, 'Suppose
If you think there's no risk,
I take a good Dose
Of calomel brisk.'

'What a praise worthy Notion.'
Replied Mr. Newnham.
'You shall have such a potion
And so will I too Ma'am.'

Мисс Ллойд как-то раз для мисс
Грин
Черного крепа аршин
Отправила, чтобы вуаль
Сшила мисс Грин ей и шаль.
Дядюшка мисс Ллойд усоп,
И ждет всех на требе их поп,
Изобразить всю печаль
Поможет из крепа вуаль.
Мисс Ллойд ждет от мисс Грин
ответа
Примерно до пятницы где-то.

— Я с мигренью опять! —
Тяжко Бекфорд вздохнула.
— Доктор, что мне принять?
Глаз всю ночь не сомкнула!

Эскулап произнёс
(Звали доктора Ньюнэм):
— Это сложный вопрос.
Чем помочь я могу, мэм?

И мисс Бекфорд в ответ:
— Боли так одолели!
Коли риска здесь нет,
Я глотну каломели*.

— Что за ясность ума! —
Ей сказал доктор Ньюнэм,
— Вы глотните сама,
И я тоже глотну, мэм!

* Каломель — хлорид ртути, лекарство, которое активно применялось в медицине XVIII — XIX веков, в частности, как сильнодействующее слабительное средство.

Mock Panegyric on a Young Friend

In measured verse I'll now rehearse
The charms of lovely Anna:
And, first, her mind is unconfined
Like any vast savannah.

Ontario's lake may fitly speak
Her fancy's ample bound:
Its circuit may, on strict survey
Five hundred miles be found.

Her wit descends on foes and friends
Like famed Niagara's fall;
And travellers gaze in wild amaze,
And listen, one and all.

Her judgment sound, thick, black, profound,
Like transatlantic groves,
Dispenses aid, and friendly shade
To all that in it roves.

If thus her mind to be defined
America exhausts,
And all that's grand in that great land
In similes it costs –

Oh how can I her person try
To image and portray?
How paint the face, the form how trace,
In which those virtues lay?

Another world must be unfurled,
Another language known,
Ere tongue or sound can publish round
Her charms of flesh and bone.

* *bon mot* (*фп.*) — меткое словечко, острота.

Похвала моей юной подруге

Прекрасным ямбом дифирамб
Пою тебе, о Анна!
Твой ясен взор, а кругозор
Обширен, как саванна.

С Онтарио я сравню, друзья,
Фантазию подруги.
Предел мечтам найдём лишь там –
Миль на пятьсот в округе!

Её *bon mot** – для всех клеймо!
Друзей, врагов не даром
Водоворот её острот
Несёт, как Ниагара.

Её совет, хотим иль нет,
(В нём мудрость вся веков),
Как в знойный день секвойи тень,
Для всех всегда готов.

Но гибкий ум, что полон дум,
Мной так и не воспет.
На берегах в Америках
Сравненья больше нет.

Увы, друзья, могу ли я
Все прелести явить?
Мой скромный слог так и не смог
Их здесь изобразить.

Чтоб передать мне Анны стать,
Должна найти сперва
В мирах иных для од своих
Достойные слова.

Of a Ministry pitiful, angry, mean,
A gallant commander the victim is seen.
For promptitude, vigour, success, does he stand
Condemn'd to receive a severe reprimand!
To his foes I could wish a resemblance in fate:
That they, too, may suffer themselves, soon or late,
The injustice they warrant. But vain is my spite
They cannot so suffer who never do right.

Вариант 1

Капитан корабля, как бы ни был он смел,
Жала жалких чинуш избежать не сумел.
Он силён, энергичен, успешен и всё ж
Обречён вечно слушать их злобный скулёж.
Я врагам капитана желаю хоть раз
Пусть заставят исполнить вас свой же приказ!
Но напрасно я злюсь, небу хмуρο грозя,
До неправедных нам достучаться нельзя.

Of a Ministry pitiful, angry, mean,
A gallant commander the victim is seen.
For promptitude, vigour, success, does he stand
Condemn'd to receive a severe reprimand!
To his foes I could wish a resemblance in fate:
That they, too, may suffer themselves, soon or late,
The injustice they warrant. But vain is my spite
They cannot so suffer who never do right.

Вариант 2

Капитан корабля благороден и смел,
Но когорту штабных одолеть не сумел.
Он отважен в бою, энергичен, силён,
Но взысканья одни получать обречён.
Я врагам капитана хочу пожелать
От решений неправедных так же страдать.
Но напрасно желает им зла мой язык,
Тот не может страдать, кто к неправде привык.

My dearest Frank, I wish you joy
Of Mary's safety with a Boy,
Whose birth has given little pain
Compared with that of Mary Jane. –
May he a growing Blessing prove,
And well deserve his Parents' Love! –
Endow'd with Art's and Nature's Good,
Thy Name possessing with thy Blood,
In him, in all his ways, may we
Another Francis William see! –
Thy infant days may he inherit,
They warmth, nay insolence of spirit; –
We would not with one foul dispense
To weaken the resemblance.
May he revive thy Nursery sin,
Peeping as daringly within,
His curly Locks but just descried,
With 'Bet, my be not come to bide.' –
Fearless of danger, braving pain,
And threaten'd very oft in vain,
Still may one Terror daunt his Soul,
One needful engine of Controul
Be found in this sublime array,
A neighbouring Donkey's awful Bray.
So may his equal faults as Child,
Produce Maturity as mild!
His saucy words and fiery ways
In early Childhood's pettish days,
In Manhood, shew his Father's mind
Like him, considerate and Kind;
All Gentleness to those around,
And anger only not to wound.
Then like his Father too, he must,
To his own former struggles just,
Feel his Deserts with honest Glow,
And all his self-improvement know.
A native fault may thus give birth
To the best blessing, conscious Worth.
As for ourselves we're very well;
As unaffected prose will tell. –
Cassandra's pen will paint our state,
The many comforts that await
Our Chawton home, how much we find

Мой милый Фрэнк*, тебе пишу,
Поздравить с сыном вас спешу!
У Мери* всё прошло без боли,
(Сын Мери Джейн* терзал поболее!)
Ваш сын достойным пусть растёт,
Не зная родителям забот!
Он твой наследник, плоть и кровь,
Так пусть же мы увидим вновь
Твои черты все у юнца,
Он – Фрэнсис Уильям*, весь в отца!
Пусть унаследует скорей
Всю радость, дерзость детских дней,
Пускай и он, как ты тогда,
Резвится в юные года.
Пусть повторит твой детский грех –
(Подглядывал ты лучше всех!)
Кудряшки чуть видны, – ты рад:
«Мои!» – ты бьёшься о заклад.
Пусть терпит боль и будет смел,
Чтоб испугать никто не смел.
Пусть ведом страх один ему:
Затеет если кутерьму,
Когда никто унять не сможет,
Соседский ослик нам поможет.
(Проказы юных лет – пролог,
Достойной зрелости залог).
Пусть дерзок, вспыльчив иногда,
(То в годы детства не беда).
Он станет умным, как отец,
Заботливости образец,
Ко всем любезен и учтив,
И в меру гнев свой проявив,
Он, как отец, поймёт тогда,
Что часто в юные года
Наказан справедливо был,
Бунтарский укротит свой пыл.
(Так недостаток наш любой
Родит достоинства порой).
У нас здесь всё благополучно,
О том писала прозой скучной.
Кассандра* вам изобразит
Поместья Чотон* милый вид.
В коттедже вроде бы удобно,

Already in it, to our mind;
 And how convinced, that when
 complete
 It will all other Houses beat
 The ever have been made or mended,
 With rooms concise, or rooms
 distended.
 You'll find us very snug next year,
 Perhaps with Charles and Fanny near,
 For now it often does delight us
 To fancy them just over-right us. –

Я напишу потом подробно.
 Мы все уверены, что здесь,
 Когда ремонт закончим весь,
 Получим самый лучший дом,
 Ещё не жили мы в таком.
 Уютно будет здесь у нас,
 И Фанни с Чарльзом* к нам как раз
 Могли б приехать. Очень ждём
 Мы их к нам в гости в новый дом!

* Фрэнк – старший брат Джейн Остин Фрэнсис Уильям Остин (1774–1865)

* Мери – Мери Гибсон (? – 1823), первая супруга Фрэнсиса Уильяма Остина, в 1809 году у пары рождается второй ребенок, сын Фрэнсис Уильям Остин (1809–1858). Джейн Остин отправляет брату поздравление в стихах с рождением сына.

* Мери Джейн – по-видимому, общая знакомая или дальняя родственница.

* Фрэнсис Уильям – полное имя брата Джейн Остин, отца ребенка.

* Кассандра – старшая сестра Джейн Остин Кассандра Элизабет Остин (1773–1845), художница.

* Чотон – усадьба, которую унаследовал от родственников старший брат Джейн Остин Эдвард Остин Найт (1767 – 1852). Писательница жила в Чотоне с 1809г. по 1817г. до конца жизни.

* Чарльз и Фанни – младший брат Джейн Остин Чарльз Джон Остин (1779–1852) и его первая супруга Френсис Палмер (?–1814).

Oh! Mr. Best, you're very bad
 And all the world shall know it;
 Your base behaviour shall be sung
 By me, a tunefull Poet. –

Вы, мистер Шарм, такой плохой!
 Весь мир пусть будет знать!
 Манеры Ваши звучный стих
 Мой сможет описать.

You used to go to Harrowgate
 Each summer as it came,
 And why I pray should you refuse
 To go this year the same? –

Вы раньше летом в Хэррогейт
 Спешили каждый год.
 А этим летом отчего
 Курорт Вас не влечет?

The way's as plain, the road's as smooth,
 The Posting not increased;
 You're scarcely stouter than you were,
 Not younger Sir at least. –

Маршрут простой, все тот же тракт
 И дилижансы тоже.
 Хоть Вы пока что не толстяк,
 Но точно не моложе.

If e'er the waters were of use
 Why now their use forego?
 You may not live another year,
 All's mortal here below. –

Вам воды ведь на пользу шли,
 Все бросить отчего ж?
 Неведомо живущим здесь,
 Сколь долго проживешь?

It is your duty Mr Best
To give your health repair.
Vain else your Richard's pills will be,
And vain your Consort's care.

But yet a nobler Duty calls
You now towards the North.
Arise ennobled – as Escort
Of Martha Lloyd stand forth.

She wants your aid – she honours you
With a distinguished call.
Stand forth to be the friend of her
Who is the friend of all. –

Take her, and wonder at your luck,
In having such a Trust.
Her converse sensible and sweet
Will banish heat and dust. –

So short she'll make the journey seem
You'll bid the Chaise stand still.
T'will be like driving at full speed
From Newb'ry to Speen hill. –

Convey her safe to Morton's wife
And I'll forget the past,
And write some verses in your praise
As finely and as fast.

But if you still refuse to go
I'll never let your rest,
Buy haunt you with reproachful song
Oh! wicked Mr. Best!—

Беречь здоровье, мистер Шарм,
Должны Вы, чтоб не даром
Готовил Ричард порошки,
Пеклась супруга с жаром.

На север долг теперь зовет,
Какой уж тут курорт!
Пред Вами новая стезя,
Вы – Марты Ллойд* эскорт!

Вы ей нужны, какая честь!
Доверьем облечен!
Теперь Вы той, кто всем нам друг,
В число друзей включен.

Езжайте с ней, раз повезло
В доверие войти,
В беседе не заметите
Жару и пыль пути.

В вояже время пролетит,
Забудете про сплин,
Как будто мчится экипаж
От Ньюбери до Спин.

Доставьте к Мортонам ее,
И я Вам все прошу,
И даже более того,
Вам оду посвящу.

Но если Вы откажетесь,
Я стану фурий злей
Преследовать стихами Вас,
О Мистер Шарм, злодей!

* Марта Ллойд (1765–1843) – самая близкая подруга Джейн Остин, не считая ее сестры Кассандры. Марта переехала в усадьбу Чотон вместе с семьей Джейн Остин, помогала вести хозяйство, в том числе и после смерти Джейн. В последствии в 1828 году она вышла замуж за младшего брата Джейн Остин Фрэнсиса. Младшая сестра Марты Мери Ллойд (1771 – 1843) была замужем за старшим братом Джейн Джеймсом. Сохранилось собрание рецептов семьи Остин, записанных Мартой Ллойд.

Fielden Hughes. The Mistake

When I was the Medical Superintendent at the Applesett Private Mental Hospital there was one patient who had been there so long that he was, in that respect as well as in one other, something of an institution. He was a silent man, and gave so little trouble that he was in a class apart. He was there, so his record showed, at his own request and at his own expense. He was without near relations, and nobody ever visited him or showed the faintest interest in him, except for many doctors, pathologists, and psychologists to whom he was of vast clinical interest. Before he entered our hospital, he had been an obscure parson in some West Country village, unknown to any but his few parishioners. After he came to us, unaware of it though he was, he achieved a wide fame in medical circles. For the simple fact about him was that he never slept. Every night for a considerable time he used to retire and read for awhile. Then he would put out his light, go to sleep quite naturally, and, five minutes later would wake up as if he had been asleep for hours. After a time he gave up all idea of going to bed, and treated the night as the day.

There was no point in trying to impede him in the habit of twenty-four hours of complete wakefulness, and so a room was placed at his disposal, a room — at his urgent request — without a bed. Usually he spent the night reading or writing, and the sheets of paper he covered he allowed no one to see. Occasionally he would escape from the house during the night, after showing noticeable restlessness for a period. These escapes were always at the same time of the year — in mid-October; and always he was found in the same place — the churchyard in Applesett village. This fact we attributed to some connection in his mind with his former profession. But this became clear when he died, which he did prematurely, for the phenomenon of total insomnia, interesting though it was to us as doctors, was inevitably the cause of quicker wear of his bodily tissues; and this though he was one of the biggest, most powerful men I have ever seen. In youth, he must have been a tremendously strong man. I was always thankful that so muscular a fellow was a quiet inmate. I used to wonder how the attendants would have been able to handle him if he had become violent. But he never did, and we were all truly sorry when he died in his fortieth year. Among his effects, brought to my office after the removal of his body, was a large envelope containing many sheets of paper. It was addressed to me, and marked "Not to be opened till after my death." I opened the packet, took out the scribbled sheets and read what follows here:

When I was the Vicar of St. Alpha's Church in the village of Smeritone, I was happy enough. I could have said I was completely happy except for one man in the village. That man was my warden, Admiral Sir Anthony Vilpert. It was one of those strange cases of complete natural antipathy. We hated one another for no reason that either of us could have given. I hated his very appearance. He was a very thin man with white moustache and beard, the latter thin like himself and

pointed. I privately called him the "White Goat" for he was pale, with light blue eyes. His voice, so unlike the voice of a seagoing man, was a bleat, and how odious its sound became to me. We bickered and differed about every parish matter, and I found that he was in the wicked habit of talking about me to my detriment behind my back, making mischief and doing all he could to poison people's minds against me, especially newcomers, before I had time to correct by visitation the vile impressions he constantly gave them.

My hatred of the "White Goat" became an obsession. I found myself thinking about him with loathing. His image would come before my mind in the silence of my study, and I had to avert my eyes from him when I was taking services in church. He filled me with fear as well as hatred, for the expression in those pale eyes told me that there was no evil turn he would not do me if he had the opportunity. I fell into mortal sin, for I murdered him in my heart many a time, so that I could hardly read certain passages of Scripture without feeling condemned in the face of the congregation: and then I would imagine that he could read my heart, and that thin face would seem to smile bitterly at me and defy me.

One day a message came to the vicarage that he was dangerously ill. I could not repress a terrible hope. However, I set out to his house, but, by the mercy of heaven, he was dead before I could reach his bedside. And I was overjoyed. To my horror, I was happier than I had ever been.

The day of his funeral arrived, and I met the cortege at the lych-gate. As I slowly walked before the coffin to the church door, I heard a tapping sound. My blood chilled as the certainty came to my mind that the tapping came from within the coffin. I dismissed the idea and walked on. It could not be. It was my imagination. It was some weird echo of my hatred of the man. As we moved solemnly up the aisle, I heard the faint sound again. Tap tap. Then three more. Tap tap tap. There was no doubt. I waited for the bearers to act. They must have heard those dreadful sounds even as I had done. One of them would cry out. They would put down the coffin. They would open it, there in the church. But nothing happened, except that I heard the sounds once more, like a muffled, distant drum. I felt faint and had to force my legs to bear me up and on. The dreadful truth was clear. He was not dead. And only I had heard his frantic signals to return to the world.

I cannot tell, even here, of the tumult of my feelings. A terrible sense of his being in my power, there in his coffin, seized me, a glorious power. The thought rushed through my mind like a swift flame that I was a murderer who could never be detected. I who had killed him so often in my thoughts was able now to kill him with a sort of horrible innocence. He was the prisoner of my ears, alone and helpless, dependent for his delivery from the most gruesome bondage upon my silent tongue. The injuries he had done me, the calumnies he had spoken of me, the hatred he had shown to me, all hung upon my lips like locks and ban against my speaking. I seemed to see him lying there, his pale eyes wide open with fear, imploring me to mercy and the release of forgiveness. I saw him as if the coffin lid were made of glass. And with hatred in my heart, I refused his dumb appeal,

condemning him to the cruelest of all deaths, a living entombment, a joining of him with the dead before his time, an inescapable, inexorable darkness. Then a kind of healing sanity returned to me. If none other there present had heard the tapping, the quiet frenzy of imprisonment, it must be my imagination.

Calmly and coldly I went on with my duties. I saw him lowered into his grave. The cold damp afternoon lay silent round us — us living upon whose brows the wisps of autumn mist were like the exhalations of death. The fragments of soil fell on the coffin thudding, as if we were knocking his outer door in response to his inner tapping. Perhaps he heard them, and hailed them with a momentary thin hope, like a miner entombed in the dark caverns of his mine. And then I heard it again, fainter this time, and lost amongst the sounds of the soil falling on the coffin.

I turned away and left the group of mourners at the graveside. As I sat in my comfortable study by the fire, the afternoon closed in and the shadows of night gathered. I drew the curtains over my windows, and as I did so, I glanced toward the darkening churchyard. My thoughts seemed suspended. I was living but numb. I had tea, and wrote a number of letters, as if I were not myself but somebody else. I felt as if a spring were tightly coiled inside me. When I retired, about ten o'clock, the vicarage was silent. My housekeeper was away overnight, and I locked the doors and went upstairs. I read till half past ten, and then fell asleep. Suddenly I was wide awake, as if I had slept for many hours. I looked at my watch. The time was twenty minutes to eleven. I was wholly refreshed and knew I should sleep no more. The spring had uncoiled inside me. I lay awake in the darkness, as if waiting for something or someone. The church clock struck the quarter, and as if an order had been given me. I knew what I had to do. I rose and dressed. What I had to do, I must do alone. I could not seek any earthly aid. I must know the truth, and there was nobody to help me.

I went downstairs, unlocked the back door, and stepped out into the damp air. The night was still and pitch black. I went to the hut where the sexton kept his tools. I lit his lantern and took his shovel with me to the newly filled-in grave under the trees. I was young and exceptionally strong then, and I had the night before me. The only sound in the black churchyard was the occasional drip of water from the branches of trees. I could hardly see the bulk of the church against the black sky. I stood the lamp on the ground and taking off my coat, I began to reopen the grave where the "White Goat" lay. If I had been mistaken about the sounds from the coffin, I must know it, for the peace of the rest of my life. If I had been right, then I must do what I could to redress the wrong I had done. I must find him, and restore him, even though the two enemies should meet alone in the black night of the churchyard, the one in his premature shroud, the other in his costume of grave digger.

Chilly though the night was, the sweat poured from my body, and I took off shirt and vest. The clock chimed the night along, shocking me each time it made its solemn sound, as if it were watching me at my horrid work. The earth piled up on the sides of the grave, and I sank slowly down into the pit I was digging. At length,

my spade struck the coffin lid. I cleared away the soil as far as I could, and there I made myself a recess where I could brace myself to tear away the lid. The night closed around me and above as if it were itself a tomb. I had not realized the impossibility of raising the coffin alone, nor the great difficulty of pulling away the lid. Somehow, by taking out the screws and using my spade as a lever, I forced the top to one side. I reached up for my lantern and stared at what lay within. There was my enemy, the man I had hated. The faint beams of my lantern fell upon him. The most terrible feeling gripped me. I knew in that moment what death is: dark, silent, mysterious; yes, but appallingly silly. I began to shake with laughter. I could not let it out in peals in his presence. I scrambled out of the grave and began feverishly filling it in with the earth I had piled around. I had never worked so hard or so fast. A kind of deathly rhythm fell upon my strokes ... cover it up ... fill it in . . . hide it away ... and all the time I laughed till I ached. What a mistake it all was.

I had seen for myself. The "White Coat" was dead. But he was lying on his side.

Филден Хьюз. Ошибка

Когда я работал главным врачом частной психиатрической больницы в Эпплсете, у нас находился один пациент, ставший своеобразным столпом этого учреждения в том смысле, что пробыл там очень долго, и еще в некотором значении. Среди прочих он выгодно выделялся тем, что вел себя тихо и не доставлял хлопот. По документам, в больнице он был добровольно и за свой счет. Родственников он не имел, никто им не интересовался и не посещал его, кроме многочисленных физиологов, психиатров и врачей — для них он представлял огромный научный интерес. До того, как попасть в больницу, он служил в какой-то деревне на юго-западе Англии никому не известным священником. Поступив же к нам, он сам того не зная, обрел широкую известность в медицинских кругах. Дело в том, что он никогда не спал. Первые несколько лет он каждую ночь ложился в постель и перед сном читал. Затем гасил свет, засыпал вполне естественным образом, но уже через пять минут просыпался с ощущением, что спал несколько часов. Потом он и вовсе бросил привычку ложиться спать и не делал различий между ночью и днем.

Пытаться заставлять его заснуть не имело смысла, поэтому из его отдельной палаты вынесли кровать — по его же настоятельной просьбе. Ночью он обычно читал и писал, но исписанные чем-то листки бумаги никому не показывал. Иногда, в периоды повышенного возбуждения, он сбегал из больницы. Это всегда случалось в одно и то же время — в середине октября, и находили его всегда в одном и том же месте — на кладбище Эпплсета. Данный факт мы приписывали тому, что в его сознании осталась некая связь с прежней профессией. Кое-что прояснилось лишь когда он умер, а скончался он преждевременно, ибо феномен хронической бессонницы,

сколь бы любопытным он ни являлся для нас, докторов, неминуемо вел к ускоренному износу тканей. Это сказалось и на нем, несмотря на то что люди столь мускулистые и крупные встречаются редко. Скорее всего, в молодости он был невероятно силен. Я благодарил судьбу за то, что такой здоровяк оказался тихим пациентом, и часто задавался вопросом, как бы с ним справились санитары, если бы он вел себя агрессивно. Однако этого не случилось, и когда на сороковом году жизни он умер, все мы искренне скорбели. Среди его вещей, которые после похорон принесли мне в кабинет, оказался большой конверт, набитый листками бумаги. На нем, кроме моего имени, стояла пометка «Не вскрывать до моей смерти». Я извлек исписанные листки и прочитал то, что приведено далее.

Во время моей службы викарием в церкви Сент-Альфа в Смеритоуне я был довольно счастлив. Я бы даже сказал — совершенно счастлив, если бы не один житель этой деревни. Им был церковный староста сэр Энтони Вилперт, адмирал в отставке. Иногда люди с первого же взгляда питают друг друга абсолютную неприязнь — так было и с нами. Мы ненавидели друг друга без всякой на то причины — ни он, ни я не смогли бы ее назвать. Мне претил один его вид: нездоровая худоба, седые усы и борода, заостренная и тоже жиденькая. За бледную кожу и светло-голубые глаза я называл его про себя Белый Козел. Голос его, столь неподобающий моряку, походил на блеяние, и как же он мне опротивел! Мы расходились во мнениях и препирались по каждому вопросу, возникавшему в приходе, к тому же я обнаружил, что у него имеется гадкая привычка рассказывать обо мне дурное за моей спиной, чинить пакости и делать все возможное, чтобы от меня отвернулись все, особенно новые прихожане, еще до того, как я успевал лично исправить то гнусное о себе впечатление, которое он беспрестанно внушал им.

Ненависть к Белому Козлу обернулась для меня сущей одержимостью. Я поймал себя на том, что думаю о нем с отвращением. В тиши моего кабинета он то и дело возникал в моем воображении, а в церкви мне приходилось отводить от него взгляд. Он вселял в меня и ненависть, и страх, ведь в его тусклых глазах читалось, что нет такого зла, которое он не причинил бы мне при случае. Я впал в смертный грех, поскольку в сердце своем убил его не единожды, и потому с трудом читал некоторые страницы Писания, чувствуя, что достоин осуждения перед лицом общины. Мне казалось, что он читает мои мысли и бросает мне вызов своей язвительной улыбкой на осунувшемся лице.

Однажды в дом викария пришло известие, что он тяжело болен. Я ужаснулся своим упованиям и не мог их подавить. Тем не менее, я направился к его дому, однако, милостью божьей, он умер до того, как я успел к его постели. Меня захлестнуло чувство радости. Так счастлив я, как это ни страшно, никогда не был.

В день похорон я встречал шествие у крытого прохода на кладбище. Я медленно шел перед гробом ко входу в церковь и вдруг услышал какое-то

постукивание. Кровь похолодела в жилах от осознания того, что звук доносился из закрытого гроба. Я отогнал эту мысль и продолжал шагать. Такого не может быть. Мне показалось. Это какой-то причудливый отголосок моей ненависти к усопшему. Печальная процессия шла между скамьями, и снова я услышал этот слабый стук. Тук, тук. Потом еще три раза. Тук, тук, тук. Сомнений не осталось. Я ожидал, что носильщики начнут что-то делать. Должны же были до них, точно как и до меня, донестись эти ужасающие звуки. Кто-то из них закричал бы. Они поставили бы гроб. Открыли бы его прямо там, в церкви. Но ничего не происходило, кроме того, что я снова услышал постукивание, похожее на далекий приглушенный бой барабана. Я почувствовал слабость, и мне пришлось собрать волю в кулак, чтобы продолжать идти. Мне стала ясна страшная правда. Он не умер. И только я один слышал, как он в отчаянии подавал знаки, чтобы вернуться в наш мир.

Даже сейчас я не могу описать всего смятения моих чувств. Меня захватило страшное чувство власти, ослепительной власти над тем, кто там, в гробу. Как вспышка пламени пронеслась мысль о том, что я убийца, которого никогда не смогут найти. Я, так часто воображавший, что убиваю его, теперь действительно могу убить, сохранив внушающую ужас безвинность. Он стал узником моего слуха, беспомощным и одиноким, и спасение его зависело от внушающих трепет оков на моих неподвижных устах. Оскорбления, которые он нанес мне, сплетни, которые он распускал обо мне, отвращение, которое он выказывал ко мне, — все это словно висело на моих устах замками, не давая произнести ни слова. Мне чудилось, что я вижу, как он лежит с округлившимися от страха тусклыми глазами и молит меня о милосердии и прощении. Я видел это так ясно, словно крышка гроба стала стеклянной. И с ненавистью в сердце я отверг его немой призыв, обрекая его на самую жестокую из всех смертей — на погребение заживо, преждевременную встречу с миром мертвых, на неотвратимый и неумолимый мрак. Затем ко мне, как своего рода исцеление, вернулся рассудок. Если никто не слышал стука, этого бессловесного невольничьего исступления, значит мне, наверное, он причудился.

Я продолжал спокойно и молчаливо выполнять свой долг. Я видел, как гроб опускали в могилу. Сырой холодный день окутал нас безмолвием — нас, живых, на чьих лицах выступала, подобно дыханию смерти, осенняя морось. Комья земли глухой дробью падали на гроб, как будто в ответ на постукивания изнутри мы били в крышку снаружи. Может, он нас услышал, и словно шахтер, погребенный в темной пещере своей шахты, отозвался с мимолетной угасающей надеждой; я снова услышал стук, на этот раз совсем слабый, и потерял его среди звуков падающей на гроб земли.

Я отвернулся и ушел, оставив оплакивающих за спиной. Когда я устроился у огня в своем уютном кабинете, день уже подходил к концу, и начали собираться ночные тени. Я стал задергивать шторы, и мой взгляд случайно упал на темнеющее вдали кладбище. Мои мысли будто замерли;

сердце билось, но ничего не чувствовало. Я выпил чаю и написал несколько писем так, словно был не самим собой, а кем-то иным. Я ощущал будто внутри меня плотно сжалась пружина. Когда около десяти часов я удалился ко сну, в доме викария стояла тишина. Моя экономка на ночь ушла домой, поэтому я запер дверь и поднялся наверх. До половины одиннадцатого я читал, а потом заснул. И неожиданно проснулся, не чувствуя сна ни в одном глазу. Я взглянул на часы. Без двадцати одиннадцать. Я был бодр, словно проспал с десяток часов. Пружина внутри меня разжалась. Я лежал в темноте с открытыми глазами, точно ожидая чего-то или кого-то. Часы на церкви пробили четверть часа, и мне как будто был дан приказ. Я знал, что должен сделать. Я поднялся и оделся. То, что мне нужно, я должен сделать один. Ни у кого на земле нельзя просить помощи. Я должен знать правду, и никто не может мне в этом помочь.

Я спустился, отпер заднюю дверь и вышел. Было сыро, стояла тихая, непроглядная ночь. Я отправился в лачугу, где могильщик держал инвентарь. Я зажег его фонарь и, забрав лопату, пошел к свежей могиле возле деревьев. Я был тогда молод и необычайно силен, и вся ночь у меня была впереди. Время от времени с ветвей деревьев капала вода, и больше на темном кладбище не раздавалось ни звука. Очертания церкви терялись на фоне черного неба. Я поставил фонарь на землю и, сняв пальто, начал откапывать могилу, где лежал Белый Козел. В моей жизни не будет покоя, если я не узнаю, ошибся ли, не поверив в тот стук из гроба. И если да, то я должен сделать все, что в моих силах, чтобы исправить совершенное мной зло. Я должен откопать и достать его, пусть даже для этого два врага встретятся наедине в черной ночи церковного кладбища, один в роли могильщика, другой — в гробу, но живой.

Несмотря на прохладную ночь, с меня струился пот, поэтому я снял жилет и рубашку. Часы, словно следя за моим жутким занятием, отмеряли оставшуюся ночь, каждый раз своим торжественным боем повергая меня в трепет. По краям могилы скапливалась земля, и я понемногу погружался в яму, которую копал. В конце концов моя лопата ударилась о крышку гроба. Я очистил ее от земли насколько мог и сделал углубление, с помощью которого хотел, собравшись с силами, сорвать крышку. Ночь сомкнулась вокруг меня и над головой, как будто сама была могилой. Я не осознавал ни того, что в одиночку поднять гроб невозможно, ни того, насколько трудно снять крышку. Кое-как, вынув винты и используя лопату в качестве рычага, я сдвинул крышку в сторону и потянулся за фонарем, чтобы посмотреть, что внутри. Там был мой враг — человек, которого я ненавидел. Слабый свет фонаря упал на него. Меня охватило самое ужасное чувство, какое может быть. В тот момент я узнал, какова смерть: да, она мрачная, безмолвная, таинственная, но и чудовищно нелепая. Меня начало трясти от смеха. Расхохотаться во весь голос в его присутствии я не мог. Я выкарабкался из могилы и стал лихорадочно засыпать ее вырытой землей. Так усердно и быстро я не работал никогда. Моими руками овладел некий роковой ритм:

зарыть... засыпать... упрятать... и я все смеялся не переставая, до боли в животе. Какая же во всем этом была ошибка!

Я увидел это сам. Белый Козел был мертв, но... лежал он... на боку.

Перевод Александра Зайцева (alevlzai@gmail.com), участника переводческих семинаров В. Дымишца, Т. Чернышевой, С. Степанова. В рамках мастерской литературного перевода Д. Симановского и семинара И. Чечота работал над коллективными переводами произведений О. Хаксли, Э. М. Форстера, Г. Вельфлина. Переводы с английского и испанского публиковались в журналах «Аврора», «Литера-Глобус», «Eslavia».

Gene Zion (1913–1975). Harry the Dirty Dog

Harry was a white dog with black spots who liked everything, except... getting a bath. So one day when he heard the water running in the tub, he took the scrubbing brush... And buried it in the back yard. Then he run away from home.

He played where they were fixing the street and got very dirty. He played at the railroad and got even dirtier. He played tag with other dogs and become dirtier still. He slid down a coal chute and got the dirtiest of all. In fact, he changed from white dog with black spots, to a black dog with white spots. Although there were many other things to do, Harry began to wonder if his family thought that he had really run away. He felt tired and hungry too, so without stopping on the way he ran back home.

When Harry got to his house, he crawled through the fence and sat looking at the back door. One of the family looked out and said:

'There's a strange dog in the back yard... by the way, has anyone seen Harry?'

When Harry heard this, he tried very hard to show them he was Harry. He started to do all his old, clever tricks. He flip-flopped and he flop-flipped. He rolled over and played dead. He danced and he sang. He did these tricks over and over again, but everyone shook his head and said:

'Oh, no, it couldn't be Harry.'

Harry gave up and walked slowly towards the gate, but suddenly he stopped. He ran to a corner of the garden and started dig furiously. Soon he jumped away from the hole barking short happy barks. He'd found the scrubbing brush! And carrying it in his mouth, he ran into the house. Up the stairs he dashed, with the family following close behind. He jumped into the bathtub and sat up begging, with the scrubbing brush in his mouth, a trick he certainly had never done before.

'This little doggie wants a bath!' cried the little girl and her father said:

'Why don't you and your brother give him one?'

Harry's bath was the soapiest one he'd ever had. It worked like magic. As soon as the children started to scrub, they began shouting:

'Mummy! Daddy! Look. Look! Come quick!'

'It's Harry! It's Harry! It's Harry!' they cried.

Harry wagged his tail and was very, very happy. His family combed and brushed him lovingly, and he became once again a white dog with black spots.

It was wonderful to be home. After dinner, Harry fell asleep in his favorite place, happily dreaming of how much fun it had been getting dirty. He slept so soundly, he didn't even feel the scrubbing brush he'd hidden under the pillow.

Джин Зион (1913–1975). Гарри — псина-грязнуля

Гарри был белой собакой с черными пятнышками, и ему все нравилось, кроме... купания в ванной. Поэтому однажды, когда Гарри услышал, как льется вода, он утащил щетку для мытья и закопал ее на заднем дворе. А потом убежал из дома.

Он поиграл на стройке и сильно испачкался. Побегал у железной дороги и стал еще грязнее. Потом он поиграл в салочки с другими собаками и стал еще грязнее. Потом съехал вниз с горки для спуска угля и стал грязнее грязного. В конце концов, Гарри превратился из белой собаки с черными пятнышками в черную собаку с белыми пятнышками. В общем, на уме у Гарри было еще много занятий, но ему стало интересно, думает ли его семья, что он убежал из дома по-настоящему. Он также устал и проголодался, поэтому без промедления побежал обратно домой.

Когда Гарри добрался до дома, он пролез через забор и сел, глядя на входную дверь. Кто-то из членов семьи выглянул в окно и сказал:

— У нас на заднем дворе какая-то чужая странная собака... кстати, кто-нибудь видел Гарри?

Услышав свое имя, Гарри очень старался показать, что он и есть Гарри. Он стал выполнять все свои хорошо знакомые трюки. Сделал сальто вперед и назад. Перевернулся на спину и притворился мертвым. Станцевал и спел. Он выполнял эти трюки снова и снова, но все покачали головами и сказали:

— О, нет, это не может быть наш Гарри.

Гарри сдался и медленно побрел в сторону ворот, но вдруг остановился. Он побежал в угол сада и начал бешено копать. Отпрыгнув от ямки, он отрывисто, весело залаял. Он нашел свою щетку для мытья! И зажав ее в зубах, побежал в дом. Он помчался вверх по лестнице, оставив всю свою семью немного позади. Он запрыгнул в ванну и сел, умоляюще держа щетку для мытья в пасти — трюк, который он никогда не делал раньше.

— Эта маленькая собачка хочет помыться! — закричала маленькая девочка, и папа сказал ей:

— Почему бы тебе и брату не помыть ее?

Гарри еще никогда не принимал такую мыльную ванную. Но мыло сотворило чудо! Смыв грязь, дети закричали:

— Мамочка! Папочка! Смотрите, смотрите! Идите быстрее! Это же Гарри! Это Гарри! Наш Гарри! — воскликнули они.

Семья высушила и расчесала Гарри с любовью, и он снова стал белой собакой с черными пятнышками.

Как прекрасно быть дома. После ужина Гарри заснул на своем любимом месте, и ему приснились счастливые сны о том, как же было весело испачкаться. Он спал так крепко, что даже не заметил щетку для мытья, которую спрятал под подушкой.

Перевод Марии Зинатуллиной (z.masha9957@gmail.com). В 2022 г. окончила РГПУ им. Герцена по направлению «Лингвистика» (Перевод и переводоведение). Во время учебы в университете увлеклась переводом художественной литературы благодаря семинарам С. А. Степанова.

Jorge Luis Borges (1899–1986). El Disco

Soy leñador. El nombre no importa. La choza en que nací y en la que pronto habré de morir queda al borde del bosque. Del bosque dicen que se alarga hasta el mar que rodea toda la tierra y por el que andan casas de madera iguales a la mía. No sé; nunca lo he visto. Tampoco he visto el otro lado del bosque. Mi hermano mayor, cuando éramos chicos, me hizo jurar que entre los dos talaríamos todo el bosque hasta que no quedara un solo árbol. Mi hermano ha muerto y ahora es otra cosa la que busco y seguiré buscando. Hacia el poniente corre un riacho en el que sé pescar con la mano. En el bosque hay lobos, pero los lobos no me arredran y mi hacha nunca me fue infiel. No he llevado la cuenta de mis años. Sé que son muchos. Mis ojos ya no ven. En la aldea, a la que ya no voy porque me perdería, tengo fama de avaro pero ¿qué puede haber juntado un leñador del bosque?

Cierro la puerta de mi casa con una piedra para que la nieve no entre. Una tarde oí pasos trabajosos y luego un golpe. Abrí y entró un desconocido. Era un hombre alto y viejo, envuelto en una manta raída. Le cruzaba la cara una cicatriz. Los años parecían haberle dado más autoridad que flaqueza, pero noté que le costaba andar sin el apoyo del bastón. Cambiamos unas palabras que no recuerdo. Al fin dijo:

— No tengo hogar y duermo donde puedo. He recorrido toda Sajonia. Esas palabras convenían a su vejez. Mi padre siempre hablaba de Sajonia; ahora la gente dice Inglaterra.

Yo tenía pan y pescado. No hablamos durante la comida. Empezó a llover. Con unos cueros le armé una yacija en el suelo de tierra, donde murió mi hermano. Al llegar la noche dormimos.

Clareaba el día cuando salimos de la casa. La lluvia había cesado y la tierra estaba cubierta de nieve nueva. Se le cayó el bastón y me ordenó que lo levantara.

— ¿Por qué he de obedecerte? — le dije.

— Porque soy un rey — contestó.

Lo creí loco. Recogí el bastón y se lo di.

Habló con una voz distinta.

— Soy rey de los Secgens. Muchas veces los llevé a la victoria en la dura batalla, pero en la hora del destino perdí mi reino. Mi nombre es Isern y soy de la estirpe de Odín.

— Yo no venero a Odín — le contesté —. Yo venero a Cristo.

Como si no me oyera continuó:

— Ando por los caminos del destierro pero aún soy el rey porque tengo el disco. ¿Quieres verlo?

Abrió la palma de la mano que era huesuda. No había nada en la mano. Estaba vacía. Fue sólo entonces que advertí que siempre la había tenido cerrada. Dijo, mirándome con fijeza:

— Puedes tocarlo.

Ya con algún recelo puse la punta de los dedos sobre la palma. Sentí una cosa fría y vi un brillo. La mano se cerró bruscamente. No dije nada. El otro continuó con paciencia como si hablara con un niño:

— Es el disco de Odín. Tiene un solo lado. En la tierra no hay otra cosa que tenga un solo lado. Mientras esté en mi mano seré el rey.

— ¿Es de oro? — le dije.

— No sé. Es el disco de Odín y tiene un solo lado.

Entonces yo sentí la codicia de poseer el disco. Si fuera mío, lo podría vender por una barra de oro y sería un rey.

Le dije al vagabundo que aún odio:

— En la choza tengo escondido un cofre de monedas. Son de oro y brillan como el hacha. Si me das el disco de Odín, yo te doy el cofre.

Dijo tercamente:

— No quiero.

— Entonces — dije — puedes proseguir tu camino.

Me dio la espalda. Un hachazo en la nuca bastó y sobró para que vacilara y cayera, pero al caer abrió la mano y en el aire vi el brillo. Marqué bien el lugar con el hacha y arrastré el muerto hasta el arroyo que estaba muy crecido. Ahí lo tiré.

Al volver a mi casa busqué el disco. No lo encontré. Hace años que sigo buscando.

Хорхе Луис Борхес (1899 – 1986). Диск

Я лесоруб. Мое имя неважно. Хижина, где я родился и где скоро мне предстоит умереть, стоит на краю леса. Говорят, он тянется до самого моря, которое окружает всю землю, а по морю плавают деревянные дома, совсем как мой. Не знаю, никогда не видел. Не видел я и другой стороны леса. В детстве старший брат заставил меня поклясться, что вместе мы вырубим лес до последнего дерева. Теперь брат умер, и нечто совсем другое я ищу и продолжу искать.

К закату бежит ручей, в котором я ловлю рыбу руками. В лесу водятся

волки, но они не пугают меня, и топор мне никогда не изменял. Я не считаю свои года, но знаю, что их немало. Глаза мои уже не видят. В деревне, куда я больше не хожу, боясь заблудиться, обо мне идёт слава скупца. Но что мог скопить простой лесоруб?

Я подпираю дверь своего дома камнем, чтобы внутрь не влетал снег. Однажды вечером я услышал тяжкие шаги, а затем — стук в дверь. Я открыл, и вошёл незнакомец. Это был высокий старый человек, закутанный в истертый плащ. Шрам пересекал его лицо. Казалось, годы не ослабили его, а только придали величественности. И всё же я заметил, что ему трудно ходить без палки. Мы обменялись парой фраз, которых я уже не помню. Наконец, он сказал:

— У меня нет дома, и я сплю, где придётся. Я объехал всю Саксонию.

Это были подобающие его возрасту слова. Мой отец всегда называл эти земли Саксонией. Теперь говорят «Англия».

У меня нашлись рыба и хлеб. Мы ели молча. Начался дождь. Из шкур я соорудил для него лежанку на земляном полу, где умер мой брат. С приходом ночи мы уснули.

Светало, когда мы вышли из дома. Дождь кончился, и землю покрывал свежий снег. У странника упала палка, и он приказал мне поднять её.

— С чего это я должен подчиняться? — спросил я.

— Потому что я король, — ответил он.

«Сумасшедший», — решил я, поднял палку и отдал ему. Он заговорил изменившимся голосом:

— Я — король секгенов. Множество раз в жестоком бою я приводил их к победе, но пробил роковой час, и я потерял своё королевство. Имя мне Исерн, я из рода Одина.

— Я не чту Одина, — ответил я. — Я чту Христа.

Словно не слыша меня, он продолжил:

— Даже блуждая дорогами изгнания, я всё ещё король, ведь у меня есть диск. Хочешь его увидеть?

Он протянул худощавую руку и раскрыл ладонь. Там ничего не было. Ладонь была пуста. Только тут я заметил, что он всегда будто что-то сжимал в ней. Пристально глядя на меня, он сказал:

— Можешь до него дотронуться.

С некоторой опаской я приблизил кончики пальцев к его ладони. Я ощутил нечто холодное и увидел блеск. Ладонь резко сомкнулась. Я ничего не сказал. Тот продолжал терпеливо, как будто говорил с ребёнком:

— Это диск Одина. У него только одна сторона. Нет на земле другой вещи, у которой была бы только одна сторона. Пока он в моей ладони, я — король.

— Он из золота? — спросил я.

— Не знаю. Это диск Одина, и у него только одна сторона.

Тогда я страстно захотел завладеть диском. Будь он моим, я бы продал его за слиток золота и стал королём.

Я сказал бродяге, которого всё ещё ненавижу:

— В моей хижине спрятан сундук с монетами. Они золотые и сверкают, как мой топор. Отдай мне диск Одина, и я дам тебе сундук.

Он отрезал:

— Нет, не хочу.

— Тогда, — сказал я, — иди своей дорогой.

Он повернулся ко мне спиной. Одного удара топором по затылку хватило даже с избытком: он покачнулся и упал, но, падая, раскрыл ладонь, и в воздухе что-то блеснуло. Я тщательно отметил место топором и отволол мертвеца к разлившемуся ручью. Туда я и бросил тело.

Вернувшись к дому, я стал искать диск. Но тот пропал. Я ищу его уже многие годы.

Перевод Мариин Ловин-Лович (melamory24@mail.ru). Филолог, в 2017 г. окончила магистратуру СПбГУ по программе «Литература и культура народов зарубежных стран» (специализация «Сравнительное литературоведение»). Репетитор, переводчик-фрилансер с испанского и английского языков. Перевод занял первое место на Международном конкурсе начинающих переводчиков им. Э. Л. Линецкой в номинации «испанская проза» (2018).

Содержание

От составителя (О. В. Матвиенко)	3
Слово о конкурсе (К. С. Корконосенко)	4
МАТЕРИАЛЫ КОНКУРСА НАЧИНАЮЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ ИМЕНИ Э. Л. ЛИНЕЦКОЙ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2021)	5
ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО	6
АНГЛИЙСКАЯ ПРОЗА	7
<i>Eudora Welty (1909–2001). A Visit of Charity (1941)</i> <i>Юдора Уэлти (1909–2001). Благотворительный визит.</i> Переводы Е. Савиной, И. Столярова, Л. Бардуковой	
АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ	27
<i>Thomas Hardy (1840–1928). Weathers. Томас Харди (1840–1928). Погоды.</i> Переводы Е. Лихачевой, В. Сурняевой. <i>Томас Харди (1840–1928). Такая разная погода.</i> Перевод С. Войдакова. <i>Томас Гарди (1840–1928). Погожий день кукушке мил...</i> Перевод О. Матвиенко	27
ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО	31
НЕМЕЦКАЯ ПРОЗА	32
<i>Joachim Ringelnatz (1883–1934). Diplingens Abwesenheit.</i> <i>Йоахим Рингельнатц (1883–1934). Диплинжей нет дома.</i> Перевод О. Протопоповой. <i>Йоахим Рингельнатц (1883–1934). Отъезд Диплинжей.</i> Перевод Ч. Джапаровой	
<i>Peter Bichsel (geb. 1935). Aus: «Eigentlich möchte Frau Blum den Milchmann kennenlernen», 1964. Der Milchmann. Петер Биксель (род. 1935). Молочник.</i> Перевод С. Куцевой	40
НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ	42
<i>Gottfried Benn (1886–1956). Kommt. Готфрид Бенн (1886–1956). Давайте потолкуем.</i> Перевод М. Альберт. <i>Готфрид Бенн (1886–1956). Давай!</i> Перевод К. Белого. <i>Готфрид Бенн (1886–1956). Поговорим.</i> Перевод А. Степанова. <i>Готфрид Бенн (1886–1956). Пойдём.</i> Перевод С. Куцевой. <i>Готфрид Бенн (1886– 1956). Ну же! Давай!</i> Переводы О. Матвиенко	42
ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО	45
ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОЗА	46
<i>Jean Berthier. 1 144 livres (roman). Éditions Robert Laffont, S.A.S., Paris, 2018</i> <i>Жан Бертье. 1144 книги (роман). Éditions Robert Laffont, S.A.S., Париж, 2018.</i> Перевод Е. Лебедевой. <i>Жан Бертье. 1144 книги.</i> Переводы Л. Дяченко, Е. Савиной	46
ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ	49
<i>Jean-Claude Pirotte (1939–2014), un écrivain, poète et peintre belge. ***</i> <i>Жан-Клод Пиротт (1939–2014), бельгийский писатель, поэт и художник. ***</i> Переводы И. Ачкасовой, Д. Киреевой, Д. Чабыкиной, А. Лукониной	49

ПЕРЕВОДЫ С ИСПАНСКОГО	53
ИСПАНСКАЯ ПРОЗА	54
<i>Ramón Pérez de Ayala (1880–1962). Belarmino y Apolonio (fragmento)</i>	54
<i>Рамон Перес де Айала (1880–1962). Белармино и Аполонио (отрывок).</i> Перевод Н. Костроминой. <i>Рамон Перес де Айала (1880–1962). Беллармин и Аполлоний (фрагмент).</i> Перевод Е. Павлюковой	
ИСПАНСКАЯ ПОЭЗИЯ	58
<i>Miguel de Cervantes Saavedra (1547–1616). Don Quijote. Tomo I. Capitulo XXXIII</i>	58
<i>Мигель де Сервантес Сааведра (1547–1616). Дон Кихот. Том I. Глава XXXIII</i> Переводы О. Прощеной, Е. Лихачевой, Н. Меркулова, М. Порошиной, В. Соломахиной	
ПЕРЕВОДЫ С ИТАЛЬЯНСКОГО	60
ИТАЛЬЯНСКАЯ ПРОЗА	61
Отрывок из сочинения <i>Арриго Катерино Давила (1576–1631) «История гражданских войн французских» (Historia delle guerre civili di Francia, 1630), посвященный эпизоду осады Парижа Генрихом III летом 1589 г.</i> Переводы Е. А. Хвалькова, Д. Н. Войницкого, А. Свотиной	61
ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ	68
<i>Giovan Battista Marino (1569–1625). «Adone» (1623) 513–514</i>	68
Отрывок из поэмы <i>Дж. Б. Марино «Адонис» (1623) 513–514.</i> Перевод Маши Гатто (Марии Кицис). <i>Джован Баттиста Марино (1569–1625)</i> <i>Адонис (заключительные октавы) 513–514.</i> Перевод В. Б. Курьянова	
ПЕРЕВОДЫ С ВЕНГЕРСКОГО	71
ВЕНГЕРСКАЯ ПРОЗА	72
<i>Kiss Tibor Noé: Beláthatatlan táj (részlet). Тибор Ноз Киш. Неопределенный пейзаж (отрывок).</i> Перевод К. Фехер. <i>Киш Тибор Ноз. Непредсказуемый пейзаж (фрагмент).</i> Перевод О. Воронковой	72
ВЕНГЕРСКАЯ ПОЭЗИЯ	78
<i>Erdős Virág. Anyegin... Эрдёш Вираг. Онегин...</i> Перевод В. Сурняевой	78
ПЕРЕВОДЫ С КИТАЙСКОГО	80
КИТАЙСКАЯ ПРОЗА	81
陈忠实 《白鹿原》 (节选)	81
<i>Чэнь Чжунши. Отрывок из романа «Равнина белого оленя».</i> Перевод Ю. Киселевой. <i>Чэнь Чжунши. «Равнина Белого оленя» (отрывок).</i> Переводы Е. В. Нечаевой, М. Некрасовой	
КИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ	89
穆木天 《苍白的钟声. 穆 穆тянь. «Бледный колокола звон». Перевод М. М. Поповой. <i>Му Мутянь «бледный звон колокольный».</i> Перевод Е. Ким	89

Опыт художественного перевода в Донбассе	93
Langston Hughes. Dreams. Лэнгстон Хьюз. Мечты. Lawrence Collins. Only a Little Planet. Лоуренс Коллинз. Родная планета. Вольные переложения Евгении Савро	94
Ernest Hemingway. The Old Man at the Bridge. Эрнест Хемингуэй. Старик у моста. Перевод О. Матвиенко	95
Материалы конкурса «Мои первые переводы» (Донецк, ДНР, 2019, 2021).	98
Carol Ann Duffy. Valentine. Кэрол Энн Даффи. Валентинка. Переводы А. Голубева, Д. Зеленской, К. Посредникова, В. Курочкина, О. Матвиенко	98
Amy Lowell. A Lady. Эми Лоуэлл. Дама. Перевод А. Остапенко. Эми Лоуэлл. Леди. Переводы Д. Жихаревой, М. Паллона, С. Бутенко, А. Вербенко, С. Галатиной, К. Горбанюка, В. Грушецкой, Е. Лободы, Д. Шолом, вольный перевод А. Карпенко, перевод-стилизация А. Мельник, перевод А. Антоновой.	102
Эми Лоуэлл. Дама сердца. Перевод А. Борщик	109
Эми Лоуэлл. Дама. Перевод О. Матвиенко. Емі Ловелл. Дама. Переклад О. Матвієнко	109

В переводческой мастерской 111

Из переводов Константина Белого	
Adelbert von Chamisso (1781–1838). Die alte Waschfrau. Адельберт фон Шамиссо (1781–1838). Старая прачка. Joseph von Eichendorff (1788–1857). Meeresstille. Йозеф фон Айхендорф (1788–1857). Морской штиль. Paul Celan (1920–1970). Espenbaum. Psalm. Пауль Целан (1920–1970). Осина. Псалом	112

Из переводов Ларисы Стаховой

Jane Austen (1775–1817). *** (Happy the lab'rer in his Sunday clothes!) Ode to Pity. Little Bag. *** (When stretch'd on one's bed...) *** (Miss Lloyd has now sent to Miss Green...) *** ('I've a pain in my head') Mock Panegyric on a Young Friend. *** (Of a Ministry pitiful, angry, mean...) *** (My dearest Frank, I wish you joy...) *** (Oh! Mr. Best, you're very bad...)	119
---	-----

Джейн Остин (1775–1817). * (Шагает фермер в церковь в воскресенье...) Ода меланхолии. Мешочек. *** (Вы в постели весь день...) *** (Мисс Ллойд как-то раз для мисс Грин...) *** (Я с мигренью опять!) Похвала моей юной подруге. Капитан корабля, как бы ни был он смел... /Капитан корабля благороден и смел...*** (Мой милый Фрэнк*, пишу, спеша...) *** (Вы, мистер Шарм, такой плохой!)**

Fielden Hughes. The Mistake. Филден Хьюз. Ошибка. Перевод А. Зайцева	128
---	-----

Gene Zion (1913–1975). Harry the Dirty Dog. Джин Зион (1913–1975). Гарри — псина-грязнуля. Перевод М. Зинатуллиной	135
---	-----

Jorge Luis Borges (1899-1986). El Disco. Хорхе Луис Борхес (1899-1986). Диск. Перевод М. Ловин-Лович	137
---	-----

Литературно-художественное издание

Отражения. Выпуск 12.

Первые опыты художественного перевода

Редакторы и составители: К. С. Корконосенко, О. В. Матвиенко

Иллюстрации: В. В. Бондаренко